



Татьяна Соломатина

Роддом.
Сериял

Кварты

14-26

Татьяна Юрьевна Соломатина

Роддом. Сериал. Кадры 14–26

Серия «Роддом», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441888

Роддом. Сериал : Кадры 14—26 / Татьяна Соломатина: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59594-5

Аннотация

«Просто в этот век поголовного инфантилизма уже забыли, что такое мужик в двадцать пять!» – под таким лозунгом живет и работает умная, красивая и ироничная (палец в рот не клади!) Татьяна Мальцева, талантливый врач и отчаянный жизнелюб, настоящий Дон Жуан в юбке.

Работая в роддоме и чудом спасая молодых мам и новорожденных, Мальцева успевает и в собственной жизни закрутить роман, которому позавидует Голливуд!

«Роддом. Сериал. Кадры 14–26» – продолжение новой серии романов от автора книги «Акушер-ХА!».

Содержание

Кадр четырнадцатый	4
Кадр пятнадцатый	28
Кадр шестнадцатый	46
Кадр семнадцатый	80
Кадр восемнадцатый	118
Кадр девятнадцатый	153
Кадр двадцатый	214
Кадр двадцать первый	252
Кадр двадцать второй	273
Кадр двадцать третий	303
Кадр двадцать четвёртый	332
Кадр двадцать пятый	357
Кадр двадцать шестой	387
2	401

Татьяна Соломатина

Роддом. Сериал.

Кадры 14–26

Кадр четырнадцатый

Цирк, да и только!

Мальцева на полном автомате нашарила мобильный, прыгающий в виброрежиме где-то на полу. Будь проклят тот, кто придумал мобильные! Будь проклят тот, кто придумал телефон! Будьте вы все прокляты! Те, кто придумал хоть какую-то связь... И те, кто решил, что без связи человечеству никуда. То есть скопом – будь проклято всё человечество. Будь проклята заодно и её собственная профессия, помогающая этому самому человечеству размножаться в самое неподходящее время суток!

Татьяна Георгиевна взяла трубку и пошла с нею на кухню. Чёрт, где здесь кухня-то? Где она сама вообще?! И кому там вздумалось рожать в... Она глянула на мерцающее в темноте табло... В три часа ночи!

– Танька!.. Алло! Танька, ты спишь?! – зашипела

трубка голосом Маргариты Андреевны.

– Теперь уже нет! – грозным шёпотом ответила Мальцева. – Марго, если ты звонишь мне не по достаточно важному поводу – тебе конец! Если ты бессовестно пользуешься тем обстоятельством, что я никогда и нигде не могу насовсем отключиться из эфира – будь и ты проклята вместе со всеми! – Мило пожелала заведующая обсервационным отделением крупного родильного дома старшей акушерке этого же отделения и по совместительству своей лучшей подруге.

– Ты где вообще?! – возмущённо уточнила Маргарита Андреевна, не слишком испугавшись пожеланий своей начальницы. – Я звонила тебе на домашний, никто не взял трубку!

– А я не беру трубку домашнего телефона по ночам. Я его вообще отключаю!

– Не гони! Ты всегда берёшь трубку и никогда не отключаешь телефон. Немедленно отвечай, где ты!

– Марго, ты за этим звонишь в три часа ночи? Чтобы уточнить, где я?! Я уже давно взрослая девочка!

– Но ты же ушла вместе с интернетом!

– Да, ушла! Вместе. К сожалению, менее взрослой девочкой от этого не стала. Ушла вместе и теперь пытаюсь выяснить, где в его долбаной кухне включается свет и хранится кофе... Какого чёрта, Марго?!

– Ты стоишь?

– Стою.

– Так сядь!

– Я не знаю, куда здесь можно сесть. И можно ли тут вообще куда-нибудь садиться голой жопой.

– Ты на кухне интерна в три часа ночи с голой жопой?! – ахнула с той стороны Марго. – Ты что, переспала с ним?

– Нет, блин! Я в три часа ночи на кухне интерна с голой жопой лишь потому, что не знала, откуда бы и как ещё с тобой поговорить! Я же, понимаешь, не имею права не брать телефон. Особенно, когда входящий от тебя. А с голой жопой я, потому как, прости мне мою нерасторопность, ещё не обзавелась халатиком на его территории! – съязвила Мальцева. – Ты будешь мне что-то по делу говорить?!

Щёлкнул выключатель и на кухне загорелся мягкий свет. Абсолютно голый интерн стоял с перекинутой через плечо рубашкой и иронично улыбался. Гад! Пару секунд нагло поразглядывав Татьяну Георгиевну, он, изображая любезного джентльмена, подал ей эту самую рубашку с таким видом, будто это было меховое манто. Она молча по очереди продела руки в рукава и сартикулировала ему: «Кофе!» Интерн достал из-под стола табуретку, демонстративно-галантно промахнул её кухонным полотенцем и жестом пригласил садиться, мол, не беспокойтесь, стерильно!

– Эй! Куда пропала? Танька!

– Пантомиму изображаю. Марго, что случилось?

Или ты говоришь, или я нажимаю отбой!

– У Панина внучка родилась!

– Поздравляю! Мне что, срочно приехать и в жопу её поцеловать?! Эта новость могла подождать и до утра!

– Нет, если ты ещё стоишь, так сядь. Потому что я тебе сейчас скажу, где она родилась!

– Я уже сижу. Говори.

– Первая внучка Семёна Ильича Панина, заместителя главного врача по акушерству и гинекологии нашей нехилой больницы, доктора наук и доцента кафедры родилась... – Марго выдержала многозначительную паузу и выпалила: – на автобусной остановке! Реально – на скамейке автобусной остановки! Это же анекдот на сто лет! Ты представляешь, как над ним будет потешаться вся медицинская общественность? Я уже не говорю о бабушках на тех самых и всех прочих скамейках! – Маргарита Андреевна жизнерадостно заржала.

– Ну, судя по тому, как ты хохочешь, всё в порядке. Подробности подождут до утра. Марго, я жутко хочу курить, мне вообще неловко... – Татьяна Георгиевна приняла у интерна прикуренную сигарету.

– Не-е, неловко тебе будет завтра! Потому что Сё-

ма, во-первых, чуть не сошёл с ума, но вовсе не из-за внучки. Чуть было не развязал безобразную драку с доцентом Матвеевым, и если бы не Святогорский... В общем, он рвался в ночь!

– А что во-вторых?

– Что – во-вторых?

– Ты сказала, что Сёма, *во-первых*, чуть не сошёл с ума, но вовсе не из-за внучки...

– А во-вторых, он чуть не сошёл с ума, когда ему старшенький его позвонил. У папы, понимаешь, половые страсти в нешуточном разгаре, а тут ему звонит сынишка и говорит, мол, папа, ты только не сердись, мы едем в родильный дом, но уже с ребёнком... В общем, у нас лежит невестка Семёна Ильича. Показания к обсервации «роды на дому», ага. Вот смеху-то!

Интерн поставил перед Татьяной Георгиевной чашку горячего кофе.

– Всё Марго, до завтра!

– Эй, не смей бросать трубку! А как там интерн?

– Маргарита, он не там, а тут. Прямо передо мной. Потому, прости, мы не будем его обсуждать.

– Ладно. Тогда передавай ему привет.

Мальцева нажала отбой и затушила в пепельнице бычок.

– Вам, Александр Вячеславович, привет от Маргариты Андреевны.

– Спасибо. Я догадался.

Он сидел напротив Татьяны Георгиевны, подперев подбородок руками и смотрел на неё влюблённо-влюблённо.

– Александр Вячеславович, я чувствую себя очень глупо, – через пару минут наконец выдавила из себя Мальцева.

– Татьяна Георгиевна, мы с вами уже были на «ты».

– Ну, мало ли с кем я в постели на «ты» была... – она коротко хохотнула. – И хорошенький юный глупец кофе прямо в кабинет подаёт... Не сердитесь, это я озвучила свои мысли. Промелькнувшие, когда вы мне кофе в кабинет подавали¹.

– Я готов вам всю жизнь подавать кофе. В кабинет, за стол, в постель...

– Да-да, конечно, и звезду с неба не забудьте... – рассеянно прервала парня Татьяна Георгиевна. – На Аллу Борисовну с Галкиным мы с вами пока не тянем, но на Филю с ней же – вполне. А такое, как подсказывает опыт, хорошо не заканчивается. Вы очень красивый парень, Александр Вячеславович. Но вы...

– ...интерн, а вы – заведующая! – ласково улыбаясь, немного иронично резюмировал он, сглаживая повисшую паузу.

– И это тоже, разумеется. Но для начала – я могла

¹ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

бы вас родить. С небольшой натяжкой.

– С очень большой натяжкой, Татьяна Георгиевна.

– Ну не важно... Важно то, что я никогда не спала с женщиной моложе себя. Никогда. У каждого свои фобии и свои табу. Кто-то пауков боится до одури, кто-то в застрявшем лифте задыхается. Мусульманину – свинину нельзя. А я, Александр Вячеславович, боюсь мужчин моложе себя. Мне их нельзя. Религия не позволяет. Табу! И вот я, поддавшись минутной слабости, поддавшись желанию утереть кое-кому нос, поддавшись глупому порыву... В общем – поддавшись!.. И теперь испытываю чувства человека, предавшего свою веру, подорвавшего свои собственные устои. Я как будто пнула щенка. Что противоречит всей картине моего мира. И ещё – то, что я переспала с женщиной моложе себя, означает, Александр Вячеславович, что я старею. – Она прикурила следующую сигарету. – И более ничего. Короче!.. – Мальцева запнулась ненадолго и выпалила: – Наше с вами приключение равным счётом ничего не значит, Александр Вячеславович. Зарубите это себе на носу!

– Ладно... Ещё кофе, Татьяна Георгиевна? Может быть, с коньяком?

– С коньяком? Уже полчетвёртого. В полвосьмого я обычно прихожу на работу. Когда я вообще на неё прихожу. В том смысле, если я вообще с неё уйду...

Глупость какая-то... И что значит ваше «ладно»?!

– Ладно, я зарублю это себе на носу.

Интерн усмехнулся и встал. Подошёл к кухонным шкафчикам. Достал коньяк. Всё-таки у него была совершенно прекрасная фигура. Как у Панина в молодости. Или даже как у... Ой нет! Даже думать о его имени сейчас не надо. Того, кто был помощнее Семёна Ильича.

– Вы как-то с носами переборщили, Татьяна Георгиевна. Тому – утёрли, этому – зарубили. И всё за один присест.

– Смеётесь, Александр Вячеславович? Грамотный, да? Обчитались где-то чего-то? Мол, чем меньше женщину мы...

– О, вот когда вы язвите, Татьяна Георгиевна, вы становитесь невыносимо очаровательны! И, кстати, фобии – они, как правило, лечатся. А вероисповедания частенько меняются.

– Я поняла, да. Психологическое айкидо... Александр Вячеславович, вы не занимались плаванием?

– Ну что вы, Татьяна Георгиевна! Для пловца у меня слишком круглый бицепс и пропорционально раскочанная шея. Пловцы в этих местах более... Более плоски. Я занимался всем понемногу. В основном я занимался собой, а не плаванием, не горными лыжами, не восточными единоборствами и не академи-

ческой греблей. Я всегда занимался собой. А сейчас мне хочется заняться вами.

– Вы наглец, Александр Вячеславович!

«Наглец» налил ей полную рюмку коньяку.

– Вам не кажется странным, Татьяна Георгиевна, что вы, сидя на моей кухне, в моей рубашке, выпивая мой кофе и мой же коньяк, называете меня наглецом?

– Вы очень обаятельный наглец, Александр Вячеславович. Ваше здоровье!

Мальцева махнула залпом. Стало тепло, весело и хорошо. Какого чёрта, в конце концов?! Красивый мужик. Не без чувства юмора. Не без благородства манер. Уместный. Своевременный. Она стареет? Возможно. Не стареют только вовремя умершие. Но она то жива! И пока ещё не слишком постарела. Если Панин теперь дедушка – то и вовсе смешно. Смешно себе отказывать в такой малости, как вкусный секс с красивым заботливым молодым мужчиной.

– Вы живёте далеко от роддома, Александр Вячеславович? Совсем не помню, как я тут оказалась. До какого-то момента, разумеется, помню... Был чудесный вечер. А как сюда добрались – не помню... – Она рассмеялась. – Нет, ну с какого-то момента, разумеется, помню...

– Я вам сейчас всё напому в подробностях! – Интерн легко поднял её с табуретки и отнёс в спальню...

Он вызвал ей такси на семь утра. И попросил ничего не говорить. Она ничего ему и не сказала. Только поблагодарила за такси. На утренней пятиминутке в отделении он с ней вежливо поздоровался. Вежливо и ровно. Серая мышь Светлана Борисовна, схватив интерна за локоток, начала что-то ему шёпотом выговаривать. Татьяну Георгиевну это неожиданно неприятно резануло. Что она там может ему выговаривать? Строит из себя великого гуру? Рассказывает, куда анализы клеить? Сегодня на плановое кесарево надо взять интерна. Светлана Борисовна в пролёте. У него, ей-богу, дара к хирургии больше, чем у этой невзрачной девицы. Она второй год в ординаторах, а в ране суетится, как старая дева перед сватовством... Ох, молчала бы ты, Татьяна Георгиевна, про старых дев!.. Ну хорошо, хорошо... Старая. Зато не дева. Блин, ну что за мысли тревожат заведующую отделением на внутренней пятиминутке?! Сосредоточься, корова! Тут и так, поди, разговоров уже хватает. Уж слишком эффективным было вчерашнее бегство. Включись!

– Панина Екатерина Петровна, двадцать три года, беременность первая, тридцать девять – сорок недель. Роды первые, срочные. На дому. Послед без дефектов. Родовые пути осмотрены – целы. Новорождённый женского пола, весом три пятьсот, пятьдесят

один сантиметр. С оценкой по шкале Апгар²... Ой, простите. Какой уж тут Апгар, на скамейке-то! – доложила среди прочего дежурная акушерка.

Все присутствующие в ординаторской сдавленно захихикали. Мальцева постучала ручкой по столу и хмуро поправила:

– Какая! Апгар – она какая. Потому что женщина. Стыдно не знать!

– Кхм! Общее состояние родильницы удовлетворительное, – максимально серьёзно завершила доклад старшая смены.

– В люкс хоть хватило соображения положить?

– Обижаете, Татьяна Георгиевна. Да Семён Ильич

² Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорождённого. На двадцать седьмом конгрессе анестезиологов (1952) американская врач-анестезиолог Вирджиния Апгар впервые официально представила разработанную ею систему оценки состояния новорождённого на первых минутах жизни. Это простой метод для начальной оценки состояния ребёнка с целью выявления необходимости реанимационных процедур. Шкала предполагает суммарный анализ пяти критериев (окраска кожных покровов, частота сердечных сокращений, рефлекторная возбудимость, мышечный тонус, дыхание), каждый из которых оценивается в баллах от нуля до двух включительно. Результат оценки может быть в диапазоне от нуля до десяти. Данное тестирование проводится обычно на первой-пятой минуте после рождения и может быть повторено позднее, на десятой минуте, если результаты оказались низкими. Баллы менее трёх означают критическое состояние новорождённого, более семи считается хорошим состоянием (норма). Шкала Апгар является маркером жизнеспособности, а вовсе не показателем здоровья новорождённого в целом.

тут сам ночью был, так что... – Акушерка помахала рукой. – Второй этаж, третий люкс. Носимся как с писаной торбой. Не волнуйтесь.

Надо же Мальцевой было столкнуться с Паниным именно в лифте, именно этим утром! Да ещё и в компании Святогорского! Что за еврейское счастье!

– Доброе утро! – сказала Мальцева всем.

– Доброе, Татьяна Георгиевна! – чересчур вежливо и официально раскланялся Аркадий Петрович.

– Доброе утро, Семён Ильич! – уже адресно обратилась она к промолчавшему Панину.

Двери раскрылись, и начмед вылетел из лифта, так и не удостоив ответным приветствием заведующую наблюдательным отделением.

– Пошли наверх, покурим, – шепнул Святогорский.

– Что это с ним? – спросила Мальцева.

– Тебе лучше знать. Слушай, что у нас тут была за ночь... Цирк, да и только! Тебе уже Марго наверняка рассказала!

– Рассказала. Не пойду я курить наверх. Меня Панин уволит.

– Не уволит. Он без тебя жить не может.

– Может. Он прекрасно может без меня жить. Он не может видеть, как я могу жить без него.

Утренняя врачебная конференция была молниеносной. Сразу после неё Панин унёсся в горздрав.

А Мальцева ушла в операционную. Рабочий день покати́лся своим чередом.

К двум часам дня Татьяна Георгиевна дошла наконец до третьего люкса на втором этаже.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна! Я так рада, что лежу именно тут, именно у вас! Вы меня не помните? Вы были на нашей свадьбе, и ещё мы виделись на дне рождения Семёна Ильича, я – Алёшина жена! – бодро затараторила ей навстречу молодая хорошенькая женщина. – Вы представляете, какой ужас?! Я родила на скамейке! Семён Ильич страшно кричал на Алёшку, он ему говорил, что мы идиоты, ну и всякое такое... Что его теперь весь город на смех поднимет, что...

– Здравствуйте, Катя. Я вас прекрасно помню. Ложитесь, я вас осмотрю...

– Нет, это на самом деле очень весело, Татьяна Георгиевна! – Жизнерадостная Катя улеглась в кровать и явно собиралась рассказать Мальцевой историю своих родов «на дому». То есть на скамейке. – Понимаете, я же не собиралась рожать на скамейке! Просто я помню нашу практику в родильном доме на четвёртом курсе. И помню, что мне совсем там не понравилось. Женщины какие-то все суматошные, несчастные. Врачи все какие-то злые, издёрганные. Практикантам ночевать было негде, все на нас цыка-

ли. Вот я и решила тянуть до последнего...

– Катя, но вы же не практикант, а беременная! Были... Вы – студентка пятого курса медицинского университета! Вы – невестка начмеда одного из самых крупных родильных домов города. Всё-таки вы должны понимать, что нельзя тянуть до последнего.

– Понимать – понимаю. Но всё-таки решила тянуть. Ну и вот, короче, началось. Больно, но терпимо. Алёшка на ночном дежурстве в своей травме, ну а я хожу, схватки считаю, ужин готовлю... Ну, думаю, как будет перерыв между схватками в пять-шесть минут – тогда такси вызову и поеду сюда. Чтобы никого заранее не тревожить. Тем более у всех вчера двадцать третье февраля, что я, не понимаю, что ли?

– Можете вставать, Катя, если хотите. Всё у вас в порядке.

– Вот я же и говорю – всё в порядке! – подскочила Катя Панина, запахивая халатик. – Хожу, схватки считаю, никого не тревожу. То десять минут, то одиннадцать. То снова – десять. Ну ладно, думаю, ещё похожу... Полы решила помыть. Алёшка один дома останется на несколько дней – грязью зарастёт. Короче, хожу такая, со шваброй и с секундомером, и тут воды отошли! Решила пол всё-таки домыть, потому что я же помню, что первые роды – это долго.

– Катя, роды – какие угодно по счёту, – все очень

индивидуальные.

– Ну, теперь-то я знаю! – хохотнула развесёлая невестка Семёна Ильича. – Домыла полы, позвонила Алёшке, говорю, мол, начинается. Он мне: «Срочно «Скорую» вызывай!» А я говорю: «Да я машину быстрее на улице поймаю и за десять минут доеду». Алёшка мне: «Без меня никуда, дождись!» Я вот его ещё ждала...

– Катя, вы могли позвонить Семёну Ильичу, и он бы за вами нашу машину выслал с дежурным врачом! Всё, что угодно, могло случиться! – перебила Мальцева словоохотливую молодую мадам Панину.

– Да боялась я Семёну Ильичу звонить. Он бы меня заругал. Он же говорил, что надо госпитализироваться заранее, и всё такое, что обычно врачи говорят.

– Не ругал бы он вас, Катя!.. Какое безрассудство. Ну да теперь уже чего...

– Да. В общем, дождалась Алёшку. Скоренько выбегаем, идём до дороги. Там автобусная остановка. И Лёшка машину начинает ловить. Народу, в принципе, мало. Мороз такой, праздник опять же. Все уже напились и по домам разошлись. Ночь... Так что народу мало, никто не толкается, я стою себе в сторонке, жду, когда Лёшка машину поймает. И вдруг – бабах! – всё! Чувствую, головка выходит. Я Лёшке кричу: «Иди сюда!!!» А он мне: «Отстань! Я машину ловлю!» А я

ему: «Ребёнка уже иди лови, балбес!» И на остановку понеслась. Чтобы на скамейку лечь. Там только две бабы какие-то стояли – вмиг разбежались. Я легла на лавочку, штаны с колготками и трусами как-то в момент сдёрнула машинально. Алёха в ужасе, орёт: «Ёб твою мать!!!» Я ему: «Ты же врач!» А он мне: «Травматолог я, блин!.. Чё с этим делать, тащить?!» А меня смех разбирает. «Погоди, – говорю, – тащить! Может, сама выйдет!» В общем, на второй потуге выскочила. «Бери! – Алёшке ору. – Аккуратно только! Головку держи! Посмотри, чистый ли рот! А теперь переверачивай на ладони на животик и бей по попе!» И тут она как заорала! А я лежу, мне и больно, и смешно, и радостно. Счастливая такая лежу – в феврале на скамейке автобусной остановки, без трусов. – Катя хихикнула. – В общем, Лёшке кричу: «Заматывай! Холодно! Зима! Мороз!», а сама думаю: пуповина-то, пуповина что? И Лёшка мне: «А с пуповиной чего? Перегрызать, что ли?! И чего она так на канат похожа-то, а?» Врач, прости господи! Травматолог несчастный! А тут те две бабы, что убежали, снова прибежали с простынями, пледом, какими-то тряпками и орут: «Ребёнок погибает!!!» Хорошие тётки. Они не просто так убежали, оказалось. Приятно... Я им говорю: «Ничего он не погибает, нормальный ребёнок! Спасибо вам за бельё!» В общем, цирк, да и только! Какой-то непонятно отку-

да взявшийся мужик «Скорую» приволок. В «Скорой» Лёшка уже папе своему позвонил, что мы едем. Пока мне родовые пути осматривали, Семён Ильич на весь роддом орал, что теперь все будут говорить, будто невестка Панина под забором родила, а ваш анестезиолог, хороший такой дядька, как его...

– Аркадий Петрович! – вставила Татьяна Георгиевна, которую во время рассказа Кати Паниной страшно подмывало рассмеяться. Еле сдерживалась.

– Точно! Аркадий Петрович. Вот он Семёну Ильичу говорил, что всё обойдётся, что кто-то там к кому-то вернётся, что всё будет хорошо. Я не слишком вникала, потому что мне так радостно было и совсем не страшно. А на остановке поначалу было сильно страшно, потому что февраль всё-таки. И ещё я сильно волновалась, как Лёшка ребёнка за голову там взял. Он хоть и травматолог, но... А потом было совсем не страшно, потом я стала очень счастливая...

Мальцева не выдержала и наконец расхохоталась. Как-то даже слегка истерически.

– Вот я же и говорю, Татьяна Георгиевна! Цирк, да и только! Мне, конечно, ужасно стыдно, что всё так получилось, но с другой стороны – всё же хорошо. Чего все так с ума сходят? Мне даже немного жаль и акушерочек, и детских сестричек, и санитарочек. Я же невестка Панина. Все бегают по двадцать раз в день,

полы надраивают. Прокладок батареею нанесли. Мне столько не надо... Я уже страшно устала от них, от персонала. Все слишком заботливые и чересчур уж вежливые. А девочка у нас с Лёшкой хорошая. И переохладить мы её не успели. И молоко у меня есть, и вообще всё в порядке.

– Ох, простите, Катя. Это я не над вами смеялась. Это у меня...

– Нервное? – подсказала счастливая новоиспеченная мамаша.

– Вроде того... Катя, если вам что-то нужно...

– Нет-нет, Татьяна Георгиевна! Всё прекрасно! Сегодня только ещё свекровь и мама придут – и всё. И потом я надеюсь выспаться. Мама мне уже по телефону такую лекцию прочитала, ужас! Свекровь хоть спокойная, и то хорошо. У меня такая свекровь, Татьяна Георгиевна, что никакая мама не нужна! Да что я вам рассказываю, вы же и сами в курсе, вы столько лет дружите... Вы же и сами прекрасно знаете, какая тётя Варя хорошая!

– Да уж, прекрасно знаю. Варвара – ангел во плоти.

– Мы с Алёшей нашу дочку хотим назвать Варей. В честь неё.

– Прекрасное имя! Это очень похвально, такое ваше желание, Катя. Ну я пойду. Если что – двери моего кабинета всегда открыты.

Издевательство какое-то! Ей теперь что? Повесить тут расписание, в этом курительном закутке? Понедельник – Мальцева рыдает тут, давясь соплями и дымом в десять утра. Вторник – Мальцева рыдает тут же и так же, но уже после обеда. Будь ты проклята, прекрасная тётя Варя со всей своей хорошостью! Внучек в честь тебя называют. А тётя Таня теперь малолеток трахает. То есть – они её. Хорошие жизненные достижения. Отличные даже, чего уж там!

Вечером в кабинет зашла Марго. Как это она ещё так долго продержалась? Не до того было. Работа превыше всего.

– Слушай, ты что, правда переспала с этим интерном?

– Правда. И не единожды. Прежде чем орать об этом на всё отделение, двери прикрой хотя бы.

– Ой да ладно! Не так уж я и ору. А чего злая такая весь день? Должна сиять и лучиться.

– Ага. У Панина внучка родилась. В честь Варьки называют. А я с интерном переспала. И должна сиять.

– Да перестань!

– Я и не начинаю. Констатирую охуенно жёсткие факты, вот и всё.

– Не, ну а как тебе эти роды на скамейке? И эта Катя – какая-то умора. Она свою историю охотно всем рассказывает в подробностях. От заведующего нео-

натологией до буфетчицы. Панин уже синий ходит. Впрочем, может, он не от этого синий ходит... Он тебе звонил?

– Нет. Не звонил. Не вызывал. Даже не поздоровался, когда утром в лифте столкнулись. Что там за цирк вчера был, когда я ушла?

– Когда *вы* ушли! – поправила Маргарита Андреевна. – Когда вы ушли, Матвеев прижал Панина к стулу, тот давай вырываться, так что они его уже вдвоём со Святогорским держали. Девочка Светочка, пока я на Сёму всю свою контролирующую функцию перекинула, быстренько напилась как свинья. Видимо, до этого никогда не принимала. И давай плакаться, де, не любит её никто, а любят всё каких-то старых пожёванных блядей, причём любят этих старых пожёванных блядей буквально все.

– Чего это пожёванных? – хихикнула Мальцева.

– О! Узнаю брата Васю! А то взяла моду нюниться и плакать по углам.

– Ты откуда знаешь?

– Да всё я про тебя знаю, железная, блин, женщина. – Марго махнула рукой. – Ну так чего интерн-то?

– Он хороший, Маргоша. Очень красивый. Очень внимательный. Заботливый. Как будто ему не двадцать пять, а уже давным-давно...

– А что такое двадцать пять? – возмущённо пере-

била подругу старшая акушерка. – Двадцать пять – это уже здоровый мужик. Просто в этот век поголовно-го инфантилизма уже забыли, что такое мужик в двадцать пять. Гайдаром с его полком так всем мозги прополоскали, что надоело, видимо. Но может же среди поколения уродов вырасти один нормальный!.. Кстати, он в ординаторской сидит. Один. Делает вид, что внимательно читает книгу.

– Может, не делает. Может, действительно читает. У меня создалось впечатление, что он может отделять этих... мух от этих...

– Котлет! – подхихикнула Маргоша.

– Именно. Но зачем он мне, скажи, а? Я ему быстро надою. Он мне – ещё быстрее.

– Пусть будет. Надоест – выкинешь. А ты ему не можешь быстро надоест. Такая баба, как ты, – любому мужику за счастье!

– Ох, жаль, Маргоша, что одна из нас не мужик. Была бы идеальная пара.

– Или что мы не лесбиянки хотя бы, – грустно улыбнулась Марго. – Ладно, подруга, всё образуется.

– Ничего уже не образуется, Маргарита Андреевна. В лучшем случае я могу выйти замуж за вдовца Волкова. Кстати, он меня на какую-то гламурную вечеринку пригласил... А в худшем – я буду продолжать наши беспощадные отношения с Паниным.

– А интерн?

– А интерн, Марго, вообще не случай. Интерн, Марго, случайность. Не более.

– Но тебе-то хоть понравилось?

Зазвонил внутренний телефон.

– Татьяна Георгиевна, Маргарита Андреевна не у вас? Если у вас, пусть срочно поднимется в третий люкс второго этажа! – заполошной скороговоркой выпалила в трубку постовая акушерка.

Пошли вместе. Третий люкс второго этажа, ага.

– Там что-то странное! – причитала акушерка. – Идёмте, сами посмотрите! Я не знаю, что и как им сказать, потому что это же жена Семёна Ильича и мама его невестки.

Татьяна Георгиевна собралась вежливо постучать, но Маргарита Андреевна решительно раскрыла дверь. Зрелище, представшее перед заведующей отделением и старшей акушеркой, было действительно странным. По меньшей мере. В углу на стульчике тихо и аккуратно сидела распустёха Варя Панина, в обычной «гражданской» одежде, сложив ручки на коленках и явно не зная, как себя вести. А на полу лежала дебилая женщина в хирургической маске, в хирургической пижаме, в бахилах, сшитых из наволочки, в шапочке и в белых холщовых перчатках.

– Так, что здесь происходит?! – первой отмерла

Маргарита Андреевна. – Вы, мамочка, зачем больных к ребёнку пускаете?! – строго обратилась она к Кате Паниной.

– Татьяна Георгиевна, Маргарита Андреевна, познакомьтесь, это моя мама! – пискнула пунцовая Катя. – Мама не больная. Ну, во всяком случае, она не болеет простудными заболеваниями. Мама проверяет, нет ли здесь сквозняков!

– Да! Здесь ужасно сквозит! Это вредно для ребёнка! А эта! – приподнявшись с пола, ткнула Катина мама могучим подбородком в Варвару Панину. – Позволяет себе посещать ребёнка в наполненной вредными бактериями одежде!

– Ребёнок – не гнотобионт³. Иммунитета не лишён. Здесь тепло и нет сквозняков. И позволю себе напомнить, что ваша дочь родила на скамейке автобусной остановки – и ничего! А вы, если будете себя вести подобным образом, без справки от психиатра в родильный дом больше не зайдёте! – отчеканила старшая акушерка обсервации. – Устроили тут... цирк! Цирк, да и только!

– Спасибо, Маргарита Андреевна, – благодарно

³ Гнотобионты – безмикробные животные и животные, выращенные в условиях полной стерильности в период постнатального развития. Используются в основном в научных целях. Вне стерильных боксов долго не живут.

прошептала со своего стула Варя, поджав под себя вполне чистенькие ботинки. – Спасибо, Татьяна Георгиевна.

– Да кто вы такая?! – загудела сквозь маску могучая Катина маман.

– Я кто такая?! – рявкнула старшая акушерка отделения. – Сейчас ты у меня узнаешь, кто я такая. Лена! – строго прогудела она в постовую акушерку. – Срочно вызывай «Скорую». Психиатрическую!

Это было уже слишком. Мальцева сорвалась с этажа к себе в кабинет и, закрыв двери на замок, отсмеялась вволю, и так и сяк представляя дальнейшее развитие событий под режиссурой Марго.

Кадр пятнадцатый «Я вам больше не нужен?»

В восемь часов вечера в кабинет заведующей наблюдательным отделением вежливо постучал интерн. И, помявшись на пороге, неуверенно спросил:

– Татьяна Георгиевна, я вам больше не нужен?

– Вы переписали протокол операции из истории родов в журнал операционных протоколов?

– Да, ещё днём. Вам на подпись приносил. Вы не помните?

– Я за день подписываю огромное количество макулатуры, Александр Вячеславович. У кесарской всё в порядке?

– Да, Татьяна Георгиевна. Температура, ЧСС⁴, давление, выделения – в норме. Моча по катетеру светлая, из дренажа отделяемого нет.

– Удаляйте катетер.

– А дренаж?

– Я что сказала удалять, Александр Вячеславович?

– Вы сказали удалять катетер.

– Если бы я хотела, чтобы вы удалили и дренаж, я бы сказала: «Удаляйте катетер и дренаж».

⁴ ЧСС – частота сердечных сокращений.

– Ясно.

Он продолжал мяться на пороге. Татьяна Георгиевна оторвалась от бумажек на столе и пристально посмотрела на молодого человека.

– Александр Вячеславович, вы мне нравились гораздо больше, когда вели себя как обаятельный развязный наглец и приносили мне кофе в кабинет. Что с вами случилось? Неужели тот факт, что мы с вами имели неосторожность провести вместе ночь, так сильно повлиял на вашу психику, что вы уже не вы? Заходите, не стесняйтесь, присаживайтесь.

Дважды повторять приглашение он не заставил.

– Саша, вы прекрасны, нежны и заботливы. И если вас не затруднит, я бы попросила вас сварить мне кофе, раз уж вы допущены на нашу маленькую уютную кухню её полновластной владелицей бабой Галой. У меня в кабинете есть кофеварка, но кофе из кофеварки почему-то совершенно не такой. Хотя и сам кофе тот же, и вода ничем не отличается... Удивительно, да? Инженеры стараются, создают пыхтящие девайсы, бесконечно совершенствуют модельный ряд, а потом оказывается, что кофе, вода и огонь – это всё, что нужно для хорошего кофе. Более ничего. Так что кофеварка у меня в кабинете не для кофе, а для того, чтобы было чем запить разговор с Маргаритой Андреевной. Интимный задушевный моментальный разгово-

вор, не терпящий перебежек коридорами, ибо магия сиюминутной уместности так мимолётна...

– Татьяна Георгиевна, это вы так вежливо посылаете меня куда подальше?

– И в мыслях не было! – Мальцева рассмеялась. – Я действительно просто объясняла вам, почему иногда удобна кофеварка. Так что никаких метафор в моей простенькой речи не было. Это всё ваше живое изображение, Александр Вячеславович. Если я вас сейчас куда и посылаю – так это только за кофе в буфет. Вы положите в кастрюльку...

– В турку.

– У нас в буфете нет турки!

– Уже есть.

– Да? Забавно.

– Что именно забавно, Татьяна Георгиевна?

– Забавно ваше умение, Александр Вячеславович, обживать пространство. Интернировать его. Вы здесь вроде так недавно, но у меня стойкое ощущение того, что не вы принадлежите отделению, а отделение принадлежит вам. Оно – ваша интернированная сущность, а не наоборот. Хотя даже до «наоборот» не многие доживают. Вот уж как ни старается Светлана Борисовна, а никак. Она тут уже второй год. Интернатура и уже, собственно, ординатура. И никак. И шумит она, и крыльями машет, и шороху наводит, требуя,

чтобы её уважали-любили. А баба Гала до сих пор с ней не здороваётся, старая зараза. А вам она уже и турку позволила поселить в буфете. Забавно мне ваше исключительно мужское качество сразу становиться «как родным»... О, не благодарите меня. Это, на самом деле, очень коварное качество. Первая и самая важная характеристика обмана. Ключевая его характеристика. Потому что «родной» и «как родной» – совершенно неразличимые фенотипически свойства. С огромной генной разницей. И тут никаких метафор, Александр Вячеславович. Исключительно констатация факта. Так что... В общем, не буду вас мучить, мой дорогой. Вы положите в турку три чайные ложки кофе, нальёте холодной воды и поставите на газ. Когда кофе закипит, вы нальёте его в мою чашку и принесёте в мой кабинет. И больше вы мне сегодня не нужны.

Около десяти вечера Мальцева вышла из родильного дома через приёмный покой. На машину намело порядочный сугроб. Но ехать было необходимо. Выспаться – тьфу-тьфу-тьфу! Переодеться... Что там ещё дома? Портреты покойного мужа. Так давно покойного, что иногда брало сомнение: а был ли он вообще? Да. И он был не «как родной». Он был родным. А больше никогда и никого родного не было. Родным так и не стал Панин. И этот мальчик Александр Вяче-

славович наверняка не станет. Это же просто смешно, в конце концов! С этим молодым мужчиной её ничего не ждёт: ещё десять, ну пятнадцать лет – и она безнадежно постареет, а он всё ещё будет прекрасным молодым мужчиной. Не идиотка же она! Точнее – идиотка, но ситуативная. Мало ли кто с кем переспал? Никогда она себе в этом удовольствии не отказывала. Что её сейчас-то выбило из колеи? То, что мужчина оказался намного моложе? Так и ей никто её лет не даёт... Да нет же, наоборот, беда в том, что человек намного моложе оказался взрослым мужчиной. А она, стало быть, кто? Старуха! Нет-нет, спасибо! Вот с Волковым она чувствует себя молодой женщиной. И с Паниным она чувствует себя молодой женщиной. Вот и выбирай, молодая женщина, между женатым и вдовцом. А мальчики пусть варят кофе. Это у них, признаться, отменно получается.

Расчистив машину, Татьяна Георгиевна села за руль, завела двигатель и прикурила сигаретку. Она пока покурит, а машинка пусть прогреется. Сколько бедняжка здесь простояла? Дня три. Или четыре? Всё смешалось в голове. Какие тут молодые мальчики! Тут уже ноотропы пора принимать килограммами.

К приёмному покою подъехала «Скорая». Стойка, как у борзой. Тебе-то что за дело? Есть ответственный дежурный врач. Бригада. Твой мобильный молчит, вот

и чеши домой, пока не началось!

Татьяна Георгиевна сдала назад и начала выкруливать на дорожку, ведущую к шлагбауму. Но тут из приёма выбежала дежурная санитарка и истошно заголосоила:

– Татьяна Георгиевна!!! Вас Семён Ильич ищет! Как хорошо, что вы ещё не уехали!

Ну не сгорел бы он в аду, а?! Ищет он её. Внутренние, городские и мобильные телефоны отменили, не иначе. Самое надёжное и проверенное средство связи – это санитарка, выбегающая в пижаме на мороз. Естественно, ей больше всего и достаётся. Как не пороть на санитарку? Святое...

На сей раз Мальцева не стала орать на санитарку, а молча совершила обратный манёвр и припарковалась на не успевшее припорошиться снегом своё законное место, аккуратно под окном буфета первого этажа обсервационного отделения.

Панин сидел в приёмном покое и деловито изучал обменную карту.

– Татьяна Георгиевна, привет! – в своей обычной, чуть мрачноватой публичной манере буркнул он, как будто ничего и не произошло. Впрочем, между ними за долгую жизнь столько всего произошло, что можно считать, будто уже и ничего.

– Добрый вечер, Семён Ильич, – поприветствовала

она Панина, всё ещё не снимая свою меховую курточку.

– Боюсь, вам придётся задержаться. Мне нужна ваша помощь.

Как же! Нужна ему её помощь, как зайцу пятая нога! Сёма, слава богу, с любой акушерской ситуацией сам справится. За каким таким ему «нужна ваша помощь»? Опомнися, что ещё не сорвал на ней зло?

– Кстати, поздравляю вас, Семён Ильич! – Татьяна Георгиевна не отказала себе в удовольствии.

– С чем?

– Как с чем?! С тем, что вы стали дедом! Прекрасная у вас родилась внучка на... – Мальцева многозначительно замолчала, как бы подыскивая нужные слова. – На радость всей вашей большой и дружной семье, Семён Ильич. Я имела сегодня удовольствие видеться с вашей почтенной супругой. Она, как всегда, великолепна.

Акушерка и санитарка приёмного, а также дежурный доктор и дежурный интерн сделали настолько серьёзные и дубовые лица, что можно было не сомневаться – еле удерживаются от смеха. «Прекрасная у вас родилась внучка на...» Язва всё-таки, эта Мальцева. Жуткая язва. Жена Панина великолепна, ха-ха три раза! Вечно в стоптанных башмаках и перекрученных чулках. Совершенно непонятно, почему

с ней всегда так? Панин мужик не жадный, наверняка на тряпки ей отваливает. Но Варвара Панина просто понятия не имеет, как должна выглядеть женщина. У Варвары Паниной всегда бесцветный мышиный пучок на затылке, пальто какое-то вытянутое, даже если новое... А вообще-то, нехорошо. Нехорошо сплетничать. Варвара – очень хорошая милая женщина, приятная во всех отношениях. Жена и мать. Мать троих детей. А теперь вот ещё и бабушка. А то, что эта стерва Мальцева всю жизнь у начмеда в любовницах, ещё не даёт ей права оскорблять его жену... Хотя, конечно, Татьяна Георгиевна, в отличие от Вари Паниной, штука та ещё. Понять Семёна можно.

Выражение лица Семёна Ильича стало просто-таки зверским. Он оглядел всю почтенную публику, чьи даже самые потаённые мыслишки были ему отлично известны и, не ответив на поздравления заведующей обсервации, сказал:

– Поперечное положение. Крупный плод. Анатомо-функциональная несостоятельность рубца на матке⁵. Четвёртое вхождение в брюшную полость. Так

⁵ Анатомо-функциональная несостоятельность рубца на матке – осложнение беременности и родов, связанное, как правило, с предыдущими операциями кесарева сечения. Может привести к тяжёлым осложнениям – разрыву матки, кровотечению, гибели плода. Во время беременности и родов женщины с рубцом на матке требуют тщательного мониторинга состояния нижнего маточного сегмента.

что, Татьяна Георгиевна, переодевайтесь и мойтесь. Я уже распорядился развернуть операционную.

Вот это была несостоятельность так несостоятельность! Хорошо успела баба в родильный дом вовремя. Да и поперечное крупного плода – это вам не фунт изюма. Пять семьсот. Всё-таки Панин ас каких мало. Мужчина, так владеющий ремеслом – тем более ремеслом хирургическим, – поневоле вызывает восхищение. А там, где у баб восхищение, – там и все остальные ментально-психические образования типа любви и привязанности. Панин в деле – это никакой суеты, ни единого лишнего движения... При вхождении в брюхо, правда, резанул мочевого пузыря. Ну да там предыдущие умельцы дубликатуру пузырно-маточной складки⁶ так на матку натянули, как будто не перитонизировать⁷ хотели, а мочевого пузыря на лоб пришить. Мог бы и сам справиться, но сегодня Панин был не Панин – а сплошная буква. Как будто дух из него напрочь вышибли. Просто робот-манипулятор какой-то, а не живой мужчина из плоти и крови. Пришедший из главного корпуса уролог недовольно

⁶ Дубликатура пузырно-маточной складки – листки париетальной и висцеральной брюшины.

⁷ Перитонизация – закрытие дефекта висцеральной брюшины, возникшего при хирургической операции, путём наложения серо-серозного шва. Многими школами акушерства и гинекологии необходимость перитонизации оспаривается. Но не русской.

топтался у батареи позади операционной медсестры, бурча себе под нос: «Мясники! Почему электрокоагулятором не пользуетесь?! Почему у вас тут вечно реки крови льются? Почему у нас кровопотери в тридцать, в пятьдесят, ну в сто миллилитров, а тут?..»

– Потому что это акушерство! – рявкнул Семён Ильич. И немного наконец разморозился. – А где же ваш паж? – язвительно спросил он своего ассистента Татьяну Георгиевну. – Отдыхает после праведных трудов? Интересный случай, а его и след простыл? Или он отсюда не вылезал, потому что его вовсе не акушерство интересовало?

– Семён Ильич, я понятия не имела, что будет интересный случай. И отпустила интерна домой. У них свой график дежурств. Вон стоит другой интерн. Вы ему, кстати, помыться не разрешили.

– Мне тут только лишних лап не хватало, – пробурчал Панин. – Кровь заказали?! – заорал он.

– Господи!.. Да! – Тут же из «предбанника» подскочил анестезиолог.

– Бумажки потом будете писать! Пока больная на операционном столе, вы обязаны стоять около неё!

– Да я только на секунду вышел. И не одна же она тут, анестезистка рядом.

– Анестезистка... Все вы разгильдяи и...

– Не можете придумать кто ещё, да? – услужливо

проворковал анестезиолог.

– Я у вас тут сейчас в обморок упаду, у этой батареи. Кровищи море, жарко! – жалобно проныл уролог.

– Иди, становись, работай. Матку уже ушили...

Семён Ильич немного подвинулся, освобождая место профильному специалисту.

Завершали операцию в полнейшей тишине.

Когда была наклеена повязка, Панин с треском сорвал перчатки и буркнув традиционное: «Всем спасибо!» – проворчал в никуда:

– Татьяна Георгиевна, всё запишите и ко мне в кабинет на подпись.

Анестезиолог насмешливо глянул на Мальцеву.

– Вы бы за своей документацией следили вместо того, чтоб глазки строить! – снова в никуда пролаял Панин и вынесся из блока.

– Что это с ним? – спросила операционная сестра. – Дедом стал, радоваться надо.

– Испереживался! – саркастично ляпнул наркотизатор. – Тань, куда бабу? В интенсивную?

– Ну разумеется.

– Иди-знай. Сэмэн совсем чумной. Вдруг «не разумеется»?

– Ну так пойди, спроси!

– Что я, больной на голову? Ты сказала в интенсивную – вот и под твою ответственность. Кровопотеря

какая?

– Литр пиши.

– А-а, так ты её мне в интенсивную, чтобы с кровью не самой мудохаться?

– Ты начал капать, ты и продолжай. А в интенсивную госпитализируют совсем по иным причинам!

– Танька, ты-то чего рычишь? Это что, заразно?

После перекура Татьяна Георгиевна почти полтора часа писала историю и заполняла журнал операционных протоколов. Ну Панин, ну гадина! Нашёл себе девочку-писаря. Скотина!

Около двух часов ночи она позвонила ему в кабинет.

– Да!

– Я так надеялась, что ты не возьмёшь трубку!.. Я всё написала. Подпись терпит до утра?

– Не терпит. Зайди.

Чтоб ты был здоров!

– Татьяна Георгиевна, я вам больше не нужен? – ехидно поинтересовался Панин, как только она открыла дверь, войдя в кабинет начмеда.

– Если вы о кесарской с поперечным, то она стабильна. Вы можете совершенно спокойно ехать домой, Семён Ильич.

– Ты прекрасно поняла, о чём я! Что это вчера было?!

– Уже позавчера, Сёма. Два часа ночи. Нормальные люди давно спят в своих кроватках, а не выясняют отношения, путая рабочее с личным, а тёплое с мягким. Так что позавчера-вчера было? У тебя внучка на автобусной остановке родилась? – Татьяна Георгиевна хихикнула и полезла в один из шкафов. Достала бутылку отменного коньяку, две рюмки и налила абсолютно равные порции. Одну рюмку передала Панину. – За тебя, мой дорогой.

Они выпили.

– Ты переспала с ним?! – чуть не взвизгнул Панин, так зверски жахнув об стол рюмкой, что у той отвалилась ножка.

– Сёма! Ты взрослый мужик. Руководитель крупного лечебно-профилактического учреждения. Семейный человек. Многодетный отец. Дед уже. А ведёшь себя, как пацан, тёлку которого видели «на раёне» с другим.

– А ты ведёшь себя как блядь! Как старая блядь! – злорадно прошипел Семён Ильич.

– Ты ещё забыл добавить прилагательное «одинокая», – безмятежно прокомментировала Татьяна Георгиевна. – Старая одинокая блядь. Вот так бы было правдивее. Мы, старые одинокие эти самые, Сёма, можем вести себя как угодно. И с кем угодно. Потому что мы никому ничего не должны.

– Я сколько раз тебе замуж предлагал!

– Ой, ну завёл шарманку... Не так уж и много раз, если ты решил заделаться счётной комиссией. Не так уж и много. И не так уж искренне предлагал.

– Чем ты вчера занималась?!

– Ну ладно. Правда, правда и ничего, кроме правды. Ещё позавчера я термоядерно кокетничала с интерном на нашей ежегодной вечеринке двадцать третьего февраля, которую мы проводим в изоляторе вверенного мне отделения обсервации. Затем мы с интерном покинули здание...

– Выставила меня на посмешище!

– Опять твои ненужные эмоции. Как я могла выставить тебя на посмешище? Если бы Варвара Панина кокетничала с интерном – это было бы действительно посмешище. В смысле – ты был бы выставлен на посмешище. Но Варвара Панина жена и мама. Больше у неё профессий нет... Пардон, теперь ещё и бабушка. Многостаночница. В отличие от меня, имеющей одну-единственную специальность: акушер-гинеколог. Разумеется, я понимаю, что вы, Семён Ильич, в качестве начмеда конечно же сильно беспокоитесь за моральный климат в коллективе. Но тогда вам самому в первую очередь необходимо прекратить никому не нужные и даже тягостные многолетние отношения с заведующей обсервационным отделением Мальцевой.

– Так я что, больше тебе не нужен?!

– Я так понимаю, в текущий момент времени вопрос о ненужности кого бы то ни было лично мне – становится просто-таки злободневным.

– И не ёрничай, пожалуйста!

– Сёма, для полноты картины тебе не хватает только руки заламывать. Кстати, что мы стоим, как два муздака? Ты не возражаешь, если я присяду на диванчик?

Татьяна Георгиевна шлёпнулась на диван и закинула ногу на ногу.

– А если ты будешь так беспредельно галантен, что позволишь мне закурить у тебя в кабинете, то я расскажу тебе, что было после того, как мы с интерном покинули здание. Именно на этом месте правдивого повествования ты меня перебил. Создаётся впечатление, что на самом деле ты не хочешь узнать продолжение.

– Кури! Пепельница сама знаешь где. Для тебя только и держу, между прочим!

– Как душевная щедрость! Какие милые разборки в два часа ночи в кабинете начмеда! Мечта любой женщины, что и говорить!

– Или ты прекратишь язвить, или я...

– Что ты?! Сёма, ну что – ты? – устало выговорила Татьяна Георгиевна и прикурила сигарету.

– Так что было дальше? Я хочу знать! – Панин опёрся на свой стол. Возможно, если бы он сел рядом... Но он не сел рядом. Он продолжал изображать обиженного любовника. Всё это напоминало плохо поставленную комедию.

– Дальше мы с ним пошли в кабачок. Потом ещё в один кабачок. А после – завалились к нему домой. Целоваться начали ещё в такси. Дальше помню смутно, но общее впечатление хорошее. Состояние моё было, что называется, удовлетворительным. То есть – полностью. От и до. Прямо тебя вспомнила в лучшие твои времена, вроде нашей студенческой поездки в Карпаты.

Панин становился всё мрачнее.

– Ну а потом меня разбудил Маргошин звонок. В три часа ночи. Она спешила меня обрадовать – ты стал дедом. И ей было абсолютно наплевать, сколько времени, где я и с кем. Как, впрочем, всем вам, моим добрым друзьям, наплевать на собственно меня. Затем мы с интерном выпили немного кофе с коньяком, немного покурили и снова отправились в койку. Моё состояние было уже куда более осмысленным, чем во время первого сета. И могу тебе сказать, что в постели он просто замечателен.

Семён Ильич подошёл к Татьяне Георгиевне и...

– Ты хочешь залепить мне пощёчину, но никак не

можешь занести руку? Не стоит, Сёма. Не стоит... Распишитесь в истории и в журнале операционных протоколов, Семён Ильич. После чего я, с вашего позволения, всё-таки поеду домой.

– Ты же выпила!

– Ой, я тебя прошу. Жалкая рюмочка коньяку. Сейчас зажую кофейными зёрнами и поеду. В три часа ночи в такую погоду ни одно ГИБДД паршивого щенка на улицу не выгонит.

– Тань, ты всё выдумала, да?

– Что всё?

– Ну всё вот это. Про кабаки и постель. Ты же специально, да?

– Я тебе ещё подробностей не рассказала. Ну, постельные опустим, раз ты не помнишь себя в Карпатах... Действительно, столько лет прошло, кто припомнит такие детали? Сейчас-то наш с тобой секс долгим и вкусным уже не назовёшь... Я про кухонно-кофейные подробности. С Марго по телефону я свистела голая. А интерн вынес мне свою рубашку. И кофе он мне варил, и коньяк наливал, и сигарету прикуривал совсем голый. Вот так вот.

– Ну точно всё выдумала. Чтобы меня позлить. Давай бумажки!

Татьяна Георгиевна молча кивнула на стол, где лежала история и журнал операционных протоколов.

Молча встала, молча дождалась сигнатур Панина.
И молча направилась к двери.

– Выдумала, да?! – крикнул Панин вдогонку.

Она, не оборачиваясь, пожала плечами. И молча вышла.

Кадр шестнадцатый

Молча

Молча приехать домой. Молча сварить кофе. И поговорить с портретом покойного. Тоже, разумеется, молча.

Ему с ней никогда не надо было слов. Ей с ним сначала было надо. Много-много-много слов.

Она с ним познакомилась как раз когда влюблённый в неё до одури Сёма Панин приревновал к каким-то поцелуям на балконе. Не приревнуй он тогда – давно были бы женаты и было бы у Панина с Мальцевой трое детей и не Варя, а она сидела бы, нелепо подоткнув под себя ноги и сложив руки на коленках в третьем люксе второго этажа, безусловно счастливой бабушкой. И Таней, в честь неё, называли бы сейчас их первую с Паниным внучку. Но она ни о чём не жалеет. Ни о том, что принимала знаки внимания от всех подряд и с живостью на них откликалась. Ни о том, тем более, что Панин тогда приревновал. Как мужик ведёт себя в ревности – тоже показатель. Характеристика личности. Тест. Совершенные особи мужского пола бабу свою с таких балконов вытаскивают. И более не позволяют попадать ей в такие ситуации. Кон-

тролируют. Как контролировал её муж. Контролировал, но, всё понимая, отпускал. Зная, что ей это просто необходимо – «целоваться на балконах». Или сгнать в Карпаты. Или... Муж любил её всё понимающей и всё принимающей любовью. И она его любила. Не так. Куда более эгоистично, куда более по-детски, но искренне и сильно, как люди любят только себя. Панина она никогда не любила как себя. Смешно... Ушёл, потому что она целовалась на балконе. К стенке бы сейчас поставили – не вспомнила бы с кем тогда целовалась. И не только тогда... Ни лиц, ни губ, ничего. Пусто в этом месте. Кроме, разве что, двоих-троих. Которые не из тех двоих, что были в твоей жизни главными. Да и они – не главные. Лишь собственное эго. Потому что без Панина – это просто без Панина. А без мужа – это без части себя. Ампутация. Сильная фантомная боль. Своя. В себе. Потому и так тошно. Тебе самой. Да-да, Танечка Мальцева, признайся – ты всегда была из таких что «а вот и я!» Нравилось нравиться. А Панину не нравилось, что ты всем нравишься... А мужу – нравилось. Он говорил, что и Панину нравилось. Просто Панин – самолюбивый самец. «А ты что, не самолюбивый?» – смеялась она тогда. «Я нечеловечески самолюбив. Настолько, что это выше самолюбия!» – смеялся он в ответ. Он, муж, всё про неё знал. Всё и всегда. Ему не надо было говорить. Но

первые пару лет она забалтывала его вусмерть. «Скажи, я самая красивая?» – «Ты – самая красивая!» – «Ты меня любишь?» – «Люблю!» – «Сильно-сильно любишь?» – «Сильно-сильно!» – «Сильнее жизни?» – «Сильнее. Жизнь – ничто по сравнению с тобой!» Он был такой сильный, такой уверенный, такой надёжный... А потом его не стало. В момент. Как будто из груди вырвали лёгкие, вырвали сердце. Но ты почему-то не умерла. Ты ходишь, что-то делаешь – и даже неплохо справляешься. Но никто почему-то не видит, что на самом деле ты не можешь дышать и сердце твоё не стучит. На медосмотрах у тебя проверяют частоту дыхания и сердечных сокращений – и они, почему-то, есть. Хотя нет ни лёгких, ни сердца. Просто органы дыхательной и сердечно-сосудистой систем имитируют наличие у тебя лёгких и сердца. И давление у тебя есть. И периферические сосуды пульсируют. Ты чистишь по утрам зубы, принимая душ. Ты даже следишь за тем, что ты ешь... То есть сперва ты не ешь ничего. Ты опознаёшь труп в морге, что-то там тебе говорят менты и коллеги. Ты даже смотришь на искорёженную грудку металла. В чём-то расписываешься. Идёшь на похороны. Сперва их организовываешь и тут же на них идёшь. Едешь рядом с гробом в катафалке. Стоишь у могилы... Сразу после того, как не можешь стоять в кладбищенской церкви. На похоро-

нах и поминках очень много людей. Оказывается, у него была какая-то своя жизнь... До тебя. Но она была – и её не выкинешь. Ты мог её не допускать до меня. Пока был жив. Но ты погиб. Умер. Тебя не стало. И какие-то совершенно чужие люди кидаются на крышку гроба. Какая-то посторонняя женщина плачет, держа за руку какую-то постороннюю девочку. И ещё одна посторонняя женщина рыдает и чуть не бросается в свежевырытую могилу, держа за руку какого-то постороннего мальчика. О да! Ты не был на них женат. Ты был женат только на мне. Но детей ты записал на себя. Ты не пускал их в мою жизнь, но ты записал их на себя. Да-да, если бы ты мог хоть что-нибудь изменить... Но поздно. Да и никто не в силах ничего изменить. Ты был единственным моим человеком. При жизни. Я была единственным твоим человеком. При жизни. Но ты погиб. Умер. Тебя не стало. Но стало так много неединственных твоих людей, что если бы твоя смерть не вырвала у меня лёгкие и сердце, их бы вырвали эти неединственные, но тоже твои люди. Это страшно, когда у твоего единственного человека вдруг оказываются какие-то ещё люди. И ты, пожалвав плечами, отдаёшь этим неединственным людям то единственное, что от тебя досталось... Для них единственное. Не квартирный вопрос испортил москвичей. Не только москвичей. Всех людей на этом све-

те испортили вопросы гражданского права. Ты жена и единственная – вот чёрт, противное всё-таки слово! – наследница. Но они ходят с какими-то незнакомыми мальчиками и девочками, в которых ты с отвращением узнаёшь черты своего единственного человека, и требуют. Приходят в дом с ними за ручку. Приходят на работу. С ними за ручку. И подают в суды. Где же вы раньше были, неединственные люди? Да нате вам просто так. И даже не давитесь. Единственное, что ещё оставалось – место, – становится не таким уж и важным, после того как в этом месте пили чай эти неединственные люди и ели конфеты эти твои... Дети. Блин, да. Твои дети. Единственное, чего у нас с тобою не было – детей. Это было совсем не нужно, настолько было вместе... Но не в месте. А бабы-то, бабоньки... Голосят как заполошные: «У нас от него дети! Де-е-ети!» Как будто милостыню просят. Противно. Где же раньше были его де-е-е-ти? Ах да. Насолько берёг, что эта часть спектра тебе была не видна. Бабки, видимо, кидал. В кино ходил. В школы устраивал. Что там ещё делают с детьми? Слава богу, что настолько берёг. Но безумно больно, что была у него не единственная на двоих жизнь. Было бы безумно больно, если бы не вырвали лёгкие и сердце... У вас от него де-е-ети? Берите, неединственные люди. Только не поубивайте друг друга при разделе места, где уже не

мы, уже не вместе. Что ещё? Ещё есть груды искорёженного металла. Тоже забирайте. На могилу? Не вопрос. Ходите. Я туда ходить не буду. Мне достаточно портретов. И тишины. В тишине нет места де-е-етям. Да что они значат, ваши дети?! Ничего ровным счётом. Даже сейчас скажи она Панину: «Ко мне!» и где будут его де-е-ети, его Варя и его внучка? Там и будут. В отдельной от неё жизни. Но не в отдельной от него. Нет, спасибо. Не надо. Это кому поумнее вариант. Не ей, дуре и эгоистичной собственнице Таньке Мальцевой. Человек – не пирог. Не делится на части. Всё остальное – популярная психология.

Вот уже и утро. И какого домой приезжала? С портретом пообщаться. Молча. Хотя уже давно и лёгкие на месте и сердце стучит как пламенный мотор, не подавая, несмотря на многолетнее курение и не слишком подходящий для женщины образ жизни на работе, ни малейших признаков износа. И ты внимательно следишь за тем, что ты ешь. Дома завтрак лучше, чем на работе. Хотя и там, в кабинете, стоит банка мюсли, а в холодильнике – обезжиренные йогурты. Странное существо человек. Даже если у него вырвали душу, он может продолжать предпочитать инжир сушёным бананам и всё знать о калорийности продуктов. И о том, что клетчатка не переваривается. Потому, идя на гламурную вечеринку, не стоит наедаться минестро-

не, закусывая его рататуем. Человек, всё знающий о репродукции, вполне может не любить дете-е-ей.

Ну дети, дети. Что дети? Де-е-ети хороши только в виде новорождённых. Здоровых новорождённых, не испытывающих затруднений при прохождении родового канала. А потом – на хер в неонатологию, и привет! В смысле, до свидания.

Чокнувшись с едва забрезжившим рассветом чашкой горячей воды с соком половины лимона, Татьяна Георгиевна Мальцева отправилась в душ. И с удовольствием приведя себя в порядок, с не меньшим удовольствием выбрала из своего гардероба одежду. Да-да, придя на работу, она моментально нарядится в зелёную пижаму и белый халат, сменив шикарные сапоги на белые моющиеся тапочки, но... одежда – это очень вкусный чувственный спектр мира. И потому не надо его исключать из собственной жизни. Из жизни всё ещё молодой, очень красивой женщины, отлично востребованного специалиста, заведующей крупным отделением здорового родовспомогательного учреждения. Спасибо тебе, портрет, за беседу. Мне они здорово помогают, эти наши полуночные разговоры. Спасибо, что сделал когда-то из яркой дурноголовой девчонки изящную умную женщину. Я не могу тебя ненавидеть за то, что ты погиб. Я знаю, что была твоей единственной, как бы ни размахивало то

бабьё незнакомыми мне девочкой и мальчиком. Которые хоть и были похожи на тебя, но копии есть копии. Отцовский инстинкт – блеф. Его эксплуатация – рискованный блеф. Шантаж – заведомый проигрыш. Люди просто делятся на единственных и неединственных.

– Татьяна Георгиевна! – окликнула вышедшую из лифта Мальцеву консьержка. – Татьяна Георгиевна, тут вам вчера вечером цветы принесли. Я, извините, даже не заметила, когда вы домой пришли.

Не ругать же старушку за то, что она дрыхнет по ночам. Это тебе не дормен с Манхэттена, что вечно на посту в красивой униформе. На работу с цветами переться? Нелепо. Вернуться? Плохая примета. Глупости всё, эти приметы! Зеркал, что ли, в квартире мало? Зеркал по самое не балуй.

– Вот, забирайте! Красота-то какая. Ещё и деньжищ, поди, стоит. Белые розы зимой... Кто-то вас очень любит, Татьяна Георгиевна.

– Кто-то за мной ухаживает. Мужчина мало чем отличается от животного. Способы разные, а физиология брачных игрищ такая же.

– А и давно пора вам замуж! Красивая, молодая, небедная...

Ох уж эти консьержки. Мало чем от старушек подъездных обыкновенных отличаются.

– Брачные игры к серьёзным намерениям не имеют никакого отношения, моя дорогая...

Чёрт, как её зовут? Авдотья Филипповна? Анастасия Егоровна? Дома надо чаще бывать, Татьяна Георгиевна!

– Спасибо, что напоили мои цветы.

– Да ну что вы, Татьяна Георгиевна, такая красота! Я уже сменщице записку написала, что если вы не придёте, чтобы она им воду сменила.

Действительно, двадцать одна белая роза. С ума сойти! От кого же? Интерн? Да ну, откуда у него деньги! Наверняка все свои текущие сбережения на кабаки с ней грохнул. Семён Ильич? Да тот цветы дарит только на день рождения, на восьмое марта, на... четыре раза в год, короче. Волков? Скорее всего. Может, записка какая есть?

– Открытки или карточки не было? – спросила Татьяна Георгиевна, принимая у старушенции громадный пахучий букет.

– Не было.

– А кто принёс?

– Да мальчонка какой-то хлипкий.

– Ясно. Спасибо вам ещё раз.

«Хлипкий мальчонка» – значит, просто курьер службы доставки. Интерна хлипким не назовёшь, а Панин и Волков давно уже из «мальчонок» вылупились.

Развернуть, подрезать, поставить в вазу, в чуть подсахаренную воду, кинуть таблетку аскорбинки... Ну вот, пусть стоят тут в тишине. И одиночестве. Пока-пока, белые розы. Не знаю, когда вернусь.

– Танька, я сбилась со счёта! Это под каким номером меховая курточка?

– Это, Маргоша, курточка без номера. Я их не нумерую. Так люблю, без номеров. Что мы, на охоте, что ли?

– Ладно, по сигаретке и арбайтен?

– Давай! Я смотрю, ты уже на посту?

– Здравсьте! Я сегодня в смене была.

– Понятно. У меня уже смешалось, когда ты в смене, а когда «блатняк» принимаешь...

Подруги прикурили по сигаретке, причём Маргарита Андреевна – явно не первую. Некоторое время курили молча.

Старшая акушерка обсервации поглубже запахнула синий халат «для выхода».

– Скоро весна, Танька!

– Угу...

– Что угукаешь? Весна! Оживают даже старые кочки! Обожаю весну.

– Грязь, слякоть... Да и когда ещё та весна? В прошлом году снег сошёл только после майских.

– Всё равно – скоро весна! И у тебя пройдёт де-

прессняк.

– Нет у меня, Маргоша, никакого депрессняка. Точнее, он есть. Но последние пятнадцать лет. И от времени года он не зависит. И я весну ненавижу, ты знаешь.

– Это потому что Матвей весной разбился?

– Ох, Маргарита Андреевна, хороший ты человек, но такта в тебе ни на грош.

– Да кому он упал, тот такт? Давно тебе пора забыть. Прах к праху.

– Пошли работать, Марго. Не лечи меня, бога ради.

– Да-да, это не лечится. Иди, на хер, в монастырь! Избавь себя от мира, а мир – от себя!

Маргарита Андреевна со злостью вышвырнула бычок и стремительно вошла в приём, чуть не хлопнув старой подруге по носу дверью.

Начался обычный рабочий день обсервационного отделения родильного дома. То есть не начался, а сменил собой рабочую ночь. Родильный дом – не присутствие. Здесь служба идёт круглосуточная. Нет здесь менеджеров от 9.00 до 18.00. Здесь даже у самой обыкновенной санитарки частенько случается ненормированный рабочий день. И ненормированная рабочая ночь. Ненормированная жизнь, где форс-мажоры – норма, а норма – понятие слишком растяжимое. Даст бог, не до разрыва растяжимое, и на том

спасибо.

В три часа дня в кабинет заведующей постучалась акушерочка приёмного.

– Татьяна Георгиевна. Женщина поступает. Необследованная. Глухонемая. Со схватками. К вам?

– Ну раз необследованная, то, разумеется, ко мне. Документы у неё есть?

– Паспорт.

– А переводчик?

– Кто?!

– Сурдопереводчик. Муж, сестра, подруга! Кто-нибудь с ней есть?

– Нет, только врач «Скорой». Она нам пишет.

– Замечательно. «Пишет»... Зовите Светлану Борисовну – пусть принимает в родзал.

Через полчаса Татьяна Георгиевна пришла в родильный зал. И застала милую картину: Светлана Борисовна Маковенко диктовала интерну Александру Вячеславовичу Денисову протокол внутреннего акушерского исследования с таким видом, как будто тайны и загадки вселенной разъясняла. Или песнь песней сочиняла.

Мальцева усмехнулась.

– Светлана Борисовна, доложите, пожалуйста, акушерскую ситуацию.

– Шейка матки укорочена до сантиметра, раскры-

тие – два пальца. Воды стоят, плодный пузырь цел. Родовая деятельность регулярная. Схватки по двадцать – двадцать пять секунд через десять-одиннадцать минут. Сердцебиение плода ясное, ритмичное, до ста сорока ударов в минуту. КТГ⁸ – нормальная.

– Хорошо, Светлана Борисовна. Через два часа позовёте меня, если прежде ничего не произойдёт. И ещё, Светлана Борисовна, дорогая, шапочку наденьте. Вы, всё-таки, в родзале.

– Вы сама... – Маковенко запнулась.

– Ну-ну? Что я сама? – резко развернулась к молодому ординатору Татьяна Георгиевна.

– Вы сама, Татьяна Георгиевна, без шапочки, – тихо прошептала Светлана Борисовна, заалев пуще розы.

– Я сама, Светлана Борисовна, мою голову чаще, чем вы. У меня самой, Светлана Борисовна, волосы

⁸ КТГ – кардиотокограмма – является одним из ведущих методов оценки состояния плода в антенатальном периоде (28—30-й недели беременности). КТГ – это одновременная регистрация частоты сердечных сокращений плода, двигательной активности плода и тонуса матки. Кардиотокограф автоматически высчитывает частоту сердечных сокращений плода в одну минуту между каждыми двумя последующими ударами и регистрирует на графике в виде кривой. При изучении КТГ оценивают три основных параметра: базальный ритм (средняя величина между мгновенными значениями ЧСС плода за десять минут без стрессорных воздействий); вариабельность сердечного ритма (его регулярность по амплитуде и частоте); периодические изменения сердечного ритма (обычно связаны с сокращением матки и/или движением плода).

в куда большем порядке, чем у вас. Я уже не говорю о том, Светлана Борисовна, что я сама тут заведующая отделением наблюдения и родильно-операционным наблюдением блоком. Ещё аргументы нужны? Не будете соблюдать санэпидрежим – выкину из родзала. А то и вообще из отделения. Вы тут сегодня как дежурите? До четырёх часов? Могу и это отменить. Вообще в родильный зал не зайдёте!

Да-да, слишком зло. Но где это видано, чтобы ординатор себе позволял конструкции типа «Вы сама...» Вот же ж тля! Выделяется тут. Как она достала, эта Маковенко. Впрочем, меньше, чем другие. Она исполнительная, хотя акушерского таланта бог не дал. По сравнению с Наезжиным Света вообще пуся. А компанию из двух ленивых баб предпенсионного возраста вообще пора разогнать! А дежуранты? Это же смерть мухам, какие тут в наблюдения дежуранты! Народу валом, а работать некому. Можно подумать, она тут день и ночь торчит просто-таки из любви к искусству или потому что дома её только портрет покойника ждёт! Да нет же! Она тут «сама» торчит, потому что жопоруких и гонористых навалом, а толку от них – чуть!

Маковенко уже была готова не то извиняться, не то разрыдаться, не то всё сразу, потому что когда у Мальцевой такое лицо, то...

Но тут раздался такой жуткий вой, что Татьяна Ге-

оргиевна враз забыла и о кадровом беспределе, и о сальных волосиках Светланы Борисовны, и о том, что эта пигалица пускает пыль в глаза интерну.

– Господи, что это?! – ахнула она.

– Это она так каждую схватку, Татьяна Георгиевна, – ответила ей Маковенко.

– Кто, она?

– Да Валя же эта. Глухонемая!

– Боже мой, ну вы как-то её успокойте. Вы...

К Татьяне Георгиевне из предродовой выскочила первая акушерка смены:

– Татьяна Георгиевна, мы с ней тут, как с родной возимся. Она из области. Обменной карты нет, нигде не наблюдалась. Мужа нет. Пишет нам тут на бумажках, да только пишет одно слово: «Больно! Больно! Больно!» Мы её успокаиваем, что всем больно. Но вот так вот, как зверь, она первый раз взвыла. Это что же дальше-то будет, а?!

– Всё хорошо дальше будет. Будет нормальное раскрытие – зовите анестезиолога, пусть эпидуралку ей делает. Всё пока, работайте. И наденьте, всё-таки, шапочку, Светлана Борисовна!

Через час глухонемая родильница стала выть так, что слышно было по всему первому этажу. В родзал спустился анестезиолог, хотя его пока никто не вызывал. В руках у него был свёрнутый в трубу лист ват-

мана.

– Между прочим, в Великобритании акушерок будут обучать азбуке глухонемых! – вместо приветствия обратился ко всем Аркадий Петрович Святогорский. – Эти знания помогут акушеркам оказать необходимую помощь глухонемой женщине в экстренных случаях, когда нет возможности пригласить сурдопереводчика! Великобританский университет де Монфор стал первым высшим учебным заведением, включившим курс языка глухонемых в программу обучения акушерок. Руководство университета выразило надежду, что этому примеру последуют другие учебные заведения по всему миру, занимающиеся подготовкой работников здравоохранения! – торжественно продекламировал анестезиолог. – Если бы я не знал обо всём, что происходит в этом родильном доме, я бы предположил, милые мои работники здравоохранения, что вы тут в обсервационном родильном зале режете свиню. Или у вас корова третьи сутки не доена, – завершил он доверительным полушёпотом.

– Аркадий Петрович, сил уже никаких нет! – всплеснула руками первая акушерка смены.

– Моя крошка! – сочувственно проворковал Святогорский своей, в общем-то, ровеснице. – Тебе с детства по всеми нами любимой, ныне раскрашенной под детскую карусель, советской мыльной опере про

Штирлица должно быть памятно, что во время родов женщина кричит на родном ей языке. А что делать глухонемым? Эта несчастная корова... Как её зовут?

– Валя!

– Эта несчастная корова Валя даже объясниться с вами со всеми толком не может, уважаемые мои бессовестные и бесчувственные коллеги! Попробуйте сами писать жалобы, когда у вас внизу живота черти пляшут на горячей сковородке! Свины вы, а не работники здравоохранения! – На этой обличительной ноте Святогорский развернул свой плакат. Это была – ни много ни мало, – азбука глухонемых на листе формата А1.

– В главном корпусе разыскал, в учебном классе у лориков, пока вы тут над женщиной изгалялись. Тащите её сюда!

Санитарка метнулась в предродовую палату.

– Валя, Валя!!! Вставай, идём! Валя! Там доктор-анестезиолог пришёл! Будет делать так, чтобы тебе не было больно! Идём, Валя!

– Давайте, давайте её сюда! – подбадривал Святогорский персонал родзала, глядя в разложенный на столе плакат и что-то изображая руками. – Эх, давненько я этого не делал, – бормотал он себе под нос.

Наконец санитарка с помощью акушеров вывела несчастную Валю. Аркадий Петрович фигурно пома-

хал у неё перед носом. И тут – о чудо! – до сих пор только плакавшая и издававшая непривычные для нормального человеческого уха стоны, больше похожие действительно на страдания животного, чем на человеческий крик, Валя улыбнулась! И, взяв Святогорского за руку, стала что-то делать с его пальцами.

– Да-да, хорошо, дорогая, именно так. Я просто забыл, прости. – И он снова начал изображать пальцами никому не понятные па.

– Что ты ей сказал? – почему-то шёпотом спросила Аркадия Петровича Татьяна Георгиевна.

– Я ей попытался сказать: «Привет, Валя!» Подозреваю, что на вопрос: «На какие лекарственные средства у тебя аллергия?» – у меня уйдёт вся оставшаяся смена, – почему-то тоже прошептал он в ответ, но тут же спохватился. – Танька, а чего мы шепчем, как придурки? Если отвернуться или хотя бы повернуть голову, – она ничего не поймёт. Они по губам ещё читают, а вот слышать – ни фигушки не слышат. Я вообще-то... Интерн, иди сюда! – крикнул Святогорский. – Интерн, пользуясь вот этой самой азбукой, спроси нашу драгоценную Валу, есть ли у неё аллергия на лекарственные средства. Двойная польза. И её от боли отвлечёшь, ибо давно известно, что замещение чего бы то ни было хоть чем-нибудь – одна из лучших форм терапии. И себя развлечёшь. Узнаешь, как

на языке глухонемых сказать: «Пошли вы все на...» Видишь, какое у них забавное «и краткое»? – Аркадий Петрович ткнул пальцем в плакат. И вообще, девушки и юноши, подходим, не стесняемся, пытаемся разговаривать с Вале́й!

И вдруг Валя снова завыла.

– О господи! – подскочил анестезиолог. – Давайте её срочно прооперируем!

– Аркаша! – укоризненно покосилась на него Мальцева. – Нет показаний.

– А мы напишем в соответствующей графе: «Вой стаи кошек, застрявших в жестяной трубе, сводил с ума жителей всех окрестных домов».

– Прекрати! Не смешно!

– Самому не смешно. Страшно!

Но, надо отметить, Валя выла всё-таки тише, чем прежде. И как только миновала схватка, стала медленно показывать что-то на пальцах с таким уморительно-виноватым лицом, что все невольно заулыбались.

– А я думала, что глухонемые во время родов вообще молчат, – вдруг высказалась Светлана Борисовна.

– Боже мой! – страдальчески заломил руки Святогорский. – Чему вас там нынче в медицинских институтах учат?

– В академиях! – съязвила первая акушерка сме-

ны. – В академиях их нынче учат.

– Глухонемота, дражайшая девочка Светочка, является, как правило, результатом врождённого недоразвития органов слуха. И отсутствие речи обусловлено вовсе не отсутствием речевого аппарата. У Валя есть и связки и язык, прошу заметить. Вы осматривали при поступлении язык? Розовый, без налёта? Есть соответствующая запись в истории родов? – строго вперился Аркадий Петрович в Маковенко. – Тот же! Так вот, дорогая моя, глухонемота – она сначала глухота и только лишь потом – немота! Это же элементарные вещи, зайчик Светочка! Развитие речи в норме происходит на основе именно слухового восприятия речи окружающих и, как следствие, подражания ей. Если же ребёнок рождается глухим или теряет слух в возрасте до одного года, то он лишается возможности овладеть речью без специальных приёмов обучения. Видимо, в том селе, откуда к нам прибыла наша прелестная Валя, – Святогорский повернулся к роженице, увлечённо складывающей пальцы Александра Вячеславовича во всякие разные фигуры, и что-то ей показал руками. Она закрутила ответные фортеля и несколько минут они «переговаривались». – Я ж говорил, что быстро вспомню!.. Да, так вот, – Аркадий Петрович снова повернулся к своим собеседникам. – Видимо, в том селе, откуда к нам при-

была наша прелестная глухонемая Валя, специальными приёмами обучения не заморачивались. Впрочем, я выяснил, что она училась в интернате для глухонемых целых семь лет. Но знаю я отлично эти интернаты. Там и раньше-то говорить вслух учили только за деньги. Да и то далеко не во всех. А уж теперь... В общем, удивительно, драгоценная наша Светлана Борисовна, как вы, живя на белом свете вот уже без малого тридцать лет...

– Мне всего лишь двадцать пять! Как Александру Вячеславовичу! – обиженно выкрикнула Маковенко.

– Вот я и говорю – без малого тридцать лет живя на свете, закончив медицинскую не что-то там, а целую *академию*, вы, Светлана, ни разу не столкнулись с глухонемыми людьми.

– Слушай, Аркаша, ты что, язык глухонемых знаешь? – несколько запоздало удивилась Татьяна Георгиевна.

– Немного. Совсем немного. Моя матушка трудилась педагогом в одном из подобных интернатов в те достославные времена, когда этими детьми занимались не только богатые родители, но и государство. В СССР, понимаешь ли, существовал закон о всеобщем обязательном обучении, который распространялся и на глухонемых. И все глухонемые детки, начиная с ясельного возраста, посещали специальные

учреждения, где овладевали речью. В учреждениях «покруче» – в том числе и устной её формой. Хотя, честно говоря, не нравится мне, как говорят глухонемые. Их речь, как правило, лишена модуляций и так свойственной иным типам вроде меня метафоричности и цветистости. Мне больше нравятся глухонемые с их дактилологией. Это потрясающая штука. Это прекрасный танец. Это не каждый сдюжит, доложу я вам.

– Что, этой... дактилологии так трудно выучиться? – поинтересовалась первая акушерка.

– Понимаешь, пуся, – снова занежничал Святогорский, – всё, разумеется, зависит в первую очередь от индивидуальных способностей. Причём не только интеллектуальных, но и физических. Тут нужна превосходная координация, очень подробная и быстрая реакция всего тела. Подчёркиваю – всего! Кстати, обратите внимание, у нашего замечательного интерна весьма неплохо получается. Он нашей милой Вале ещё и поясницу гладить умудряется. И заметьте, дамы и... дамы, наша милая Валя уже не орёт дурной недоеной коровой. Постанывает, но так увлечена возможностью побыть рядом с прекрасным принцем, да ещё и чему-то его поучить... Есть такие женщины, очень любящие мужчин чему-то учить. А есть женщины, напротив, любящие, чтобы мужчина доставался им со всеми необходимыми умениями. – Он кинул ми-

молётный, но весьма красноречивый взгляд на Мальцеву. – Впрочем, я отвлекся. Так вот, кроме всего мною перечисленного, нужна богатейшая мимика. Мало того, при разговоре с глухонемым тело должно работать одновременно с мозгами. Для глухонемых – это норма. А для нас... – Святогорский махнул рукой, – сами знаете. У кого-то котелок слишком долго варит, пока поезд уходит. А у кого-то сперва тело творит чепуху и только потом мозги догоняют... Ещё у глухонемых пластика почти у всех практически театральная. Контур и линия движения-выражения должны быть «поставлены». В общем, по книжкам научиться не получится. Всё это нужно видеть во плоти, в динамике. Повторять за ними, чтобы исправляли неверное движение или комбинацию. Неверное и, значит, непонятное для них. У Сашки, кстати, реально неплохо получается. Талантливый пацан. Талантливый человек талантлив во всём. Да, Татьяна Георгиевна? – Аркадий Петрович весело посмотрел на заведующую.

– О чём вы, друг мой? Не понимаю... А, постойте! Дошло! Вы уже перекурили с Маргаритой Андреевной, да? Она с сегодняшнего утра со мной в контрах. До первого неконтрактного блатняка, разумеется. Ну и по-дружески... Да, Аркадий Петрович, вы совершенно правы. Талантливый человек талантлив во всём. Хотя это, кажется, гораздо раньше вас заметили.

– Да, так вот, по теме! И не сбрасываем со счетов иную, так сказать, структуру речи и форму диалога у глухонемых, – безмятежно продолжил стервец Святогорский. – Это совсем другая речь! Не в смысле – язык, а в смысле: способ общения. Если вы плотно собрались общаться с глухонемыми, придётся перестраивать манеру мыслить. Да-да, друзья мои. Для нас, слышаще-говорящих, мучительно менять стилизацию речи и говорить почти односложно. Мы злоупотребляем этой самой стилизацией речи, частенько бессодержательными, но выразительными эпитетами и сложноподчинёнными оборотиками, как будто каждый, вслух свистящий, есть не меньше чем Бунин Иван Алексеевич. Глухонемые урезают форму ради предельной ясности содержания. Никогда глухонемой не сказал бы мне, как наша разлюбезная Татьяна Георгиевна: «О чём вы, друг мой? Не понимаю... А, подождите! Дошло!» – и так далее... Будь Татьяна Георгиевна глуха и нема, она сказала бы... – Аркадий Петрович быстро изобразил что-то руками.

– Это то, о чём я подумала? – улыбнувшись, уточнила Мальцева.

– Именно, друг мой, именно! Краткость и предельная ясность формы.

– Красиво! Но я тебе за сплетни отомщу! Я выкину твою вечную сумку с надписью USSR.

– Только не это! Лучше кастрируй! Мне это дело, в отличие от молодых людей, – Святогорский снова кинул выразительный взгляд на интерна, плотно занятого роженицей Валеи, – уже ни к чему! А сумка моя мне дорога как память о долгих годах работы в угнетаемых французами чернокожих колониях, где при французах всё было, а по установлению социалистического строя всё куда-то пропало. Совсем. У нас даже один посольский секретарь стишок сочинил про это: «Здесь до хера портретов Нету⁹, и ни хера здесь больше нету!» Зато я из стран недоразвитого социализма привёз себе чёрную же, пардон, «Волгу» и кооперативную квартиру... О, а вот и прекрасная Маргарита Андреевна подтянулась!

– Что у вас тут за митинг в моём родзале? Аркадий Петрович опять своим давно потёртым скарбом похваляется? – ехидно уточнила старшая акушерка observationalного отделения, суровой деловитой поступью войдя в родильно-операционный блок.

– Не митинг, а консилиум, Марго! – притворно-строγο прикрикнул Святогорский. – И не похваляюсь, а констатирую факт: врачу нынче на квартиру за три года

⁹ Антониу Агоштињу Нету – ангольский государственный деятель, поэт, первый президент Народной Республики Ангола с 1975 по 1979 год, председатель МПЛА – Партии труда (до 1977 года Народное движение за освобождение Анголы).

не заработать. А я в своё время – заработал! Как раз тогда и сумочку эту купил. Она мой талисман. Руки прочь от USSR! Мгновение, дамы. Молчите! Молчание – золото. Сейчас я закончу, и мы пойдём на воздух мириться. То есть – мирить вас друг с другом, дорогая Татьяна Георгиевна и не менее дорогая Маргарита Андреевна... Итак, говорить на языке глухонемых сложно ещё и потому, что некоторые вербальные понятия у них полностью отсутствуют в личном словаре. И человек, решивший обучиться этой премудрости в зрелом возрасте, выстраивая своей тушкой фразу, кроме собственной корявости и нелепости сталкивается ещё и с тем, что вроде всё правильно и точно по букварю сказал, а его всё равно не поняли, чучелу такую! Почему? Да потому что если нечто естественное и обыденное для, например, Татьяны Георгиевны не введено в оборот мышления и «словарь» нашей милой Вали из области, то язык жестов госпожи Мальцевой может оказаться для простой сельской глухонемой девушки даже и весьма обидным. Хотя, конечно же, сурдопереводу может выучиться каждый. Приматы достаточно легко обучаются азбуке глухонемых. Человеку на потеху. Потому что в природе животные вообще понимают друг друга без слов. Молча. А теперь, если Валя более-менее спокойна, то пойдёмте, дамы, в сад!

Святогорский схватил под руки Татьяну Георгиевну и Маргариту Андреевну и утащил их в приём.

– Дали друг другу мизинчики и быстро сказали: «Больше ссориться нельзя, кто поссорится – свинья!»

Дамы весьма охотно это сделали.

– Только пусть она пообещает впредь молчать! – не выдержала Мальцева.

– О чём? О том, что ты переспала с интерном? – несколько торжественно уточнил Аркадий Петрович.

– Господи, что весь родильный дом уже в курсе?

– Ещё не весь.

– Вот спасибо!

– Да плевать ей, кто в курсе про интерна или про чёрта лысого. У нашей королевы только одна запретная тема – умерший король. С тех пор как он умер, никакой другой никак не да здравствует! Регенты уже совсем измучились. Начинаю понимать Панина. Она, наверное, ему на ушко вместо «Сёма» шепчет «Мотя».

– Марго, хватит! – вполне серьёзным тоном сказал анестезиолог.

– Да о ней же забочусь!

У Татьяны Георгиевны по лицу вдруг покатались слёзы.

– Аркаша, дай платок. Если кто увидит, что я тут расклеилась на ступеньках приёмного... Разговор

будет больше, чем про мои постельные экзерсисы. – Она через силу улыбнулась.

– Танюша, прости меня, дуру! Не буду! Больше, ей-богу, не буду никогда. Ну я же люблю тебя, идиотина! Ну хочешь, на колени кинусь? – заголосила Маргарита Андреевна и действительно тут же брякнулась на колени прямо на бетонные ступени.

– Вставай, дура! – все еще всхлипывая, улыбнулась Татьяна Георгиевна. – А то начнут говорить, что мы с тобой на старости лет окончательно свихнулись.

– Вот, это другое дело! Иногда наговорить всякого не так уж и плохо. Хотя порою, девочки, я страшно жалею, что вы не глухонемые! – нежно притянул их обеих к себе Аркадий Петрович. – Это ж какие бы классные бабы были! Красивые, ладные, рукастые. И – главное! – молчаливые!

– Татьяна Георгиевна! – выскочила на ступеньки Светлана Борисовна. – У Вали воды излились!

– Ну и чего орёшь, как будто пожар?! – кинулась на ни в чём не повинную Маковенко заведующая. – Ну воды излились. А ты тут акушер-гинеколог или фуффло? Впрочем, пока ты именно что фуффло! Укладывайте на кресло. Сейчас иду!.. Ну вот, ещё не хватало, чтобы эта мышь с комплексом Наполеона видела меня с красными глазами.

– Да не успели они у тебя покраснеть. Идём, а то

все вместе посинеет.

На должном раскрытии Аркадий Петрович сделал Вале эпидуральную анестезию. А с интерном Валя до самого рождения ребёнка не расставалась ни на минуту. И только получив на живот своего крепкого здоровенького мальчика, наконец забыла про интерна. Через полчаса после того, как всё закончилось, левой рукой прижимая к себе младенца, правой написала на листике, чтобы к ней позвали анестезиолога.

Маргариту Андреевну, внимательно наблюдавшую за последующей немой мизансценой, этот танец рук, признаться, заморозил:

– О чём вы с ней так долго... разговаривали?

– Она боится, что её малыш будет глухонемой. Я её успокоил, что скорее всего нет. Это не генетика. Сама-то девка щипцовая. А пацан без затруднений родился. Во время беременности она ничего не принимала. Так что сказал оберегать от простудных заболеваний. И падений из кровати. И слишком ретивых докторов.

– И ты ей это всё на пальцах объяснил?

– Именно что на пальцах! – коротко хохотнул Святогорский. – Без метафор и красотостей.

– Нет, ну всё-таки, откуда ты так хорошо знаешь этот их язык? Про маму мне акушерка уже доложила. Ну мало ли где и кем мама работала. У меня, вон, ма-

ма на механическом заводе работала. Токарем. А я что-то детали вытачивать не умею.

– Так я всё детство при маме был. Потому что папы у меня не было. Я в том интернате для глухонемых читать-писать научился. Ещё до нормальной школы. Да и все каникулы там проводил. Дети – они всё быстрее взрослых осваивают. Общаться-то охота. А как с ними общаться? Только молча. «Страну глухих» смотрела?

– Не-а...

– Посмотри. Там здоровенная дрымба гениально глухонемую играет. Вероятно, тусовалась с ними перед съёмками. Без личного опыта общения так хер сыграешь. Ты знаешь, что Дастин Хоффман перед съёмками «Человека дождя» некоторое время посещал дурдом? Профессионалы никогда не верят на слово... Смешно. В контексте сегодняшнего.

– Что смешно?

– Про «не верить на слово». Вот тебе ещё история о словах. Моя мама, двадцать пять лет проработав в интернате для глухонемых, ушла к дэцэпэшникам. Не то там зарплата была больше, не то... Не знаю, почему ушла. Не важно. Важно то, что, когда она в школе для глухонемых преподавала, то, когда ученики её слишком доставали, она отворачивалась к доске и громко орала: «Ёб твою мать, блядь! Как вы меня достали, выродки!!!» А потом снова поворачивалась

к ним – и опять мир, дружба, жвачка. А тут дэцэпэшники. Корявые, но слышат хорошо, да. Вот в один из дней они её довели и она, отвернувшись к доске, выдала свой коронный текст. Моторная привычка сработала. Выматерилась и чует за спиной зловещую тишину. Не привыкла дэцэпэшная малышня слышать от своей любимой учительницы эдакие кульбиты. Маман развернулась, извинилась перед детками, и прямёхонько в кабинет к директору пошла, мол, увольняйте, такая вот фигня вышла. Не уволил. Сказал-де, с кем не бывает.

– Каким же учителем твоя мама была?

– А младших классов, Марго. Младших классов. «Учительница первая моя», так сказать.

– Что же она так, про выроdkов-то?

– Ой, Маргарита Андреевна, а то ты беременных, бывает, не материшь?

– Матерю, ещё как матерю.

– Но в общем и целом – ты прекрасная акушерка и к тебе уже поколениями ходят и очереди стоят, так?

– Ну так.

– Вот и мою маму все её ученики любили. У нас полный дом на её дни рождения и День учителя собирался. Всё глухонемые и корявые. Взрослые уже, а её не забывали. Поорать иногда в кайф, не правда ли Марго? Сотряс воздух – и вроде как легче.

– Ну бывает...

– Вот! Самые страшные драки, что я в жизни своей немалой видел – это были драки глухонемых. Малыш-ни и подростков. Они не бились до первого фингала или первой крови. Как дерутся нормальные дети, дети с ДЦП¹⁰ или даже слепые дети. Эти дети – глухонемые – бились насмерть. Издавая дикие животные глухие мычаще-стонущие вопли... Иногда тишина, Маргоша, это страшно. Так что ты Татьяну Матвеем не доставай. У неё в этом месте сильное нарушение восприятия. Не вина её, а беда. Хотя, может, именно поэтому она, Танька, и счастливее всех нас.

– Не понимаю я...

– А и не надо! Слушай, Маргарита Андреевна, вы плакатик мой с азбукой глухонемых не выбрасывайте.

– Здрасьте! Чего это мы его выбрасывать будем, тебе же его на кафедру ЛОР надо вернуть.

– Да никуда мне его не надо возвращать. Соврал я. В шкафу в раздевалке этот ватман у меня бог знает сколько лет стоит. С тех пор как в ту самую кооперативную квартиру переехали с моей супругой, исполняющей обязанности всевышнего¹¹. Так она две вещи

¹⁰ ДЦП – детский церебральный паралич.

¹¹ Жена Аркадия Петровича Святогорского – заведующая отделением инвалидов Отечественной войны (ИОВ) той же больницы. – См «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

ненавидит – мою сумку – про это вы все знаете. И вот этот плакат. Всё он ей мешал. Выкинь да выкинь! А я не смог. Матери уже нет. Выкинуть этот плакат – вроде как последнюю память о ней и о детстве уничтожить. Так что если он вам не нужен – вы мне его верните. А если нужен, то и хорошо.

– Аркаша! Мы его на стену привесим, честь по чести. Не только в Великобритании, в конце концов, акушеркам образовываться! – рассмеялась Марго и поцеловала старого анестезиолога в колючую щёку. – Так что будешь иметь возможность каждую смену памятью о детстве любоваться!

– Ну всё, всё... Не то я растаю, поплыву, рассенти-ментальничаюсь. И это будет действительно смешно.

– Вот никак не мог даже сейчас обойтись без слов, да?! Без оборотиков и вечного своего цинизма!

– Не мог, Маргоша, не мог. Иначе бы заплакал. Ну или зарычал... Слушай, а у этого засранца Александра Вячеславовича действительно лихо получалось с Валею балакать. Реально способный молодой человек. И я уже почти уверен, что во всём. Ладно, пойду к себе, на пятый этаж. Если что – ни в коем случае не вызывайте! Я старый больной человек, мне нужен крепкий продолжительный сон. Желательно – медикаментозный.

Разумеется, что никто никому и никогда тут не же-

лал спокойной ночи. Ни вслух, ни жестами. Врачи – самые суеверные люди на всём белом свете. Так что разошлись по рабочим местам молча.

Кадр семнадцатый

Крепкий продолжительный медикаментозный сон

В девять вечера около приёмного отделения припарковался милицейский «бобик». Два плотных дяденьки в серых форменных бушлатах выволокли из зарешёченной части машины еле стоящую на ногах тощенькую бабёнку и под руки затащили её в родильный дом.

– Принимайте обдолбанную девку, это по вашей части! – сказали плотные дяденьки стройненькой молоденькой акушерке, открывшей им двери, воткнули синюю вонючую бабёнку в стул, и быстренько испарились. Только колёса «бобика» по снегу скрипнули.

– Пшла на хуй! – изрекла «фея».

– Что вы себе...

– Пшла на хуй, я сказала! – повторило диво дивное, и голова её склонилась на плечо.

– Зинаида Тимофеевна! – крикнула растерявшаяся акушерка. И тут же схватилась за телефон.

– Татьяна Георгиевна, тут явно к вам... Милиция привезла и уехала. А санитарка ушла в главный корпус за бельём. А я её боюсь!

вой, немедленно бросившейся к валяющейся на кофельном полу бабе, – милиция привезла, ничего толком не сказала и уехала.

– Чему вас учат?! Надо было уточнить, какое отделение, где нашли!

– Они сказали только: «Принимайте обдолбанную девку, это по вашей части!» – и уехали. Как я буду милицию задерживать?

– Ну ты дубина! – рывкнула Мальцева на акушерку, уже нащупав пульс на сонной артерии и теперь пристально осматривая руки бабёнки. – Надо было выскочить и номера машины запомнить. Вызывай для начала анестезиолога. Менты правы. Баба совершенно обдолбанная. Свежеобдолбанная. И она рождает. Кто сегодня в обсервации дежурит, Линьков? Его тоже вызывайте!

– Татьяна Георгиевна, Линьков уехал. Сказал на пару часов. Сына из школы забрать. Всё равно, – сказал, – Мальцева здесь! – чуть не плача, выговорила акушерка.

– Не родильный дом, а бордель какой-то! Завтра же докладную начмеду и на хер этого пенсионера, пусть своим малолетним отпрыском занимается...

– Бля-а-а-адская же ж бля-а-а-а-а-а, сука, бо-о-о-ольно! – перебила возмущённую Татьяну Георгиевну дама «с паркета». У неё, по-видимому, снова нача-

лась схватка.

– Александр Вячеславович, что стоите остолопом?! Помогите мне это поднять и уложить на кушетку!

Акушерка тоже бросилась на помощь. Впрочем, это было совершенно лишним. Интерн легко поднял «обдолбанную девку».

– Да она весит всего килограммов сорок, – констатировал он. – Не трогайте её, Татьяна Георгиевна, она сильно воняет.

– Привыкайте, мой дорогой, в акушерстве, бывает, ещё не так, как вы выразились, воняет. Почему у неё под дозой схватки болезненные? И где, чёрт возьми, Аркадий Петрович?!

– Я тут, мой ангел! – из «приземлившегося» лифта вышел Святогорский вместе с Зинаидой Тимофеевной. – Поскольку urgentный звонок не трубил, я позволил себе по дороге сюда подобрать нашу славную санитарку в подвале. А то сколько она там будет мёрзнуть, бедолажечка, с гружёной каталкой, если тётка Зинаида у нас нынче и за лифтёра в связи с урезанным бюджетом? Ну что у нас тут? Ломка?

– Да нет, не ломка. Тьфу ты! Не абстиненция! Похоже, свежепринявшая. Менты привезли и бросили, а акушерка юная, голова чугунная, ментов не задержала, зараза!

– А что, менты оказывали сопротивление при за-

держании? Ах как нехорошо, голубушка, что вы не обучены приёмам задержания ментов, оказывающих сопротивление! – укоризненно проговорил он в сторону акушерки приёмного, щупая тем временем пульс и на крупных сосудах, и на периферических. – Так, измеряй давление! Это-то ты умеешь?

Акушерка бросилась трясущимися руками наматывать манжету.

– А ты что стоишь?! – рявкнул он на свою анестезистку. – Видишь, дитя неразумное пытается своим раздолбанным тонометром давление карандаша измерить. Доставай наш аппарат... Я сам! Набирай пока лошадиные дозы глюкозы и аскорбинки. Закатаем... Ну вот, давление восемьдесят на сорок. До коллапса рукой подать. Доставайте, Татьяна Георгиевна, кортикостероиды из шкафа.

– У тебя в чемодане есть, не жмотничай!

– Ё-о-о... – снова подало голос создание.

– Женщина! Женщина! Как вас зовут, милая моя?! – заорал Аркадий Петрович и пошлёпал бабёнку по щекам.

– О-о-о-...

– Оля?

– К... на хуй О-о-о-...

– Неужели Коля?! – сделал большие глаза анестезиолог.

Татьяна Георгиевна мимо воли хихикнула.

– Перчатку!.. Аркадий Петрович, подвинься, дай я её посмотрю. – Мальцева надела поданную акушеркой перчатку и присела на кушетку. – Саша, раздвинь-те ей ноги и держите, чтобы она меня тут не уе... не ударила, блин.

Тем временем анестезистка уже вводила в вену «живительный» коктейль, акушерка приёмного пыталась создать «кожную складку» на истощённом плечике, чтобы ввести преднизолон. Роженица тем временем оглашала пространство приёмного покоя жутким матом-перематом.

– Аркаша, даже у меня уши вянут, – сказала Татьяна Георгиевна и извлекла правую руку из исследуемых недр.

– «Даже у тебя» – не показатель, дорогая моя младшая подруга. А вот то, что они вянут даже у меня – это да! Прямо хочется схватиться за блокнот и немедля записать весь этот неповторимый городской фольклор! Чтобы потом поражать воображение сантехников и вызывать восхищение таксистов.

– Не слишком она рожает, кстати. Шейка едва-едва пропускает палец. Мой. Головка низко, схватки не такие уж и интенсивные. В общем, не знаю, почему ей так больно.

– К тому же она под кайфом. То есть в данном слу-

чае прямо скажем – под анестезией. Странно... Тётка с парадоксальными реакциями? – задумчиво протянул Святогорский.

– На разрыв матки не тянет, тьфу-тьфу-тьфу! А вот на первичную слабость родовой деятельности...

– Типун вам на язык в обоих случаях, Татьяна Георгиевна!

– Да какой там типун... Хотя в первом случае – да! А вот насчёт слабости – боюсь, я не ошибаюсь. Не будь я заведующей отделением!.. Акушерка! Я так и буду тут в грязной перчатке сидеть или, может быть, вы соизволите подать мне стекло?!

Несчастливая юная дева метнулась, загремела биксами¹² и подала под пальцы Мальцевой предметное стекло для вагинального мазка.

– Благодарю. Оформляйте. Переводите в родильный зал. В изолятор.

– Меня Оксана зовут! – вдруг с трудом, но уже вполне осознанно, прохрипела бабёнка. Возвращающий к жизни надпочечники преднизолон вкупе с живительными для организма сахарно-витаминными коктейлями исправно делал своё дело. – Чё ты, блядь, вены колоть не умеешь?! – тут же вдогонку вызверилась она на анестезистку.

¹² Бикс – металлическая коробка для стерилизации инструментов и белья.

– Вы бы помолчали, гражданочка! – обиженно огрызнулась та.

– Я чё в «обезьяннике», какая я тебе «гражданочка»?

– Фамилия у вас есть, Оксана?

– Есть, что я вам, собака, что у меня фамилии нет? Егорова моя фамилия. Как я тут ваще оказалась-то? Вы кто, люди?

– Вы, Оксана Егорова, в родильном доме! – строго сказал Аркадий Петрович. – И вы, Оксана Егорова, рожаете!

– Чё заладил «Оксана Егорова, Оксана Егорова»?! Для тебя Ксюха.

– Очень приятно. Аркадий Петрович.

– Уй, бя... Опять начинается!!!

– Так, Александр Вячеславович, зовите сюда нашу бригаду, пусть переводят её в родзал. В изолятор, разумеется.

– Я понял с первого раза, Татьяна Георгиевна.

– А если поняли, чего ещё тут прохлаждаетесь?!

Интерн подошёл к внутреннему телефону и набрал родзал.

– Вера Антоновна, пришлите сюда санитарку и каталку. И вторую акушерку.

– Учись! – кивнул на интерна Аркадий Петрович, обратившись к акушерке приёма. – Это, вообще-то, твоя

работа. Просто Татьяне Георгиевне приятнее орать на Александра Вячеславовича, чем на тебя.

– Ни на кого я не ору. А вы, Оксана, что, совсем не помните, как тут оказались?

– Помню. Не про как здесь, но кое-что помню. Мы сидели у Лидки, потом я с Тохой поругалась и куда-то пошла... Дальше помню, что меня эта жопорукая, – она скривилась в сторону анестезистки, – в вену, бляха, колет.

– Ой, да в ваши вены попасть...

– Без тебя отлично попадаю, курва!

– Да как вы смеете!

– Девочки, не ссорьтесь! – миролюбиво резюмировал Святогорский. – Татьяна Георгиевна, полагаю, что я вам сегодня буду необходим, да?

Пригромыхала родзальная санитарка с каталкой. Интерн легко перекинул Оксану Егорову с кушетки на «транспортное средство».

– Ой, ну чисто, блядь, королевишна. Мужик на руках носит с койки на мотор, гы! – ослабилась кариозными зубами бабёнка. И даже состроила Александру Вячеславовичу мутные глазки. – Тоха бы тебя урыл, парень. Понял?! Он у меня ревнивый – пиздец!

– Помойте её! – крикнула Мальцева.

– Чё меня мыть, я чистая! Вы тока так сделайте, чтобы мне не больно было! Ой бля, а Тоха-то и не зна-

ет, что я рожаю! Вот ему чиста сюрприз будет!

– Да уж... Сюрприз так сюрприз. Тоха у нас кто? Счастливым отец?

– Ну да, бля, отец – на дуде игрец! Доктор, вы мне больше всех тут понравились. Вы, видно, хорошая баба. Вы уж меня не бросайте, ладно? Я вам благодарна буду.

– Танька, – шепнул Святогорский, – она, по ходу, тут только с тобой на «вы». Ты попала!

– Аркадий Петрович, я вас прошу! Хоть вы без «походов»!.. Не брошу, Егорова. Куда я от вас денусь. ВИЧ у вас позитивный или как?

– Обижаете, доктор! Я только одноразовыми! Если только Тоха, говнюк, чем наградил. Да не, он ничего хуже трипака не принесёт, проверено!

– Александр Вячеславович, наберите у Оксаны кровь на РВ, ВИЧ и всё, что положено. «Тройку»¹³, коагулограмму¹⁴. И сделайте, пожалуйста, кардиотокограмму. Ещё неплохо бы вызвать Анатолия Витальевича с портативным УЗИ. Он сегодня в патологии дежурит, так что на месте. Три фона ей. И считайте схватки. Воды у неё не изливались. Всё пока. И – да! –

¹³ «Тройка» – количество гемоглобина, эритроцитов и лейкоцитов. Быстровыполнимый и весьма показательный анализ крови.

¹⁴ Коагулограмма, или гемостазиограмма – один из видов анализа крови. Его проводят с целью изучения её свёртывающей способности.

дождёшься! Разве что свинину по-милански кто не дожрёт.

– Так откуда такая роскошь?

– Сёма проставился за рождение внучки.

– Вот подлюка! Вам он, значит, проставился, а моему отделению – шиш! Его эта трещотка Катя у меня, между прочим, пока ещё лежит.

– Не заводись. Вам завтра выставит. Он, может, вообще на тебя зуб имеет. И вовсе не Марго мне, кстати, рассказала про интерна. Зря ты на подругу гнала. Меня Сэмэн в кабинет вызвал и давай плакаться и твои истории пересказывать. И, разумеется, требовать от меня подтверждения того, что ты всё это выдумала.

– Подтвердил?

– Как с добрым утром. Сказал, что это у тебя уже старческие климактерические фантазии от полового бессилия. И, возможно, уже даже шизофрения!

Татьяна Георгиевна ткнула Аркадия Петровича ладошкой в грудь и расхохоталась.

– Вот старые козлы. А ещё говорят, что бабы сплетницы!

– Да ну что ты! Бабы и рядом не стояли!

– Всё равно Сёма – кусок говна. Он же не мне не выставил – он отделению не выставил. Узнают, что вам проставился, а нам нет – не простят.

– Может, и передал Маргоше. Она сегодня что-то

пораньше слиняла.

– Ладно, фиг с ним... Только я, Аркаша, шампанское как-то не очень!

– А и не надо! У меня и деликатный женский напиток имеется!

Святогорский достал из холодильника запотевшую бутылку «Абсолюта».

– Слегка початая, не побрезгуешь? – он налил Татьяне Георгиевне в кофейную чашечку. Чуть не до краёв.

– Аркадий Петрович, если я сейчас это залпом грохну, то тут у тебя так и останусь на койке лежать.

– А и лежи себе спокойненько, отдохай, пока не позвонили. Я безопасный. Трахаться, как интерн, уже не могу, а любви и ласки, как Сэмэну, мне уже тоже давно не надо.

– Да ладно тебе! И, кстати, не обижай Панина. Он, разумеется, мерзавец, но в постели ещё очень даже ничего... для дедушки, – Татьяна Георгиевна хихикнула.

– Ой, где мой диктофон, а? Да Сэмэн мне за трансляцию вот этого твоего «в постели ещё очень даже ничего» ставку поднимет до максимально разрешённой, да ещё и сверху премиальных накинет!

– Хорош ржать, Аркадий Петрович! Без закуски пить не буду. Шоколадные конфеты не предлагать!

– Ну кто ж не знает, королева, что вы шоколад не употребляете! У меня тут есть слегка подсушенный мандарин. С Нового года завалился. Практически уже сухофрукт. Пойдёт?

– Давай!

– Ну а я, с вашего позволения, шампусика. Я ж официально на работе. Это вы тут благотворительностью сверхурочно занимаетесь, Татьяна Георгиевна. Даже наркотически опьянённые девки сразу проникаются к вам любовью и доверием. Так что вы пейте водочку на здоровье, а я эту газированную муру употребляю, что нам Семён Ильич от щедрот откинул.

– Классное шампанское, между прочим.

– Вот заодно и приобщусь! А откуда ты знаешь, что оно классное, если ты его вообще никогда не пьёшь?

– Пить не пью, а цену знаю.

– Да? Ну никто и не сомневался, что Панин – мужик щедрый. Кстати, почему ты не пьёшь шампанское? Я как-то внимания не обращал. Впрочем, кто и когда из нас шампанское пил на свои?.. Ну, вздрогнули, за здоровье новорождённой Варвары Паниной.

Друзья чокнулись и выпили.

– Вот уж не думала, что буду когда-нибудь поздним вечером пить с анестезиологом в ординаторской за здоровье Варвары Паниной.

– Всегда что-то впервые. Так чего шампанское-то

не пьёшь?

– А у меня на него, Аркадий Петрович, совершенно парадоксальная реакция. Один бокал – и в голове фейерверки. Ровно как эта Ксюха становлюсь в мгновение ока. Тоже могу не помнить, куда и как попала. С кем и по каким подъездам и что пила.

– А Сэмэн знает?

– А как же!

– Так вот, значит, почему он вашему отделению шампанским не проставился. Поди, ящик водяры завтра притаранит. Ну что, между первой и второй колибри не пискнет?

– Святогорский, не гони коней! У меня, между прочим, ответственная роженица в изоляторе. Да и ты тут один на весь родильный дом. А ну как привезут что-то urgentное?

– Так я же шампусик! А ты следующую чашечку залпом не глуши. Растягивай. Мандарин-то крупный, хоть и засушенный.

Аркадий Петрович разлил, и друзья снова выпили. И снова – за здоровье новоявленной Варвары Паниной.

– Понимаешь, подаренное по конкретному случаю только за этот случай и надо употреблять! – извинился Святогорский.

– Водку тебе тоже Панин подогнал?

– Будешь смеяться – да. Сказал, чтобы я с тобой выпил сегодня. Немного! И выведал, на самом ли деле ты спала с интернетом или всё придумала.

– Детский сад какой-то!

– Ну не зря же говорят: старый, что малый.

– А мне вчера, Аркадий Петрович, кто-то букет из двадцати одной белой розы подогнал. Прямо на дом. Вот они там сейчас и живут в одиночестве, в моей квартире. А я тут, роды у наркоманки принимаю. Романтика! Ну, давай за Варвару Панину!

– Момент! Я себе обновлю! Классная газировка, кстати, чисто «Буратино»! Сколько, говоришь, стоит?

– Я не говорила. Но стоит двести долларов бутылка.

– Бляха-муха! Лучше бы он деньгами подогнал. Хотя... «Буратино» за двести долларов бутылка я ещё не пил!

– «Буратино» не склоняется.

– Яйца курицу не учат, Татьяна Георгиевна. Я знаю правила.

– Да-да, ты у нас самый умный! – хихикнула Мальцева, прикладываясь к чашечке.

– Мы сейчас не об этом! – изобразил Святогорский Буркова из фильма всех времён и народов. – Мы о том, что я – выше правил!.. Так о чём мы?

– О том, что Панин подогнал тебе бутылку водки,

чтобы ты выведал...

– Точно! Он же сказал мне, что тебя от шампанского рубит так, что в соседней койке надо ловить, и подогнал бутылку «Абсолюта». Я днём слегка причастился. Короче, выведываю у тебя, Татяна! Истину говори, спала с интерном?

– Ну, я бы не назвала всё с нами происходившее сном, но некоторое время мы спали, да. В обнимку, между прочим!

Татьяна Георгиевна страшно развеселилась. Развеселилась и даже расчувствовалась. Какой он всё-таки милый, этот Святогорский. И, между прочим, действительно самый умный. Ну, не считая доцента Матвеева. Но Святогорский добрый, это немаловажно! И нет практически ничего, ни одной темы, по какой бы он не был в курсе. И совершенно не важно, о чём идёт речь – о глухонемых, о культуре обрезания клитора в африканских племенах, о живописи импрессионистов или о поэзии символистов – Аркаша знает всё. Энциклопедически образованный человечиче. Надёжный, с чувством юмора...

– Не вздумай, Мальцева, меня соблазнять! – подозрительно посмотрел на неё Аркадий Петрович. – Мыслей таких даже в подсознании не имей. Ты роскошная баба. И будь у меня бабки на неразумные поступки вроде ящика жутко дорогой газировки – я

каждый день подгонял бы тебе по букету роз прямо на дом. Причём лично. Но я, признаюсь тебе честно, Танька, давным-давно предпочитаю бабам футбол. Не потому что я футболист, а потому что я – импотент. Все импотенты любят футбол. Так они сублимируют. Так что не вздумай, потому как не получится. И у тебя разовьётся комплекс неполноценности, хотя ты тут совершенно ни при чём! Это всё я.

– Тьфу ты, нужен ты мне сто лет! – расхохоталась Мальцева. – Можно я покурю в окошко?

– Да бога ради! Чтобы я старому другу не разрешил покурить в окошко? А о чём ты сейчас думала, а?

Татьяна Георгиевна открыла фрамугу, и в ординаторскую анестезиологов ворвался свежий морозный воздух. Это было очень кстати. Всё-таки две полные чашечки водки в желудок, где после утреннего плющенного овса с кусочками сухофруктов ничего и не было, это... Кстати, сколько в тех кофейных чашечках? Пятьдесят миллилитров? А если до краёв?

– Я, Аркаша, думала о том, что ты очень хороший. И Панин, если разобраться, тоже очень хороший...

– И ты, Татьяна Георгиевна, очень хорошая...

– Да уж, все мы хороши! – Мальцева глубоко затаилась.

– Да, мы все хорошие, но как-то так получается, что все мы – хороши! Те ещё...

Зазвонил внутренний телефон.

– Общество хорошистов слушает! – прогудел в трубку Святогорский. – Татьяна Георгиевна, вас!

– Татьяна Георгиевна! – заголосила в ухо Вера Антоновна. – Измучила нас всех тут эта Егорова. Матом ругается так, что дед мой покойный, царствие ему небесное, в гробу от зависти ворочается, а он, прости его господи, вертухаем в зоне был. Орёт как оглашенная. Динамики никакой. Схватки то потухнут, то погаснут. Может, окситоцинчику ей подключить?

– Да погоди ты! Чуть больше часа прошло, а она уже со своим окситоцинчиком. Вы её отмыли?

– Мыла ей дали, воду включили. Что её, из шланга обдавать? Ой, попомните моё слово, Татьяна Георгиевна, измотает она всех слабостью родовой деятельности, а закончится всё операционной. Потому что и сама она измотается.

– Типун тебе на язык, Вера! Что ты вечно волну гонишь?!

– Да чувствую я...

– А ты не чувствуй. Ты исполняй. Как три фона проколем, так и думать будем. Ясно?

– Ясно! – вздохнула Вера Антоновна. Эта удивительная дама умела так вздыхать, что всем и всё сразу становилось предельно ясно. Вот сейчас Татьяне Георгиевне стало понятно, что эта пьеска в один

вздых, означает не иначе как: «И не говорите потом, что я не предупреждала!»

– Сердцебиение плода нормальное?

– Пока да.

– Снимайте КТГ каждые полчаса. Валерий Иванович пришёл?

– Нет пока.

– Так разыщите!

– Александр Вячеславович его трижды по телефону звал, а сейчас вот лично на четвёртый этаж пошёл.

– Вот и прекрасно! Если что – если действительно что – немедленно звоните. Я пока тут.

Два часа Татьяна Георгиевна и Святогорский языками чесали. О чём? Да разве друзьям с немалым жизненным опытом за плечами не найдётся о чём поговорить какие-то смешные два часа?

Нет, чтобы покемарить, пока не началось...

Через два часа Вера перезвонила. Схватки у роженицы в изоляторе монотонные. Не усиливаются. Егорова всех извела. Слава богу, в родзале, кроме неё, никого. Пока... Хотя она, конечно, вроде как в изоляторе, но верещит как... В общем, сегодняшняя глухонемая с её мычаниями – ангельская музыка... Сердцебиение плода не слишком страдает, но эпизоды на КТГ есть уже такие, что... Гипоксия, в общем, начинается. УЗИ нормальное. Кроме гипотрофии плода, что,

само собой разумеется при таком мамашинном габитусе и образе жизни неудивительно, ничего не выявил. ... Линьков? Нет, Валерий Иванович не появился. Да, на мобильный ему звонили. Сказал, что у сынишки температура. А потом и вовсе мобильный отключил. Домашний тоже не отвечает... Что? Писать докладную, что дежурного доктора не было на дежурстве? А чего сразу я?.. Хорошо, хорошо, Татьяна Георгиевна. Напишу. Что я, не понимаю, что ли?!

– Эх, Аркадий Петрович. Всем насрать на мои одинокие розы. Почему бы мне не насрать на температуру сынишки Валерия Ивановича? Из уважения к его сединам?

– К сединам сынишки? – заржал Святогорский. – Ты знаешь, – тут же понизил он голос до заговорщического шёпота, – говорят, что Линьков своему отпрыску жопу вытирал собственноручно до восьмилетнего возраста.

– Я не понимаю, хоть убей, разве нужно сидеть при четырнадцатилетнем лосе всю ночь, даже если у него температура? У него что, сыпной тиф? Малярия? Нет, я должна уволить Наезжина, Линькова и Маковенко!

– Маковенко-то за что?

– За то, что дура!

– Ой, ну за это, Танька, не увольняют. Ты её ревнуешь к интерну, да?

– Аркаша, ты долбанулся? От «Буратино» одеревенел? Кто мне такой интерн? К тому же на нашу Светлану Борисовну он не обращает никакого внимания, несмотря на все её мартышкины ужимки. Вежлив, почтителен – как и полагается интерну, и всё. Маковенко просто дура. И дура с претензиями. Это гораздо хуже дуры обыкновенной. Мне в отделении такие не нужны.

– И с кем ты останешься?

– Дежурантов бы тоже повыкосить неплохо... Ну есть же где-то отличные ребята, грамотные, исполнительные, в чистых халатах, ежедневно моющие волосы... А Линькова завтра же на хер. А пока мне надо думать головой, что делать с этой Егоровой. Окситоцин капать я запретила. У неё уже биохимическая утомлённость...

– Да, по жизни! – перебил Святогорский.

– ...утомлённость маточной мускулатуры. Динамики нет, шейка матки за три часа ни черта не раскрылась. Схватки короткие, но сильно болезненные...

– Я знаю, что делать!!! – вскочил с дивана Аркадий Петрович и, прихватив две бутылки шампанского, пошёл к двери. – Идём! Идём к тебе!!!

У лифта он всунул бутылки Татьяне Георгиевне:

– Подержи! Я мигом! – И унёсся в предбанник операционной пятого этажа. – Вызывай лифт, через секунду буду! Только тихо! Не надо девок будить, мне

анестезистка не нужна, пусть спит!

– Аркаша, ты думаешь о том же, о чём и я, да? – прищурилась на него Мальцева, когда он действительно очень быстро вернулся.

– Ну разумеется! Мы сейчас устроим нашей милой обдолбанной девке Оксане Егоровой медикаментозный сон! В некоторой моей авторской модификации.

В отделении было тихо. А вот в родильном зале... Из изолятора раздавались вопли, стоны и маты.

– Тань, – шепнула Вера Антоновна. – Я боюсь, как бы у неё абстиненции не началось.

– Никакой ломки мы не допустим! – важно надув щёки, доверительно сообщил первой акушерке Святогорский.

– А где интерн?

– Он в изоляторе, Татьяна Георгиевна. Эта дрянь при нём ещё хоть как-то более-менее себя ведёт. И отмылась, мне кажется, только ради него. Хотя этим наркоманкам конченным... Все они нелюди, потерявшие человеческий облик.

– Вера Антоновна, ты у нас что, общественный судья? Просто делай своё дело.

– Да всю душу вымотала! Прокуренная, хрипит, сипит... А вы бы видели, Татьяна Георгиевна, как она этого несчастного Александра Вячеславовича трясёт.

– Я тоже у нас прокуренная. А интерну ничего не

сделается. Крепкий.

– Что вы сравниваете!.. Крепкий-то крепкий, да она его уже даже расцарапала!

– Вы хоть экспресс-тест на ВИЧ ей сделали? А его хлоргексидином промыли?

– А как же! Экспресс – отрицательный.

– И на этом спасибо.

– Татьяна Георгиевна, тут девочку со второго этажа в предродовую перевели только-только. Будете смотреть?

– Разумеется. Только для начала с Егоровой разберёмся.

– Да! Да!!! – ожил присевший, было, на стульчик Святогорский. Он так и не выпускал из рук шампанское, отобранное у Мальцевой в лифте. – Давайте разберёмся с Егоровой. Быстро тащите её сюда.

Санитарка побежала в изолятор и оттуда, повиснув на Александре Вячеславовиче, выплыла тощая, как облезлая кошка, несчастная роженица Егорова. С синяками под глазами и исколотыми ручками-веточками.

– Ну чисто жертва гестапо... В паху свища нет? – строго воззрился на неё Аркадий Петрович.

– Обижаете! Что я, конченная?

– Нет? Ну ладно... Отпустите молодого доктора, Егорова, и присаживайтесь на стульчик. Знаете ли вы,

Ксюха, что такое гамма-оксимасляная кислота, она же ГОМК, она же – оксибутират натрия?

– А то мне тѣзку не знать! – криво усмехнулась наркоманка.

– Почему тѣзку? – удивилась Вера Антоновна.

– Ты, Верусик, не в курсе, но у нашей чудесной гамма-оксимасляной кислоты много прекрасных имѣн. Например, «Буратино»! – Святогорский воздел руки с бутылками шампанского по двести долларов бутылка. – Санитарка! Санитарка!!! Тащи бокалы!

– Что? Где? Ой! – вынеслась санитарка из недр родзальных помещений. – Нет бокалов, Аркадий Петрович.

– Чашки тащи, голова соломенная. Нет чашек – стаканы с буфета!

– Ага, чтобы меня баба Гала прямо там и порешила?

– Вы что тут, даже чай-кофе не пьѣте?

– Маргарита Андреевна запретила чаи-кофея в родзале гонять.

– У меня есть одноразовые пластиковые стаканчики, – робко проблеяла молоденькая девочка из предродовой. – Извините.

– Да за что же извинять тебя, спасительница?! – победоносно затрубил анестезиолог. – Давай! И тебе нальѣм! Как звать?

– Елена Александровна! – пискнула девица.

– Ты что, учительницей работаешь?

– А как вы угадали? Вы в мою историю посмотрели, да?

– О нет, дорогая моя Елена Александровна! Я в вашу историю не смотрел. И дай вам бог, чтобы я так и не посмотрел в вашу историю. Впрочем, если вы захотите эпидуралку...

– Нет-нет, я сама! Я всё хочу сама и только сама! Чтобы всё естественно!

– Ага, понятно! Ну, поговорим тогда часиков эдак через пять, Елена Александровна. А то, что вы учительница, я догадался просто потому, что по имени-отчеству в нашей стране всё ещё представляются недобитые долбоё... недобитая интеллигенция вроде учителей и врачей. Все остальные уже давно просто Лены, Кати, Тани и Валерики. Менеджеры разнообразных звеньев играют в общение по горизонтали. А мы с вами, врачи и учителя, всё ещё плюём на всех с высокой горы своего собственного нищевродского превосходства! Потому что для детишек и пациентов мы кто? Мы, несмотря ни на что, для них – главные. Вот то-то и оно!

– Где «ксюха»-то, Аркадий Петрович? Гони на меня! – хрипло перебила излияния анестезиолога Оксана Егорова.

– Момент! Ты на чём сидишь, Ксюха?

– На «герыче», а чё?

– Я так, чтобы с дозой не промахнуться...

Некоторое время он выяснял у роженицы Егоровой детали её наркологического анамнеза. А затем Святогорский с некоторым даже гусарским шиком открыл бутылку шампанского.

– Учитесь, юноша, пока я жив! Шампанское надо открывать так, чтобы бутылка сделала лёгкий «шпок!» и из горлышка заструился едва приметный дымок. Пенные струи никому не нужны, и, вообще, уважайте труд санитарок!

Александр Вячеславович взял со стола вторую бутылку и открыл её с ничуть не меньшей лихостью и умением, чем Аркадий Петрович.

– Я говорил вам, что юноша талантлив во всём? – гордо оглядел окружающих анестезиолог с таким видом, будто Александр Вячеславович был его родным сыном, которого он отправил к первому причастию, с гордостью утерев родительскую скупую слезу. – Так-так-так, раз-два-три – смена, ты, Сашка – это четыре. Я – пять. Ксюха Егорова – шесть, Елена Александровна – семь.

– А разве мне можно шампанское? – широко распахнула глазки Елена Александровна.

– Отчего же нет, милая? Отчего же нет?! Вы же со-

брались всё это дело пройти, так сказать, естественно? Вот! А что такого противоестественного в бокале шампанского? Пардон, в пластиковом стаканчике шампанского. Ровным счётом ничего! Это для нас естественно, как с добрым утром – разливать бурду за двести долларов бутыль в пластиковые стаканчики, ха! К тому же обещаю вам, что к тому моменту, как вы с неестественной силой захотите страшно неестественной эпидуральной анестезии, всё это шампанское элиминируется из вашего прекрасного организма. Тут пописаете, там вспотеете, и тут и там сблеванёте...

– Аркадий Петрович, вы прям как-то слишком в ударе. Я бы даже сказала – в угаре, – шепнула другу Татьяна Георгиевна.

– Ах, оставьте! Не видали вы меня в угаре, окружённого женщинами цвета ебёнового дерева...

– Аркадий Петрович, эбенового! – поправила его Вера Антоновна.

– Грамотная, да? Просто лес твоих знаний ограничивается эбеновыми деревьями. А тайга моих включает и ебёновые!

Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович уже просто тихо тряслись от беззвучного хохота.

– Кстати, дорогой интерн, почему вы не спросили меня – когда я считал количество пьющих, – мол, от-

чего же это вы, высокоуважаемый Аркадий Петрович, не поинтересовались тарой для Татьяны Георгиевны? Тем более что пластиковых стаканчиков у нашей Елены Александровны предостаточно. Как будто она не рожать, а в подъезд на вечеринку собралась.

– Раз вы не посчитали Татьяну Георгиевну, значит, по каким-то причинам она не употребляет шампанское, – улыбнувшись, ответил Александр Вячеславович.

– Боже мой! Боже мой, как вы умны и добры! Дайте вас поцелую, дорогой мой человек! Я, конечно же, не так приятен на ощупь, как...

– Аркадий Петрович мне кажется, вы немного... – подала реплику Мальцева.

– Пьяны? – перебил её Святогорский. – Я пьян?! – обратился он к немного перепуганной Елене Александровне. – Я пьян?!! Да вы ещё хирурга не видели! Ха-ха! Не пугайтесь, крошка! Это всего лишь старый анекдот. Не пугайтесь, Елена Александровна. И вы не пугайтесь, дорогая и любимая моя Татьяна Георгиевна. Разве у меня заплетается язык? Да не родилось ещё то шампанское, и близко ещё не вызрело то вино, и водки такой ещё не намешали, чтобы Святогорскому языку заплести! Я просто создаю здоровый психологический климат в нашем разношёрстном коллективе.

– Ну ты бут мне уже будешь давать, Аркадий Петрович?!

– Ксюха, вы из квакеров?¹⁵

– Чё?

– Вы совершенно не признаёте «выканья», как я успел заметить. Потому и сделал вывод, что вы из квакеров. Квакеры – это такие люди... Впрочем, не важно! Как-нибудь потом, Ксюха Егорова. А пока на, пей! – Аркадий Петрович взял со стола один из стаканчиков с шампанским, высыпал туда какой-то белый порошок, и протянул ёмкость роженице.

– Это бут?

– Это, Оксана Егорова, медикаментозный сон. Крепкий. И в вашем случае – продолжительный.

– А чё с шампанским-то намешал?¹⁶

¹⁵ Квакеры – (от англ. quakers, буквально – трясущиеся; первоначально употреблялось в ироническом смысле; самоназвание Society of Friends – общество друзей), члены религиозной христианской общины, основанной в середине семнадцатого века в Англии ремесленником Дж. Фоксом. Квакеры отвергают институт священников и церковные таинства (человек, согласно учению квакеров, может вступать в непосредственный союз с богом и даже с ним быть на «ты»).

¹⁶ Автор спешит уведомить любезного читателя, что ничего подобного в реальности никогда не происходило! Всё здесь описанное – чистейшей воды художественный вымысел! Так же автор предупреждает, что употребление оксибутирата натрия с шампанским может оказаться крайне вредным для лично вашего, читатель, здоровья! Ни в коем случае не повторять!

– С кипячёной водичкой вас, любезная, не возьмёт.
У вас биохимический анамнез не тот.

– Дали бы мне морфину. У вас же есть!

– Нам не нужно, чтобы вам было в кайф. И не потому что мы такие злобные сатрапы и ленимся списывать морфин. Мне и эту грудку белого порошка, что я на вас грохнул – хотя мог для добрых людей прибереечь! – до самого утра списывать. Причём до следующего. Нам нужно, чтобы тебе был не горький кайф, а сладкий сон. ГОМК для этого дела самое оно. Пей, Ксюха, не сомневайся! Просим!

– Весёлые вы ребята! – просипела Егорова. И выпила стаканчик до дна.

– А теперь, дорогая, можешь посидеть немного с нами, если чудесная Елена Александровна, учитель, а не какая-то там конченная пользовательница инъекционных наркотиков, не возражает против такого соседства. Только – чур! – не танцевать! Даже если очень захочется. Впрочем, если меня не подводит мой опыт, то ровно через пять минут вы захотите баиньки. И будете спать сладко-сладко до самого-самого утра. А может быть даже до полудня. Нормальных людей бут вырубают мягко и ненадолго. Но увы, Оксана Егорова, вас сложно назвать нормальной.

– Я не возражаю, пусть сидит. Она же тоже человек! – подала чистый и звонкий голосок Елена Алек-

сандровна.

– Ах вы ж моя ласточка! Можно я вас поцелую?!

И Святогорский действительно поцеловал молоденькую роженицу Елену Александровну. Потом все, кроме Татьяны Георгиевны, выпили шампанского. И даже повторили. А Оксана Егорова действительно очень скоро отправилась спать в свой изолятор. Смена, наконец, вздохнула спокойно. И все тут же поклялись на журнале резервных доноров, что материться не будут больше никогда-никогда! Например, целый месяц. Потому что ну реально же уши у всех завяли!

– Татьяна Георгиевна, а почему вы не пьёте шампанское? – поинтересовался интерн, когда удалось, наконец, спровадить слишком общительного Аркадия Петровича на пятый этаж.

Они сидели на ступеньках приёмного покоя, прижавшись друг к другу и постелив под себя один из синих байковых халатов «для выхода».

– Я от него, Саша, дурею. Дурею окончательно и бесповоротно. Совершенно себя не помню. И уж тем более не помню, что творю. Так что не пытайтесь напоить меня шампанским. Вам же разбираться с последствиями. И уж тем более, никогда не пытайтесь подсыпать мне в шампанское ГОМК – вы можете не сдюжить!

– Отчего же?

– Ах, вы не в курсе! Александр Вячеславович, в главном корпусе, на кафедре анестезиологии и реанимации Святогорский регулярно читает лекции курсантам, повышающим квалификацию. Сходите как-нибудь. Это песнь песней, как Аркадий Петрович рассказывает о ГОМК!

Татьяна Георгиевна вскочила, приняла пафосную позу и, достаточно хорошо пародируя ораторскую манеру Святогорского, произнесла:

– ГОМК, он же оксибутират натрия, он же «бут», он же «буратино», он же «ксюха» – препарат со странной, я бы даже сказал мистической судьбой. С момента его открытия прошло почти полвека. Скончался его папаша, французский исследователь Анри Лабори. Казалось бы – вот она, самостоятельная жизнь! Но! Но до сих пор клиническое применение оксибутирата натрия официально разрешено лишь во Франции, в Италии и на постсоветском пространстве. Являясь в нашей стране абсолютно законным средством из арсенала анестезиологов и intensivистов, ГОМК как анестетик, точнее как гипнотик, тем не менее, всегда отличался выраженной необычностью, нестандартностью, располагаясь особняком в ряду препаратов для наркоза. Ещё в восьмидесятых, желая поглубже разобраться в фармакологии этого препарата, я перебрал около сотни номеров американского журна-

ла «Anesthesiology» и нашел лишь одну маловыразительную статейку о применении оксибутирата, кажется, при зондировании сердца у детей. В британских и канадских журналах я вообще не встретил ни одного упоминания о буте, при том что остальным анестетикам были посвящены десятки и даже сотни публикаций. В толстенном справочнике «Drugs in Anesthetic Practice», составленном известным американским анестезиологом Викарсом, мне встретилась одна-единственная характеристика оксибутирата: «К сожалению, этот отличный препарат недоступен для американских анестезиологов». Причину такого глухого информационного вакуума я понять не мог. Было совершенно ясно, что дело тёмное... Ну и так далее! – она рассмеялась. – Аркадий Петрович действительно очень образованный, очень умный и очень глубокий человек. Про совершенное знание английского и французского языков я даже промолчу. И если он считает, что этой Егоровой надо было выпить ГОМК именно с шампанским – ему я верю. Верю, что она не будет блевать. Верю, что она не возбудится сексуально сверх меры, потому что ГОМК – о да! – отменный афродизиак. Раствормаживающий гипнотик, хо-хо! Это вам не стакан виски.

– Вы сейчас очень красивая, Татьяна Георгиевна, – прервал её интерн.

– А что, обычно, Александр Вячеславович, я не очень красивая?

– Вы всегда очень красивая, – он улыбнулся. – Но когда вы говорите о том, кого действительно любите и уважаете, когда у вас хорошее настроение, когда вы всем довольны, когда вы чуть выпили – вы не просто очень красивая. Вы – потрясающе красивая. Вы светитесь.

– Примерно так, Саша, мне когда-то давно говорил мой покойный муж. Его звали Матвей. Много лет назад он погиб в автокатастрофе... Зачем я говорю всё это какому-то интерну? – Мальцева вздохнула и снова уселась на ступеньку. – Ну, выкурим ещё по одной и пора возвращаться в родильный дом. Чтобы не застудить себе всякие важные органы. Вы не обижайтесь на «какого-то», пожалуйста.

– Я не обижаюсь! – ответил он ей совершенно спокойно и протянул прикуренную сигарету. – Я обязательно пойду послушать лекцию Святогорского о буге. Сейчас мои знания о нём, признаться честно, ограничиваются тем, что этот препарат – гипнотик метаболического действия, что он самый мощный из известных стимуляторов гипофиза и даже однократный его приём сопровождается подъёмом на несколько часов уровня соматотропного гормона в десять-пятнадцать раз. И что он анаболик не только опосредованного,

но и прямого действия. Культуристы и тяжелоатлеты уже давно используют ГОМК в качестве биоактивной пищевой добавки для увеличения уровня этого самого соматотропного гормона. Оксibuтират натрия увеличивает физическую выносливость и аппетит, что также полезно для будущих монстров. Я знаю множество парней, использовавших ГОМК в дополнение к стероидным циклам. Но сам я этим никогда не занимался. Я знал, что нужно есть. И что есть «железо». Этого было достаточно, – он улыбнулся.

– Ух ты! – искренне восхитилась Татьяна Георгиевна. – Я в интернатуре понятия не имела о ГОМК ровным счётом ничего. Да и сейчас я, в принципе, ограничиваюсь знанием необходимым и достаточным. Знаю, что он способствует расширению шейки матки, снижает беспокойство, увеличивает силу и частоту сокращений матки, увеличивает чувствительность миометрии к окситоцину. Он не угнетает дыхание у новорождённых и даже оказывает антигипоксический эффект, особенно при обвитии пуповиной... Ладно, идёмте, Саша. И спасибо вам.

Слава богу, что он не спросил чего-нибудь дурацкого: «За что же спасибо?!» – а просто молча поднялся, подал ей руку, подобрал синий байковый халат «для выхода» и открыл перед ней двери.

– Как Егорова, Вера?

– Спит, как дитя! И даже слюни пускает. Она, Тань, собственно, и есть дитя – ей всего двадцать три года, представляешь? Боже-боже, какой только гадостью люди себя не травят.

– Ладно, Вера Антоновна, давай Елену Александровну на кресло...

Молодая учительница и героиновая наркоманка родили в одно и то же время.

Елена Александровна родила доношенную здоровую розовую девочку, весом 3600, длиной 52 сантиметра, с оценкой по шкале Апгар в 8—10 баллов. Она, в точном соответствии с предсказаниями Святогорского, спустя ровно пять часов после распития шампанского сдалась на эпидуральную анестезию. И даже в потужном периоде вела себя интеллигентно. Дочери Асечке учительница Елена Александровна обрадовалась невероятно.

Оксана Егорова родила недоношенного гипотрофичного синего мальчика, весом 1900, длиной 45 см, с оценкой по шкале Апгар 7—7 баллов. Измучить никого более не успела, потому что проснулась ровно за час до потужного периода. Как она себя вела – лучше не уточнять, помятуя о данной сменой клятве. Посмотрев на безымянного сына, героиновая наркоманка Ксюха горько заплакала.

Святогорский ушёл домой с ночного дежурства не

сразу после пятиминутки. А только после того, как курируемые им в качестве анестезиолога дамы разродились. И вовсе не потому, что ему что-то «светило» от хорошенькой молоденькой учительницы, поступившей по направлению ЖК или же от вконец опустившейся потребительницы инъекционных наркотиков. А потому что с такими людьми, как Аркадий Петрович, не надо света.

Хотя когда они, наконец, добираются до кровати – им все становится совершенно пофиг. Хоть операционную лампу врубайте.

Кадр восемнадцатый

Грязный халат

– Семён Ильич, можно?

Татьяна Георгиевна застыла на пороге кабинета начмеда. Война войной, а работа – по расписанию.

– Входите! – нейтральным тоном позволил заместитель главного врача по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы Семён Ильич Панин. – Присаживайтесь, Татьяна Георгиевна. Что у вас?

Мальцева села на один из «посетительских» стульев, приставленных к громадному столу Панина.

– На пятиминутке я уже доложила, что Валерий Иванович Линьков ушёл с дежурства. Вот обещанные рапорты. Мой, как заведующей отделением. И первой акушерки дежурной смены. Что делать с Линьковым, решать, конечно же, вам, но я бы очень вас просила, Семён Ильич, избавить моё отделение от подобного дежуранта. Это далеко не первый случай. Не говоря уже о том, что Валерию Ивановичу давным-давно пора на заслуженную пенсию.

– Хорошо, я приму ваши докладные к сведению, – холодно ответил Панин, придвигая к себе бумажки.

– Приму к сведению?! – Татьяна Георгиевна вско-
чила. – И это всё? Сёма, уволь его к чёртовой матери!
Отправь на пенсию! Купим ему стиральную маши-
ну в подарок. Может, хоть на закате дней узнает, что
есть такое понятие – «стирка»! Его за сантехника при-
нимают, когда он в своём грязном халате поверх за-
саленного свитера и задрипанных брюк по коридору
идёт или, упаси боже, в палаты заходит! Не хочешь
на пенсию отправлять – выкинь в женскую консуль-
тацию. Там от него вреда будет меньше! Ты чего так
разорялся на пятиминутке? Чтобы мне сейчас свысо-
ка кинуть: «Я приму ваши докладные к сведению»?!
У меня не отделение, а какой-то коллектор для юных
безруких высокомерных выскочек вроде Маковенко,
зарвавшихся «мясников» типа Наезжина и немытых
пенсионеров! Я ведь даже не прошу тебя дать коле-
ном под зад этим двум престарелым особям женского
пола с ожирением головного мозга, что целыми днями
пьют чай у меня на втором этаже, делая вид, что они
врачи. Старшие ординаторы, блин! Целых два стар-
ших ординатора, ха-ха! Ну да, как же ты можешь оби-
деть пожилых бабцов, которым уже самое место ря-
дом с правнуками, а не в отделении обсервации. Они
же – старшие ординаторы, бляха-муха, а не две ста-
рые маразматички! Ни хера вообще не делают, а как
им что-то скажешь – так срочно отрывают свои необъ-

ятные зады от стульев и топают к тебе в кабинет, плакаться. Я не прошу тебя срочно выкинуть этих никчёмных бегемотов. Я даже не выбиваю из тебя стулья, потому что пусть сидят на поломанных, чушки чугуновые! Я пока всего лишь прошу тебя избавить меня от Линькова. Ты в курсе, что к своим достаточно редким нынче пациенткам он заходит с оттопыренным карманом? И в этом оттопыренном кармане грязного халата у него торчит дежурная пачка долларов. Он, дрянь, даже фокус отработал: наклоняется к животу беременной со стетоскопом, типа послушать сердцебиение плода, и в этот самый момент эта дежурная пачка вываливается веером девчонке на кровать. «Ах, извините, милочка! – говорит Линьков, медленно собирая рассыпанные стодолларовые купюры. – Вчера роды принимал, перед вами зашёл проведать, а она вот... Три тысячи». У него даже кличка – Валера Три Тысячи. Это уже вообще за гранью! Избавь меня от него! Потому что сил у меня уже нет никаких!

– Танька, ты такая страстная! – ехидно заметил Панин, благодушно откинувшись в своём шикарном кожаном кресле.

– Что?!

– Слушай, как ты думаешь, Андриевич справится с заведованием обсервационным отделением?

– Что?!

– Тебя заклинило?

– Семён Ильич, вы меня увольняете? – Мальцева села обратно на стул. – Нет, Семён Ильич, не справится Анатолий Витальевич с должностью заведующего обсервационным отделением. У него мания величия. Да и опыта не слишком. Он всё больше у нас функциональный диагност. Сколько он в обсервации работал? Года два, и те сразу после интернатуры? Как свой сертификат с аппаратом получил – привет. Роды он способен только нормальные принимать. Стоя рядом, не отвечивая и не мешая работе акушерки. Кесарево тоже проковыряет, если что. И тоже – неосложнённое. Он довольно-таки средненький врач и никакой организатор. Не справится... Мне сейчас заявление по собственному желанию писать, чтобы ты мне какую-нибудь статью из трудового законодательства не пришил, или как?

– Совсем с ума сошла? Не надейся. Никто тебя не уволит. Просто мне вместо Вовки нужен кто-то, патологией заведовать... Я подумывал тебя поставить...

– Не хочу я в патологию. Скука там смертная.

– Времени свободного больше будет...

– А на что мне, Сёма, свободное время? Куда я его тратить буду? Всё моё время – здесь.

Они ненадолго замолчали. Действительно, патология всё ещё «без головы». О глупо и бессмысленно

погибшем Вовке¹⁷ с похорон и поминок, организованных и оплаченных всё тем же Паниным, больше не вспоминали. Слишком тягостная тема. Все чувствовали некоторую вину. Вроде чесать языками про то, как кто с кем спит, кто с кем разводится и кто за кого замуж выходит, – это как два пальца... Типа: «Привет, Никаноровна! Как там у твоего – нормально висит?» А вот хлопнуть Вовку по плечу: «Ну, как там твоя очередная бурятская задница?» – это было бы как-то слишком. О том, что заведующий отделением патологии беременных – гомосексуалист, знали все. Что в последнее время он предпочитал восточных мужчин, да помоложе – тоже многие были в курсе. Но подобные темы вроде как всё ещё табуированы. Отсюда и чувство вины. Хотя какая тут может быть вина? Каждый сам хозяин своей жизни.

Менты квартиру опечатали до появления каких-нибудь наследников и прочего выяснения обстоятельств. Опросили всех, с кем покойный более-менее общался на работе, на предмет Вовкиных знакомств, да только никто из них ни с кем знаком не был. Кроме самого Вовки. А он уже не расскажет. Судя по тяжёлым вздохам следователя, очередной «висяк». Мало ли их, нераскрытых убийств в этом огромном-огромном городе? А у Вовки – ни родителей, ни детей, ни

¹⁷ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

других родных и близких. И единственное напоминание о нём теперь – то, что отделение патологии беременности осталось без заведующего. Обидно? Скорее страшновато... Вот и с тобой, Мальцева, будет так же! Когда ты сдохнешь по той или иной причине, Панин или следующий начмед будет думать только о том, кем же заменить дыру в заведовании. А больше о тебе никто и никак думать не будет. Не говоря уже о том, чтобы вспоминать. Вот о Варваре Паниной вспоминать будут! Когда она умрёт – огромное стадо родни загрузится в катафалк и в сопровождающие автомобили. И понесётся стадный эскорт на кладбище, стеновая хором: «На кого ж ты нас покинула?!» И обложат Варьку венками «От скорбящего мужа», «От любящих сыновей» – тут, может быть, даже поимённо. «От внуков», «От правнуков» и от какой-нибудь тёти Зины что-нибудь на манер «Навеки в сердце». Оркестр наверняка будет играть Шопена. И на поминках сожрут три ведра щей и двадцать противней пирожков с капустой. И поставят Варьке мраморный – не меньше! – памятник. И каждый год будут нажираться до треска в большой кривизне желудка. И будет под Варькиной фоткой в Сёминой хате всегда гореть свеча. А у тебя, Мальцева, ни хера такого не будет. Похоронят тебя за казённый счёт. После того, как соседи почувствуют в подъезде странный сладковато-гни-

лостный запах. Менты взломают дверь твоей квартиры и наткнутся на весьма неприятное зрелище: в твоём распухшем разлагающемся трупе вовсю будет орудовать энтомофауна¹⁸... Нет, Мальцева, сдыхай на работе. Тогда в гробу ещё будешь на человека похожа...

– Тань! Ты что там в окне увидела? Ау!

– Прости, Сёма. Глупости всякие в голову полезли. Ерунда... В общем, так, если вы не возражаете, Семён Ильич, то я пока, как и прежде, буду заведовать отделением обсервации. С патологией вы сами разбирайтесь. На то вы и начмед. Анатолий Витальевич Андриевич на мало-мальски руководящую должность не подходит. Лучше со стороны кого толкового переманите. Не знаю, на какие уж такие блага... И придумайте, будьте любезны, как избавить вверенное мне отделение от Линькова. Не то в следующий раз рапорт ляжет на стол непосредственно главного врача. С пометкой о том, что его заместитель по акушерству и гинекологии, фактически – главный врач родильного дома, никак не отреагировал на предыдущие многочисленные сигналы.

– Стерва ты, Танька.

¹⁸ В судебно-медицинской экспертизе существует метод расчёта времени нахождения трупа на месте его обнаружения по энтомофауне (попросту говоря – насекомым).

– Пока ещё не стерва. Пока ещё живая. Как ты есть у нас весь такой из себя охотник, то должен знать, что стерва – это слегка подгнившая мертвечина. Вы за мой счёт, Семён Ильич, добреньким хотите к своему Валерию Ивановичу быть, понимаю... За мой счёт вам вообще очень многое удобно. Ни один другой заведующий не стал бы столько терпеть. Но у меня уже край, Сёма, уже край.

Панин немного сдрейфил. Чему край? Вот спроси он её сейчас: «Чему край?» – наверняка выпалит: «Всему, Сёма. Всему!» А он её, слава богу, с первого курса знает, дуру набитую! И потом не сдвинешь. С ней можно всё, что угодно. Что ей угодно. Конкретно ему можно всю жизнь её любить, вожделеть; язвить, ругаться можно... Главное – до края не доводить. Однажды уже довёл. Пошёл, дубина, на принцип. Всю жизнь себе поломал уходом из той дурацкой квартиры, со студенческой вечеринки. Вот надо было ей там, на балконе, обсасываться не пойми с кем? Кто это был, кстати? Какой-то самбист, что ли? Или борец? Навалял он тогда пловцу Панину по самое не балуй. Месяц гематомы зализывал. Вот надо было ей эти поцелуйчики устраивать? А ему надо было это увидеть? И такую зубодробительную принципиальность проявить? И что? Проявил? Счастлив? Обосраться, как счастлив. Нажил с какой-то посторонней особью

противоположного пола, вечно покорной и заботливой до рези в глазах приживалкой, троих детей. И уже даже внучку. А его единственная женщина, Танька Мальцева, если кого и любила выше неба, так только своего Матвея. А и было за что, честно признаться. Матвей бы не стал устраивать шоу под названием: «Ах ты блядь такая!» – увидь он Таньку хоть с тремя мужиками в койке. Матвей сказал бы парням: «Извините, ребята!» – Таньку бы свою из коечки выудил, пощёчин надавал, под душиком холодным намочил, горячего крепкого чайку бы заварил, да потом бы ещё весь вечер в ответ на её покаянные сопли-слюни-слёзы, уговаривал, что сам виноват. Мол, ослабил контроль, дал попасть в скользкую ситуацию и всё такое. А ребят коечных, если бы вежливо и в момент не свалили, одним узлом бы завязал и в контейнер pomocный сгрузил бы. Относился к ней её муж, как к ребёнку. К собственному ребёнку. А собственному ребёнку всегда всё прощаешь. С собственным ребёнком системы взаимозачётов не существует. Собственного ребёнка ты обязан оберегать. Всю их не такую уж и долгую, но и не слишком короткую совместную жизнь относился Матвей к Таньке, как к малому неразумному дитяти. Он же, кретин Панин, не понял, что именно такое к ней отношение – единственный способ быть рядом. Считал, что женщина сама отвечает за свои

поступки. Ну вот чего насчитал – с того сдачу и получил. Каждому по вере его, блин! Вот Варвара – взрослый человек, а не ребёнок! Пальчик в огонь из любопытства не сунет. Конфету из буфета до обеда не стащит. Варвара его никогда не подведёт. Женщина-мать на все сто! Мечта идиота. Памятник ей. Причём ещё при жизни. Безо всякой иронии...

Но теперь-то, теперь! Теперь – и раньше, и все годы после смерти Матвея, и сейчас – Панин готов прощать Таньке всё! Какие там принципы?! Давно издохли все принципы. Принципы – это питательная среда для инфантильных слабаков. Но себе-то, Семён Ильич, себе врать не надо! Матвей не прощал – Матвей принимал. А ты теперь готов прощать всё, что угодно, лишь бы она оставалась в твоей жизни, эта мерзавка! Ты, Сёма, теперь – ха-ха, теперь! – готов ловить любые объедки с барского стола. Холоп ты, Семён. Вот Матвей – тот был барином. До мозга костей в хорошем смысле этого слова барином. Аристократом. Лучшей властью для Таньки Мальцевой. Да к чёрту! Всё, что угодно, лишь бы не край!

– Тань, ты что делаешь на выходные? Я в последнее время вёл себя как свинья. Совсем не уделял тебе внимания. Как-то дел много закрутилось. Командировка, защита эта ещё...

– Внучка, опять же! – съехидничала Татьяна Геор-

гневна. Но тут же изменила тон. – На выходные, Сёма, я иду в театр. – Она горько вздохнула.

– В какой такой театр?

– В Большой такой театр, Семён Ильич. Он открылся после бесконечной реконструкции. Если ты не в курсе. И уже вовсю функционирует.

– И с кем ты идёшь в Большой театр? – вкрадчиво осведомился Панин.

– В Большой такой театр я иду с большим таким мужчиной.

– С пажом своим юным, что ли? Небось и билетики сама купила, да? – сорвался Семён Ильич на совсем лишние сейчас – теперь! – интонации. – Стареющая леди покупает себе сопровождение! Ну-ну!

– Знаешь, Сёма, я очень рада, что мы с тобой когда-то очень давно не стали мужем и женой. Я счастлива, что моя жизнь сложилась именно так и никак иначе. Почти десять лет я была для мужчины богиней. Без метафор, гипербол и прочих «оборотиков». Я была богиней, и даже то, что мужчина этот временно – я искренне в это верю! – пока не со мной, не отменяет этого факта. А кем бы я стала с тобой, Сёма? Варей Паниной?

Татьяна Георгиевна пожала плечами и направилась к двери.

– Таня, постой! Таня, прости ме...

– Семён Ильич, к вам можно? – в дверях нарисовалась главная медсестра больницы. – У меня важные неотложные вопросы. У нас завтра комиссия из КРУ¹⁹.

– Хорошо, Татьяна Георгиевна. Идите, работайте! Я постараюсь решить вопрос с Линьковым.

– Спасибо, Семён Ильич.

Разве можно быть богиней для мужчины, который *постарается* решить вопрос? Ты не старайся, Панин, ты сделай! И никаких подвальных уголков для слёз на сей раз, Татьяна Георгиевна! Тем более что на ловца и зверь бежит. В смысле – прямо навстречу прётся Линьков в своём вечно грязном халате. И прётся, надо заметить, как ни в чём не бывало. Как будто не было утренних разборок и криков на пятиминутке. Шаркает себе незамутнённо, в своей осунувшейся неопрятной седой горбоносости, и даже рот уже открыл:

– А я вас ищу, Татьяна Георгиевна. Старшая сказала, что вы у начмеда. Хорошо, что вы уже вышли. Мне надо девочку госпитализировать, срочно. Подпишите...

¹⁹ КРУ – контрольно-ревизионное управление.

Некогда Валерий Иванович Линьков был дамским угодником. И дамским же любимцем. Хотя в его случае такое сочетание правильнее именовать «сальный сластолюбец». Татьяна Георгиевна отлично помнила, как во времена её собственной интернатуры Валерий Иванович обещал её брать с собой на каждую операцию, если она... каждый раз будет ложиться с ним в постель. Она только посмеялась. Собственно, ничего смешного в этом не было. Ну, кроме того, что Татьяна – тогда ещё не слишком часто Георгиевна – совершенно не могла себя представить в постели с этим невысоким, хмурым, носатым человечком. Кто-нибудь вообще может себе представить, как занимаются любовью невысокие, хмурые, носатые человечки? Помнится, она отшутилась-де, может быть, она и Белоснежка, но гномов, всё-таки, должно быть семь и ни гномом меньше! У них установился относительно добропорядочный вооружённый нейтралитет. Но, судя по всему, Валерий Иванович не оставлял надежд, потому что регулярно приглашал Мальцеву к себе в тогда ещё свой собственный кабинет. То со всеми прочими – выпить в честь его дня рождения. То персонально её – на кофе и поговорить о пациентках. Линь-

ков был уникальным специалистом во всём, что касалось свёртывания крови. Он знал всё о времени кровотечения, о протромбиновом и тромбиновом, опять же таки, временах. Его рассказы о фибриногене можно было слушать бесконечно. А саги о волчаночном антикоагулянте и D-димере были ничуть не хуже поэм об антитромбине III и активированном частичном тромбопластиновом времени.

О том, как свёртывается кровь, как формируются закупорки из тромбоцитов, как творится сгусток крови, как улавливаются фибриновой сетью кровяные клетки и что при этом происходит с биохимией крови, – Линьков мог говорить часами. Стадии гемостаза были его молитвой, и он знал всё об антикоагулянтных препаратах, крови, её компонентах и кровезаменителях. Лучшего специалиста по ДВС-синдрому²⁰ в акушерстве было днём с огнём не сыскать. Аббревиатуру ДВС при Валерии Ивановиче было вообще опасно произносить. Потому что ляпнувший такое, тут же достаивался лекции про образование активного тромбопластина, о переходе протромбина в тромбин и об образовании, разумеется, фибрин-полимера. В таких мельчайших подробностях, каких ни один самый садистский учебник не то что акушерства – фи-

²⁰ ДВС-синдром – синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания.

зиологии и биохимии! – не содержит. Этиология, патогенез, лечение и профилактика разнообразных акушерских кровотечений были его, Валерия Ивановича Линькова, религией. И он готов был рассказывать о её дискурсах всем, желавшим в эту религию обратиться или хотя бы слегка причаститься. Сказать по правде, в этом было определённое очарование. Всегда есть определённое очарование в увлечённости чем бы то ни было. А знание предмета всегда вызывает уважение. Мальцева хотела в старых добрых традициях – всё знать! И потому общества Валерия Ивановича по молодости не бежала. Хотя чисто физически он вызывал у неё чувство брезгливости. Пижама на нём всегда была несвежая. Халат – помятый и затасканный. Тапки, несмотря на гордое звание «моющихся» – всегда были заёрзаны и как-то сразу даже совсем новые – состарены. Если есть люди, способные пагубно влиять на одежду и прочие предметы обихода, – Валерий Иванович Линьков был самым гениальным представителем такого народа. Да что там халаты-тапки и прочие вещи! Были у него способности и пофатальнее...

Жена Валерия Ивановича была ровно на двадцать пять лет его моложе. Женился он довольно-таки немолодым уже человеком на девице, парой курсов старше Мальцевой. Говорят, что прежде она была

яркой брюнеткой с синими глазами и хорошей фигурой. Ей нужна была московская прописка, чтобы зацепиться в городе – мечте всех провинциалов. Ему очень нравился свободный доступ к красивым молоденьким женщинам. А для таких несвежих принцев, как Линьков, молоденькая жена – это весьма практичный и неограниченный доступ. Кому же из рачительных гномов не нравятся бесплатные Белоснежки?! Но Белоснежка Белоснежке рознь. Татьяна Георгиевна, будучи всего на пару лет младше жены Валерия Ивановича, никогда не видела ту яркой брюнеткой с синими глазами и хорошей фигурой. Те пару раз, что она её вообще видела, перед ней предстала опухшая скорбно-блеклая тётя без возраста, без фигуры, с неопределяемого мутного цвета пожухшей радужкой. Скучную тётю-белоснежку звали Викой. Кроме имени о ней было известно лишь то, что она попала в автокатастрофу буквально сразу после замужества. Счастливый женитьбой на молодой девице стареющий потёртый ловелас Линьков купил супруге «Жигули». Вот на них она во что-то там и въехала. Переломала себе руки, ноги, нос. И тазовые кости. После чего долго лечилась. Ещё дольше проходила реабилитацию. И на работу уже не вернулась. Но сильно-сильно захотела ребёнка.

Ребёнка делали долго. Ребёнок, отчего-то, никак не

хотел получаться. Хотя вроде с органами репродукции у обоих всё было в порядке. Проверялись и неоднократно!

И наконец – о чудо! – вышло. Совершенно обесцвечившаяся Вика забеременела. И сразу залегла в постель. Где и пролежала ровно десять лунных месяцев. Буквально – двести восемьдесят дней провела в постели. И пищу принимала лёжа. Вероятно, ощущая себя ни много ни мало – патрицианкой. А может, всего лишь свихнулась на идее иметь ребёнка. Кто знает... Злые языки утверждали, что Валерий Иванович даже судно ей подавал в постель. Врали! Наверное...

В положенный срок её оттранспортировали в родильный дом. Весила она к тому моменту сто двадцать килограммов. В роды её никто не отважился пустить. Вику прокесарили. И случился у неё – да-да! – тот самый ДВС-синдром. Вика неделю болталась на тонкой грани между жизнью и смертью. Валерий Иванович чуть не сошёл с ума. Что не помешало ему, впрочем, зажать однажды ночью молоденькую санитарку в углу на лестничном пролёте между четвёртым и пятым этажами и требовать с неё удовлетворения «вручную».

Когда совершенно побелевшая кожей и отчего-то ставшая какой-то сероволосой Вика пришла в себя настолько, что её можно было выписывать, Валерий

Иванович перевёз её домой. Помог добраться до той самой постели, где она пролежала всю беременность, и сошёл-таки с ума. Поехал головой на своём, извлечённом из Викиного чрева, наследнике.

– Поскрёбыши – они самые любимые! И самые несчастные, – глубоко вздохнув, резюмировала тогда одна из старых мудрых родзальных санитарок.

Валерий Иванович стал своему сыну и папой, и мамой, и нянькой, и кормилицей. Он взял отпуск на год. Само собой, без содержания. Валерий Иванович нанимал своему малышу самых лучших няnek. Чтобы тут же их уволить и нанять самых-самых лучших. Ни одна нянька, что правда, долго не задерживалась. Честно говоря, у любой няньки – даже у самой худшей (из самых лучших) – возникало горячее желание как можно быстрее покинуть семейство Линьковых, как только она переступала порог их, с позволения сказать, квартиры.

Однажды Татьяна Георгиевна побывала в гостях у Валерия Ивановича. Вместе с Паниным. Они втроём были в Минздраве по какому-то вопросу и после Линьков пригласил их к себе на рюмку чаю. Татьяна Георгиевна была тогда старшим ординатором обсервационного отделения, а Панин заведовал физиологическим родильно-операционным блоком. Валерий Иванович жил буквально за углом, в здании, считавшемся чуть

ли не памятником архитектуры. Квартира была огромная, досталась Линькову от родителей. А тем, в свою очередь, от их родителей. Дедушка Валерия Ивановича был каким-то важным ответработником. Только дедушка. Почему родителей не уплотнили – неизвестно. Всё это рассказал им Валерий Иванович, пока они шли к нему чудными московскими переулками.

Почему родителей не уплотнили, стало понятно, как только они зашли к нему в квартиру. Ни один человек в здравом уме и трезвой памяти не желал бы поселиться в этом... В этой... огромной, заваленной дерьмом до потолка ночлежке. Колоссальная энергия и не меньшие средства потребовались бы, чтобы хоть что-то сделать с этим караван-сараяем. В мрачной прихожей с высоченными потолками стоял целый ряд разнокалиберных допотопных вешалок. Ещё парочка была косо-криво прибита к стенам, с которых местами клочьями свисали обои, а местами проглядывали такие историко-археологические слои, в виде дранки и штукатурки, что любой археолог посчитал бы за счастье провести тут длительные раскопки. Казалось, что на этих вешалках висят не только курточки и пиджачки маленького Валеры Линькова, не только пальто его мамы, в котором она ходила ещё до Второй мировой войны, но и плюшевый шушун деревенской няньки самого Валерика, единственного и

слишком горячо любимого внука ответработника. Кожан его деда. И дореволюционный плащ его прабабушки, перешедший по наследству к его бабушке. Количество обуви, валявшейся в огромной прихожей тут и там, не поддавалось даже приблизительному исчислению. Историк моды сошёл бы с ума от счастья. Таких сандалет уже давно не делали. А ботинки образца 1920-х явно были привезены дедушкой из самого городу Парижу, не иначе. Вся обувка была замурзана. Иные образцы навеки окаменели в конгломератах не меньше, чем полувековой грязи. Из других сыпался крымский песок годов эдак семидесятых. Несмотря на зловещую огромность прихожей, ступить было негде. Потому что кроме обуви и одёжи все горизонтальные и вертикальные поверхности были утыканы разнообразными зонтами – большей частью вышедшими из строя, обломками обувных ложек самых невероятных размеров и фасонов, баночками с насмерть засохшим сапожным кремом, мириадами истёртых почти в ноль обувных щёток, несметным количеством связок ключей неизвестно от чего. И всем таким прочим, что у нормальных людей – даже у самых отъявленных засранцев среди нормальных, – захламляет прихожие в несравнимо меньших масштабах. Было пыльно, темно и страшно. Хотя на улице тогда вовсю бушевало майское солнце.

– Свет не включается! Лампочка перегорела, всё никак не заменю! И не разувайтесь, у нас немного не прибрано! Сейчас поставлю чайник! – бодро прокричал Валерий Иванович, ловко прогарцевавший сквозь весь этот хаос на кухню.

– *Немного не прибрано?* – с ужасом прошептала Семёну Ильичу Татьяна Георгиевна. – Что же у него тогда «много»? Мне что-то уже не хочется чаю.

– Ну где же вы?!

Мальцева и Панин прошли на кухню. Однако! По размеру кухня Линькова была, наверное, раза в три больше тогдашней трёхкомнатной квартиры Панина. Но на этой огромной кухне не было ни единого пустого места. В почти неразличимой выси рядами стояли бутылки, покрытые пылью. Пивные, водочные, из-под газировки, из-под вина и шампанского. Бутылки молочные, бутылки из-под кефира и ряженки, уксусные... Многие были с навеки, казалось, позабытыми наклейками. А некоторые – так и вовсе давным-давно сняты с производства.

– Никак не сдам, – объяснил Линьков, поймав взгляд Татьяны Георгиевны.

– Кто сейчас сдаёт бутылки? – одними губами сартикулировала Мальцева Панину, когда Валерий Иванович развернулся к засвистевшему чайнику.

Это был чайник-ветеран. Какого цвета он был при

рождении, мог бы сказать только тот самый археолог. Если бы успел ещё при жизни закончить раскопки в коридоре. Артефакт был сплошь покрыт толстым наростом того, что получается из послойного слёживания сажи, пепла, пыли, сала, брызг и бог знает чего ещё. Это уже даже грязью нельзя было назвать. Это был монолит. Минерал!

– Ай, зараза! – Валерий Иванович обжёгся, снимая с носика чайника свисток. Свисток упал на пол.

На пол Татьяна Георгиевна смотреть побоялась. Достаточно было того, что она намертво к этому самому полу прилипла. Валерий Иванович разыскал убежавший свисток и положил его на подоконник. Точнее, воткнул между пузырьком выветрившегося бриллиантового зелёного и использованными ватными тампонами. Тут же рядом был разлит из неопрятного флакона давно потрескавшийся тональный крем. Валялись ватные палочки, все в чёрных, коричневых и зелёных разводах. Тушь, ушная сера и антисептический раствор в этом доме совершенно мирно соседствовали, не обращая никакого внимания на давно усохший столетник, какие-то камешки, конфетки, заветренный обгрызенный кусочек докторской колбасы, грязную картофелину, всю в ростках, загнивший в банках из-под майонеза лук, выставленный на проращивание и теперь благоухавший своей осклизлостью на всю эту

непомерно огромную кухню, больше похожую на городскую свалку. Описание прочего кухонного интерьера могло бы свести с ума даже бесчувственного санитаря, всю жизнь проработавшего в психушке строгого режима.

– Что же вы стоите, друзья?! Берите из-под стола табуретки и садитесь! – всплеснул ладошками Валерий Иванович.

Татьяна Георгиевна, с усилием оторвала свои изящные туфельки от того, что в палеозое было паркетом. Раздался зловещий треск. На цыпочках она перепрыгнула какие-то препятствия в виде заплесневелых трёхлитровых бутылей, замоченных лет десять назад кастрюль и множества совершенно непонятных чумазных агрегатов вроде мини-элеваторов и села Панину «на ручки». Она тогда только-только приобрела себе роскошную юбку из «мокрого шёлка», на которой, как известно, отлично остаются любые пятна, а некоторые даже ничем не отстирываются. Пусть уж на тутошних тронах Сёма, индеец Смелая Задница, восседает. Впрочем, юбка всё равно пропала. Линьков облил её какой-то мазутного колеру мерзостью, настаивая на том, что это «варенье к чаю».

– Немного коньячку?! – воскликнул Валерий Иванович.

– Да-да! – с готовностью отозвался Панин.

Это был не коньяк, а коньячный спирт, налитый в бутылку из-под чего-то такого, что тоже давно уже было снято с производства. Беседа как-то не очень клеилась. Линьков рассказывал об успехах своего малыша, которому на тот момент было годика три. Он так хвастался, что его мальчик удачно бросил мячик, что создавалось впечатление, что мальчик дебил. Или, что скорее всего, дебил именно его папа. Потому что удачно бросать мячик для мальчика такого возраста – это более чем естественно. Когда Валерий Иванович дошёл до рассказов о невероятной гениальности анализов кала своего единственного отпрыска, Татьяна Георгиевна вежливо, исключительно чтобы сменить тему, спросила:

– А где ваша супруга, Валерий Иванович?

– А она в комнате, Танюша, она в комнате. Отдыхает... Ой, мы что-то засиделись, коллеги. Простите, я как-то не сообразил, который час. Мне надо забрать сыночку из детского садика. Это очень хороший частный детский садик тут, неподалёку. Его держит очень хорошая женщина, там совсем немного деток. В общем, мне его надо забрать. Вика очень устаёт, когда выходит на улицу. Поэтому мне необходимо, простите...

Мальцева с Паниным с радостью выскочили на свежий воздух.

– Свят-свят-свят, что нас в комнаты не пригласили! Я бы рехнулся! – радостно выпалил педант и чистюля Семён Ильич, как только Линьков исчез за поворотом. – Чёрт, ботинки всё ещё липнут к мостовой и на жопе наверняка табуретка отпечатана!

– Подумаешь! У тебя самые обыкновенные брюки! А моя юбка – она необыкновенная! У-у-у! – заняла Мальцева. – Впрочем, ерунда. Рада, что живыми ушли. За любопытство надо платить. Зато снова солнечный свет и всё такое. Интересно, сколько лет Линьков окна не мыл? Лет тридцать, не меньше! Через его стёкла совсем не проникает солнечный свет. Это не стёкла, это какие-то копчёные бычьи пузыри. Боже мой, и это обиталище хирурга!

Кстати, не столько беспредельный мрак и бардак сводили нанимаемых няnek с ума, сколько требования Валерия Ивановича к «стерильности» и прочей режимности по отношению к его малышу. Вот так вот! Воду для ванночки требовалось кипятить. В замызганном тазике родом, похоже, ещё из позапрошлого века. Саму ванночку, устанавливаемую посреди ужасно загаженной огромной ванной комнаты, лет пятьдесят как вопиющей о ремонте, необходимо было ополаскивать дезраствором. Никаких локтей – только градусник! И сильно-розовый раствор марганцовки. Требовалось насыпать кристаллы в мерную ложеч-

ку – с верхом, на одну ванночку! – из мутной литровой склянки, поверх которой был наклеен почти чёрный уже лейкопластырь с затёртой надписью химическим карандашом: «KMnO4». Первая нянька, появившаяся в доме Линькова, узрев годовалого младенца, сказала:

– Ой, какой хорошенький мулатик! Внучёк ваш? Дружба народов, так сказать?

И ту же была уволена. Ну, не разобралась женщина, что ребёнок – вовсе не мулатик, а обыкновенный малыш самой что ни на есть белой расы, просто насквозь продублённый марганцевокислым калием.

Вторая нянька вылетела после того, как посмела не прогладить одежду малыша двенадцати месяцев от роду с двух сторон, а одела вот так вот просто – сняла с бельевой верёвки – и всего делов.

Третья – за то, что не прокипятила бутылочку с соской, а накормила полуторагодовалого дитяню ложкой. А ведь ребёнка, как известно, ничему нельзя обучать насильно! Только сам!

– Да как же он сам догадается, что ложкой сподручнее, если ему не показать? Если ничему не обучать – так он у вас Маугли будет! – возмутилась нянька. И тут же была рассчитана.

Четвёртая была изгнана сразу же, как попыталась приучить двухлетнего мальчика к горшку. Пока па-

па напоследок излагал няньке недопустимость подобного варварства в столь раннем возрасте, сынишка Линькова потопал своими толстыми короткими ножками на кухню, разыскал запрещённую ложку и с удовольствием сожрал этой самой ложкой то, что перед этим наделал в горшок. Любимый папа частенько кричал прикроватной маме про то, что человек должен хоть что-то уметь, иначе сам себя не прокормит! Малыш очень хотел похвастаться папе, что он умеет есть ложкой – это уже что-то! и в случае чего сам себя прокормит. Но, увы, он совершенно не умел говорить. Совсем ничего. Вместо того, чтобы озаботиться чрезмерной молчаливостью отпрыска возраста вполне себе уже осмысленного лопотания, Валерий Иванович рассказывал всем встречным-поперечным, что у него не просто какой-то там обыкновенный ребёнок, коих пруд пруди, а самое что ни на есть дитя-индиго.

– Я вас разочарую – индиго говно ложкой не жрут! – припечатала четвёртая нянька перед тем, как хлопнуть дверью.

Пятая лишилась места после того, как выкинула все обмылки. Не успела сообразить, что в доме Валерия Ивановича ничего и никогда не выбрасывается! Из собираемых обмылков Линьков собирался варить мыло. Когда-нибудь. Поэтому этих самых в пыль засушенных обмылков были у него полные коробки из-под

старых телевизоров. Давно вышедших из строя старых телевизоров. Которые тоже не выбрасывались, а стояли тут же, на балконе. Очень мешая нянькам развешивать штанишки его ненаглядного отпрыска на той самой бельевой верёвке.

Шестая нянька отказалась быть Вике горничной и выполнять её мелкие поручения типа сгонять за докторской колбасой и коньяком в ближайший гастроном.

Седьмая ещё при знакомстве с семейством уточнила, мол, а зачем вам, уважаемые, нянька, если мамаша, как вы говорите, по целым дням дома? На дому работает? Не работает? А что делает? Всюду нос суёт? Не суёт? На кровати лежит? А чего лежит? Сильно устаёт? О нет. С малышами сильно уставших мам дел не буду иметь ни за какие деньги, увольте! До свидания!

И так далее.

В общем, пришлось Валерию Ивановичу крутиться со своим ненаглядным малышом самому. Из-за этого он сильно просел в деньгах. Договорятся, например, с Валерием Ивановичем насчет родов, а рожать начинают – когда? Ну, разумеется, именно тогда, когда ему не с кем оставить пятилетнюю кроху на ночь. Жена? Да, есть жена... Но малыш не уснёт, пока папа ему не прочитает сказку на ночь!

Со временем Валерий Иванович растерял клиенту-

ру. Просился было в гинекологию, в ординаторы. Но сам же первый оттуда и сбежал. Что ординатором в гинекологии заработаешь, кроме гембеля и зарплаты? В дневное время и заведующий прекрасно со всеми пациентками разберётся. Так что пришлось Линькову кое-что достать из сильно запрятанного дедушкиного тайника и начать продавать помаленьку.

– Интересно, этот болван в курсе, что в его захламлённом коридоре на обдрипанной стене сыреет и блекнет подлинник Коровина? – как-то раз спросила у Семёна Ильича Мальцева.

– Правда?! Ух ты! Но... думаю, болван в курсе. Его дедуган, судя по пьяным базарам нашего Валерия Ивановича, неплохо в своё время пограбил награбленного. Линьков как-то брякнул, что у него есть клочок бумажки с рукописным наброском Маяковского. «Где-то на книжных полках валяется». Но Валерий Иванович, моя дорогая, не просто жаден. Он патологически жаден. Жаден до безумия – и это не фигура речи. Он не продаёт ничего такого вроде картины Коровина или наброска Маяковского не потому, что ценит их как раритетные вещи, произведения искусства и тому подобное. Он не продаёт их по той же причине, по которой не может выбросить пустые пыльные бутылки. Которые, разумеется, никуда и никогда не сдаст. Это и есть безумная жадность. Именно это,

а не оголтелое завышение цен на что бы то ни было. Впрочем, он и по-умному жаден до бесстыдства. В прежние времена своим девкам такие ценники за аборты-роды лепил, что у меня волосы дыбом вставали. Оттого в основном, что находились такие, что ему эти бабки шальные несли.

Несмотря ни на что, Панин питал к Линькову что-то вроде благодарности. Когда-то тот очень помог ему с кандидатской диссертацией, касавшейся некоторых аспектов кровотечений в акушерской практике. Кроме того, Валерий Иванович был из тех людей, что бесстыдно играют на чувствах ближних. И даже дальних. Когда Панин его песочил за разнообразные должностные нарушения вроде побега с дежурства, грязного халата или напоминал, что прооперировать и бабки снять – это ещё полдела, женщину надо до выписки довести, Валерий Иванович делал такое несчастное лицо, начинал так слезливо плакаться на больную жену и несчастного бесприютного малыша (четырнадцатилетнего нынче возраста!), что Панину тут же становилось стыдно, и он, слегка пожурив Валерия Ивановича, тут же его отпускал. Даже выговора ни разу не влепил.

– Я вас ищу, Татьяна Георгиевна. Старшая сказала, что вы у начмеда. Хорошо, что вы уже вышли. Мне надо девочку госпитализировать, срочно. Подпишите...

– Валерий Иванович, в отличие от Панина, я совершенно бессовестный и бесстыжий человек! Я ничего вам не подпишу, – ответила Татьяна Георгиевна подошедшему к ней в грязном халате доктору. – «Срочно» – это в вашем исполнении значит – «девочка» не по контракту. А меня за неконтрактных слишком сильно не любит начальство. – Она кивнула головой в сторону кабинета начмеда. – Кроме того, господин Линьков, я отстраняю вас от работы в отделении. И в график дежурств вместо вас ставлю другого врача. Какого-нибудь не слишком кормящего папашу. И поверьте мне, сделаю всё для того, чтобы вас наконец вышибли на пенсию. И молитесь, чтобы вышибли вас туда если не с почётом, то хотя бы более-менее достойно.

– Танечка, девочка! Милая! Как же я буду жить? На что я буду содержать моего малыша и больную жену? – ахнул Линьков.

– Валерий Иванович! Вы эти представления оставьте для Панина. Надеюсь, вы отдаёте себе отчёт

в том, что я вас с вашими концертами в любом случае... – Мальцева хохотнула. – В любом случае перекуую. А вашего «малыша», дорогой Валерий Иванович, от окончательного распада личности может спасти только ваша смерть, уж простите за откровенность. И смерть вашей супруги. У неё ещё пролежней нет? Желая счастливо оставаться, господин Линьков! Привет Коровину. Кстати, то полотно, что гниёт в вашем хлеву, стоит столько, что хватит до конца ваших дней, ещё и на дубовый гроб с парчовой набивкой останется.

Мальцева развернулась и спустилась в подвал, покурить...

Не слишком ли она была с этим несчастным Линьковым жестока? Вот ведь, вроде дерьмо человечешко, но всё-таки... Помнится, как-то давным-давно – она едва интернатуру закончила – запер её этот Валерий Иванович в своём кабинете. Были какие-то посиделки – тогда частенько у него собирались, не только на его дни рождения, а и по любому поводу. Уж очень удобный у доцента Линькова был кабинет – в самом углу отделения патологии беременных. Теперь там люкс для контрактниц. А тогда был кабинет, он же – учебный класс для студентов и интернов, он же – место сборищ по самым разным поводам. Все тогда немного выпили, и сальный Валерий Иванович, то-

гда ещё временами бывавший вполне сносным, почему-то запер Таньку Мальцеву у себя в кабинете. Кажется, она задержалась, чтобы собрать и перемыть тарелки, а он взял и запер... И из-за двери прокричал ей, что будет её тут держать, пока она ему не «даст». Запер, а сам куда-то умёлся. Хорошо, что телефон у него в кабинете был. Она переключила вилку из внутренней розетки в городскую, позвонила Матвею и, смеясь, рассказала, что она тут «пленница тире наложница» в кабинете у Линькова. «Ну, у такого, помнишь? Облезлого гнома, который дока в ДВС-синдроме, я тебе рассказывала!» Матвей, смеясь же, пообещал прибыть и выручить прекрасную наложницу из плена. – «Да ладно, он скоро вернётся!» – «Уверен. Но на всякий случай я лучше приеду. Всё равно уже темно и страшно, бу-бу-бу! Заберу своё неразумное дитя, застрявшее в лапах злого кощея!» – «Да какой он злой, он просто жалкий, несчастный человек. А у меня нет клаустрофобии!» Матвей, понятное дело, выехал. Линьков никак не возвращался. Клаустрофобии-то нет, а вот кофе вкупе с крепкими спиртными напитками обладает совершенно чудовым мочегонным эффектом. Спустя четверть часа Татьяне Георгиевне страшно захотелось по-маленькому. А поскольку кабинет доцента тогда ещё не был палатой люкс, то и санузла в нём не было. Через полчаса Мальце-

ва поняла – всё. Катастрофа. На одной из полок у Валерия Ивановича стоял хрустальный вазон, подаренный кем-то из благодарных пациенток. В общем, пусть пеняет на себя, как говорится! Помнится, в вазон всё не поместилось. Мало того, не поместилось. Именно когда началось переливаться через край, но остановиться было уже никак не возможно, ключ в двери повернулся, и в кабинет вошел хохочущий Матвей, хлопающий по плечу улыбающегося – большая редкость! – доцента Линькова. Вот это была картина маслом, куда там тому Коровину!

– Писай, писай, мармеладочка! – ни на секунду не смутившись, сказал Матвей ласково.

– Простите, Татьяна Георгиевна, старого дурака! – извинился перед ней Линьков, когда она подскочила и суетливо привела себя в порядок, с ужасом обозревая растекающуюся вокруг вазона лужу. – Не беспокойтесь, я сам! Сейчас позову санитарку. Какие вы счастливые, ребята. Я вам очень завидую! Я, Татьяна Георгиевна, тоже хочу любить кого-то так, как вы любите своего мужа. И чтобы меня кто-то любил так, как вы его любите. – И, помолчав, добавил: – Татьяна Георгиевна, а можно я на этом хрустале гравировку сделаю? Что-нибудь вроде: «В этот вазон мочилась самая счастливая женщина на свете!»

«Что ты ему там наговорил?» – немым вопросом

делала она тогда страшные глаза Матвею. Но тот только улыбнулся и сказал Линькову, что санитарки не надо. Сходил в отделение за ведром и шваброй и совершенно спокойно прибрал за ней... Её Матвей, такой мужественный, квинтэссенция всего мужского... Впрочем, никаких противоречий.

Но не слишком ли она сейчас?.. Больше никто и никогда не будет так увлечённо, с таким фанатизмом рассказывать о свёртывающей системе крови, как Валерий Иванович. Не слишком ли она была жестока с этим несчастным Линьковым? Да нет. Никакой он не несчастный. Омерзительный тип. Коллекционер грязи в белом халате. Точнее, некогда бывшим белым.

Кадр девятнадцатый

Продажная девка империализма

На утреннем обходе Татьяна Георгиевна узнала, что родильница, лежащая в изоляторе, *Оксана Николаевна Егорова, 1989 года рождения, роды первые преждевременные в переднем виде затылочного предлежания недоношенным плодом мужского пола весом 1900, длиной 45 см, с оценкой по шкале Апгар 7–7 баллов, общее состояние удовлетворительное, соответствует суткам послеродового периода, абстинентный синдром,* решила отказаться от ребёнка.

– Это... Татьяна Георгиевна. Херово мне, шо весь пиздец. Я сбегу от вас. Мне нужно... Ломает. Я тут всё заблевала, перед обходом. Санитарка только сейчас подтёрла. Уже ночью хотела, да меня ваши пёзды тут сторожили, ментами пугали. Выписывайте на хуй. И это... ребёнка я брать не буду.

Стайка присутствующих на обходе ординаторов, интернов и акушерок сделала скорбные лица.

– Вы чё святые все тут, блин? Вам бы такую жизнь, как у меня!

– Во-первых, прекратите сквернословить! Во-вто-

рых, вы сами выбрали свой путь! – не удержавшись, взвизгнула Светлана Борисовна Маковенко.

– Ты слышь, пизда, этот самый свой прикрой! По тебе ж сразу видно – целка ещё, а всё туда же! Я себе дерьмо колю всякое. А ты гордыней травишься. И что теперь?

– Да что вы... – чуть не взревела побагровевшая, как свекла, Маковенко.

– Прекратите! Обе! – прикрикнула Татьяна Георгиевна. – Егорова, я вам пришлю анестезиолога. И зайду к вам после обхода.

– Чё, того классного чувака, что мне бут с шампунем запырил?! – обрадовалась Оксана.

– Нет, другого. Не менее грамотного. Шампанского больше не будет, но он вам поможет.

– Ой бля, только не метадон!²¹ У меня от метадона отходняк хуже всего.

– Анестезиолог разберётся. Всё, идёмте на второй этаж, – обратилась Мальцева к коллегам. – Вы, Егорова, меня дождитесь.

– Мозги промывать будете? Нечего там у меня промывать, Татьяна Георгиевна! – усмехнулась Оксана и отвернулась к стене.

²¹ Метадон (6– (диметиламино)-4,4-дифенилгептанон-3) – синтетический лекарственный препарат из группы опиоидов, применяемый как анальгетик, а также при лечении наркотической зависимости.

Через полтора часа Мальцева зашла в изолятор.

– Ну, рассказывай, Егорова.

– Чё рассказывать? Нечего рассказывать. И анестезиолог этот ваш жлоб, не то что тот.

– Он не жлоб, Оксана. Он просто моложе Святогорского. Меньше видел, к большому, соответственно, нетерпим. Люди разные, сама тут лекцию моему врачу читала. Так почему от ребёнка отказываешься? То вопила, какой твоему Тохе будет сюрприз, а то на тебе?

– Да уж, вопила. Позвонила я Тохе. Хотела обрадовать. Ну и думала, может, притаранит чего потихому... А он мне: «Чё, окотилась? Теперь топи в ведре!»

– Высокие отношения.

И вдруг бледно-зелёная Оксана Егорова, тощая злобная драная Егорова, похожая на больную старуху, а не на женщину двадцати трёх лет, разрыдалась, как подросток, размазывая костлявыми исколотыми руками слёзы по ссохшемуся истасканному личику:

– Я когда забеременела, аборт сделать хотела-а-а! Он мне: «Чё аборт? Сейчас богатых бездетных знаешь сколько? Толканём за шальные бабки, если пальцев на руках-ногах нормально будет! Они всяких скупают, и даунов, и уродов. А мы чё, мы молодые! У нас дауна не будет! Дауны – они только у старых перцев рождаются. А наркомания и алкоголизм никаких таких

особых уродств не вызывает, если только не с седьмого колена колешься. А у нас родки не кололись». Ну, типа Тохины. Он же из приличной семьи. Это у меня мамаша блядь подзаборная, сама не знает, от кого меня спьяну заимела. Всю жизнь я от неё доброго слова, кроме «выблядок ебучий», не слышала! Она меня с пяти лет на мороз выгоняла, если ей перепихнуться надо было! А в шестнадцать – так и вообще из дому выгнала-а-а-а! А потом повезло, я Тоху встретила-а-а-а!!!

– Да уж, сумасшедшее везение, судя по всему, – тихо сказала Татьяна Георгиевна, протягивая несчастной Егоровой пачку салфеток.

– Так что Тоха говорил, что ребёнок у нас будет нормальный. – Чуть утёршись, продолжила Оксана. – Только это, говорил, будет... Как вот это вот слово-то, а? А-а-а-а!!! – снова начала захлёбываться она.

– Гипотрофичный.

– Да-а-а! Тоха, он у меня умный, не то что я-а-а! Он сказал, что у нас будет здоровый, только маленький и недоно-о-осок! И что мы его толканём прямо в родильном доме-е-е... А теперь вот – «топи в ведре-е-е-е!!!»

– Оксана, немедленно прекратите рыдать!

Мальцева встала и налила из чайника стакан воды.

– Выпейте! Только осторожно. Последние зубы об

стакан не выберите. Успокоились? А теперь меня послушайте. Я вам не буду говорить ничего такого про «вы же мать!», я не буду вам рассказывать, что, бывает, и наркоманы соскакивают. Не буду увещевать и давать адреса центров, где вам могли бы помочь. Ничего этого я делать не буду.

– Потому что я уже конченный человек?

– Да, Оксана. Да. Вы – конченный человек. Вы не выберетесь. Ни без ребёнка, ни тем более с ним. Даже приложи я колоссальные усилия. Я и люди из тех организаций, с которыми у меня есть контакты, – вы всё равно сорвётесь. Даже если вы уйдёте от вашего замечательного Тохи и год не будете сидеть на игле – вы сорвётесь.

– Куда мне от него идти? Мне от него идти некуда. Мамка моя, падла, ещё не сдохла. Столько, сколько она выбухала и перетрахала – так другие уже от цирроза погибают или от сифилиса подыхают. А её ничего не берёт, чисто заколдованная. Да она, тварь, выглядит лучше меня! Я иногда приезжаю, подглядываю за ней... Мне так хотелось, чтобы она меня любила, как я её люблю... Любила. Но эта гадина... Да хуй с ней, Татьяна Георгиевна. Чё я, не понимаю, что вам это всё не надо.

– Да, не надо. От Тохи вам идти некуда. Специальности у вас, я так понимаю, нет?

– Я даже школу не закончила. Ну, то есть восемь классов еле-еле – и всё. И всем было плевать. Мамаша на лоток пристроила – и привет, курите писю.

– Разумеется, плевать. Если вам на себя было плевать, то почему бы другим на вас не плевать?

– Да она же мать...

– Оксана, мы же с вами договорились, что я не буду употреблять конструкций типа «вы же мать!», вот и вы от таких воздержитесь. А то я женщина очень впечатлительная. Как заведусь!

– Издеваетесь, да?

– Нет, Оксана, не издеваюсь. Это называется «горький сарказм».

– Одна хуйня.

– Ну, пусть так. На чём мы остановились? От Тохи вы не уйдёте, потому что некуда. В центрах держат недолго, а потом надо работать, жильё снимать. Доходы лоточницы этого не позволяют...

– А я уже давно и не работаю!

– Тем более. Тем более не сможете работать с грудным ребёнком. Кормить вам его будет нечем – молока у вас нет и не предвидится, а смеси стоят денег. Денег, которых у вас и так не слишком много, а те, что есть, не хочу знать, откуда добывает ваш Тоха, он же и потратит на героин. Ваш «умный» Тоха вас жестоко обманул, сам обманулся и, как следует из его посылы

про ведро, – это понял. Как видите, очередей из богатых усыновителей под роддомами не наблюдается. Сирот в стране паровоз, вагон, состав!.. И маленькая тележка в придачу. Так что предложение сильно превышает спрос... В общем, темна и беспросветна ваша жизнь, Оксана Егорова. И ребёнок вам действительно совершенно ни к чему.

– Не, нормально! Я думала вы мне тут будете им в морду тыкать, на совесть, типа, давить, а вы...

– Я, – перебила Татьяна Георгиевна, – прошу вас, Егорова, только об одном. Я прошу вас дождаться юриста. И подписать соответствующие бумаги. А потом бегите отсюда хоть на все четыре стороны. Никто вас караулить не будет.

– А на чё юриста? Криминал, что ли, какой?

– На то юриста, чтобы отказ от материнских прав был оформлен честь по чести. Тогда у рождённого вами безымянного мальчика будет хоть какой-нибудь мизерный шанс на усыновление.

– А он это... – Егорова подняла на Мальцеву снова наполнившиеся слезами глаза. – Он нормальный? Мой... ну, тот мальчик, которого я родила?

– Кроме абстинентного синдрома, проще говоря – ломки, – у него пока всё в порядке. Он в детской реанимации, в кувете. Седирован.

– Как это у него ломка?! – всхлипнула Егорова. – Он

чѐ, наркоман? Когда он успел-то! Он же только вчера родился.

– Егорова, подозреваю, что ваш «умный» Тоха по сравнению с вами таки Эйнштейн. И что промывать в вашей черепной коробке действительно нечего. Внутритробный плод получает всё, что попадает в кровоток матери.

– Куда попадает?

– В вену! Беременная наркоманка ширнулась – и у плода приход! Так понятней?!

– Во, блин, кайф на шару. Круто!

Татьяна Георгиевна только махнула рукой, встала и подошла к двери:

– Егорова, дождитесь юриста. И ещё нужен ваш паспорт. Звоните вашему Тохе, пусть принесёт. У вас есть паспорт?

– Есть. Валяется где-то. Сейчас ему позвоню... Татьяна Георгиевна, спасибо вам. И тому анестезиологу. Я хоть и конченная, и мозгов у меня нет, но душа-то – она же у каждого есть, да? Ну уж какая есть. От всей души вам спасибо. И доктору тому тоже передайте. И это ещё... Не такая уж я и конченная, как вы тут говорите. Я этого мальчика, что родила, как-то сразу... Полюбила, что ли?

– Нет, не полюбили. Это всего лишь инстинкт, Егорова. Ваша мать вас тоже, наверняка, полюбила, ко-

гда родила. Она же от вас не отказалась в родильном доме. И, видимо, любила. Кормила, одевала. Ну а что на мороз выгоняла, а как вы подросли – так и вовсе из дому, ну так что ж... Любила как умела. От всей, какая уж у неё есть, души.

– Злая вы, Татьяна Георгиевна. Хорошая, но злая.

– Я не злая, Оксана. Я честная.

Мальцева вышла за дверь изолятора и повернула ключ в замке. Ключ отнесла на пост.

– К телефону её только с двумя санитарками подпускать. И чтобы за руки держали. Понятно? А ещё лучше – с Александром Вячеславовичем. Он здоровый. Или даже пусть Александр Вячеславович к ней сам пойдёт в изолятор, с мобильным. И дверь за ними закрывайте.

– Да в ней-то, господи, сорок килограммов вместе с тапками! – хмыкнула акушерка.

– Сейчас её отпустит седация и снова накроет ломка. И в ломке она своими сорока килограммами вместе с тапками вырвется не то что от санитарок, а из железной клетки. Разорвав прутья своими тоненькими синенькими ручками. Никого к ней, кроме меня, не пускать. Через дверь ей крикните, что пока не будет паспорта – не будет анестезиолога. И не будет свободы. И дозы... И так далее. Юрист обещал быть завтра. Сегодня никак. Так что ночка будет весёлая, кре-

питься.

Поздно вечером Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна пили кофе в кабинете у старшей. У них была куча работы, потому что КРУ из главного корпуса переползало в родильный дом. В раскрытую дверь кабинета аккуратно постучала учительница Елена Александровна, родильница, лежащая в порядочной палате благопристойного второго этажа.

– Простите, я вас не отвлекаю? – спросила она тоненьким голосочком.

– Если ничего срочного, то отвлекаешь! – безапелляционно ляпнула Марго в своей обыкновенной манере.

– Нет-нет, ничего срочного, я просто хотела спросить...

– Заходите, Елена Александровна, – ласково пригласила Татьяна Георгиевна. – Садитесь. Если доберётесь до стула. У нас тут немного не прибрано, – коротко хохотнула она.

– Вы что, инвентаризацию проводите? – спросила милая молоденькая учительница, оглядывая разложенные тут и там ящики с медикаментами, инструментами и бельём.

– Вроде того.

– КРУ, что ли?

– О, какая вы грамотная, Елена Александровна!

– А у меня мама всю жизнь проработала старшей медсестрой в гастрохирургии, в главном корпусе. Я всё про это знаю.

– Так ты что, Любови Савельевны дочка? – тут же сменила свой надменно-высокомерный тон Марго. На такой же обыкновенный для неё искренне-дружелюбный. Обыкновенный в том случае, если кто-то оказывался дочкой Любови Савельевны, невесткой Семёна Ильича, соседкой Ивановых, племянником Петровых или просто хорошим человеком.

– Ага. Хотите, я вам помогу?

– Нет! Сиди, ничего не трогай! – испуганно взвилась Марго. – Мы сами. Тут навык нужен. Если ты Любы дочь, то должна знать, что какой-нибудь херни на ампулу меньше – расстрел. Операционного белья на тряпку больше – расстрел с последующим утоплением.

– Знаю, знаю! – рассмеялась Елена Александровна. – Я только спрошу и не буду вам больше мешать. Татьяна Георгиевна, это правда, что та девочка, что рожала со мной... В смысле, в одну смену со мной, но в изоляторе... Это правда, что она от ребёнка отказывается?

– Вы откуда это знаете, Елена Александровна? Это, в общем-то, правда. Но правда из серии материалов с грифом «для служебного пользования». Не «со-

вершенно секретно», разумеется, но тем не менее... В изолятор вам доступа нет, с Егоровой вы не виделись. Так откуда?

Елена Александровна покраснела.

– Я сегодня мобилку уронила, простите, в унитаз. Выловила, конечно, но она не работает. Я пошла в ординаторскую и попросила разрешения позвонить мужу. Чтобы он мне новый телефон привёз, и творог, какой я люблю, и там... Не важно! – сама себя оборвала Елена Александровна. – Мне, конечно же, позволили. И пока я разговаривала по телефону, я невольно подслушала... Я не хотела, но я же, понимаете, учительница... Да и вообще, каждый человек слышит, когда при нём говорят, даже если он сам говорит... – Окончательно разалелась Елена Александровна. – Получается, вроде как я их предаю, но я же не знала, что им нельзя об этом говорить при посторонних. Я не думала, что это информация для служебного пользования. Раз говорят при мне – значит, можно. Или, если они знают, что нельзя, значит, они просто думали, что я, говоря по телефону, их не слышу...

– Эти две «старые калоши», что ли, обсуждали? – оборвала поток путаных излияний Марго.

– Да, Надежда Капитоновна и Зинаида Никитична обсуждали... «Да» я хочу сказать, не в том смысле, что они старые калоши, Маргарита Андреевна, а в

том смысле, что они действительно обсуждали то, что девочка из изолятора отказывается от ребёнка, – таторила молоденькая Елена Александровна, не замечая, что заведующая отделением и старшая акушерка давятся от смеха над этим её «не в том смысле «да». – Они говорили, мол, как так можно, как их только земля носит, волчица своего щенка не выкинет, пока не выкормит, не подрастит, ну и всё такое прочее. Нет-нет, они добрые, хорошие женщины, Надежда Капитоновна и Зинаида Никитична. Просто я ту девочку видела, а они нет. В жизни же всякое случиться может. Всякое и со всяким. Мало ли какие обстоятельства могут быть у человека. Человек же он, всё-таки, не волк...

– Да, к сожалению! – утёрла выступившие от смеха слёзы Маргарита Андреевна. – К сожалению, Леночка, человек именно что всё-таки не волк. И в чём-то «старые калоши» правы. Кроме того, что вслух при родильнице свистели на рабочие темы. То есть нарушали врачебную этику и деонтологию.

– Ох, Марго! – прихлебнула остывший кофе Татьяна Георгиевна. – Не сыпь мне соль на слизистые. Я пока, дай бог, тьфу-тьфу-тьфу, от «грязного халата» избавилась. Но и до этих доберусь.

– До тебя, Тань, как бы раньше не добрались. Будет ещё какая-нибудь Леночка свистеть по телефону,

а две «старые калоши» между собой за чайком будут обсуждать, мол, ай какая нехорошая девочка лежит в палате номер три! И ВИЧ у неё положительный, и гоноккок в посеве густо заколосился. Нам суды нужны?

– Маргарита Андреевна! Я тебя прошу!.. Елена Александровна, так вы что спросить-то хотели?

– Я хотела спросить, Татьяна Георгиевна, а какой он вообще, тот мальчик, от которого отказывается эта... девушка? Я пошла к Владимиру Сергеевичу узнать, а он мне, мол, вы кто, родственница? Если не родственница, то и идите себе к своему малышу.

– Ельский своё дело знает! Хотя и говнюк! – констатировала Марго.

– Почему он... говнюк? – удивлённо посмотрела на Маргариту Андреевну учительница Леночка, взмахнув ресницами. – Все говорят, что он очень хороший доктор.

– Он не просто хороший, он прекрасный доктор, Елена Александровна! – сказала Татьяна Георгиевна, еле сдерживая смешинку.

– Да, доктор прекрасный. Отменный просто. Была бы младенцем – только у него бы лечилась! – подтвердила Марго. – А как человек – полное говно!

– Маргарита Андреевна! Вы сейчас тоже нарушаете эти самые этику с деонтологией! – нарочито строго сказала Мальцева. И обратившись к молоденькой

учительнице, спросила: – Зачем вы интересовались состоянием ребёнка Егоровой, Елена Александровна?

– Потому что я, Татьяна Георгиевна, хочу этого ребёнка усыновить. Мы с мужем хотим. Мы с ним уже всё обсудили. И решили усыновить, даже если он не совсем здоров. Потому что это неправильно, что на свете есть дети, от которых отказались. Я не говорю, что их матери плохие, потому что у каждого свои причины. Я просто говорю, что сироты – это неправильно. И раз я оказалась с ней тогда в родзале одной и той же ночью и даже родили мы в одно и то же время, то, значит, я же не зря там и тогда оказалась.

– Ага, не зря. Ты там оказалась, потому что рожала, дубина! – язвительно прокомментировала восторженную речь учительницы Леночки Маргарита Андреевна.

– Это понятно! – нисколько не обижаясь на «дубину», щебетала Елена Александровна. – Но не только поэтому. Наши судьбы пересеклись, и этот мальчик, он же ни в чём не виноват...

– Сперматозоиды с яйцеклетками вообще вины не имут, – вставила Марго весьма ехидно.

– ...и я вдруг совершенно ясно осознала, что у этого мальчика должны быть родители. И что этими родителями должны быть именно мы! У моей дочери будет

брат. У моего сына будет сестра. И у обоих моих детей будут родители. Потому что никто – никто! – не должен оставаться без любви. И уж тем более без любви не должен оставаться крохотный беззащитный ребёнок. Особенно, если он оказался рядом с тобой! Я очень люблю детей. Пусть их у меня будет сразу двое! – чуть не экстатически завершила Леночка.

– Елена Александровна, у вас, часом, не синдром Иисуса Христа? – скептически уставилась на неё Маргарита Андреевна. – А то и вовсе, тьфу-тьфу-тьфу, послеродовой психоз? Чего вас так любовью накрыло-то? Мама ваша в курсе?

– Так, дамы! Все успокоились. Вы, Елена Александровна, идите пока в палату, ладно? Мы с Маргаритой Андреевной тут закончим, я к вам поднимусь, и мы поговорим. Если будет ещё не слишком поздно.

– Хорошо, Татьяна Георгиевна. Я вас буду ждать. Вы обязательно приходите, даже если поздно. Я твёрдо решила усыновить этого несчастного ребёнка.

Когда Елена Александровна вышла, Маргарита Андреевна только пальцем у виска покрутила. И подружки приступили к ревизии, обмениваясь репликами только по делу. Часа через три, когда всё было посчитано, пересчитано, сверено и перепроверено, Марго сказала Татьяне Георгиевне:

– Я домой. А ты если всё-таки пойдёшь к этой люб-

веобильной дуре с отполированной до блеска аурой и светящейся кармой, расскажи ей историю Бронштейнов. Нашего старого начмеда помнишь? Ты его ещё застала. А я из дому мамаше её позвоню, тоже напомним. Любка эту историю должна знать.

Старого начмеда Татьяна Георгиевна застала. Не так, чтобы очень, но историю, разумеется, знала. И история эта была, конечно, хорошая. То есть в показательном смысле, как раз для такого вот случая, как с этой Леночкой.

* * *

Жили-были не так уж и давно он и она. Муж и жена. Иосиф Бронштейн и Роза Бронштейн. Иосиф Эммануилович был акушером-гинекологом вот в этом самом родильном доме. А Роза Борисовна (хотя по-честному Боруховна) была учительницей русского языка в одной из не самых плохих школ. Никакого особого притеснения по графе «национальность» они не испытывали, несмотря на то что достаточно большая часть их сознательной жизни пришлось на эпоху застоя. Может, просто не задумывались? Черчилль не считал евреев умнее себя²², а Бронштейны не считали русских

²² «У нас антисемитизма нет, потому что мы не считаем евреев умнее себя», – Черчилль.

глупее. В этой части спектра у Бронштейнов всё было нормально.

Иосиф Бронштейн безо всяких препятствий поступил в Первый медицинский институт имени Сеченова. Роза, тогда ещё не Бронштейн, но отнюдь и не Иванова успешно поступила на филологическое отделение педагогического института. Понятно, что школы они окончили с золотыми медалями, а институты – с красными дипломами. Иосиф Эммануилович опять-таки безо всяких проблем получил субординатуру по акушерству и гинекологии. И однажды вечером в метро столкнулся с весьма приятной глазу молодой женщиной. Он и понятия не имел, что она еврейка, потому что Роза была высока, стройна, узкобёдра, и смотрела на неуклюже врезавшегося в неё молодого человека совершенно сионской наружности насмешливыми голубыми глазами из-под светло-русой чёлки так, как умеют смотреть только русские девочки. Иосиф Эммануилович начал горячо приносить пардоны, чувствуя, что со скоростью состава того самого метрополитена влюбляется в эту невыносимо красивую женщину с коротким прямым носиком.

– Роза Станкевич, – представилась девушка и, рассмеявшись удивительно густым золотистым смехом, пригласила его в кино.

Они пробродили по городу до самого рассвета, а

утром отправились к Розиным родителям знакомиться. Потому что Иосиф понял, что другой такой Розы Станкевич на свете просто не существует и если он немедленно не сделает ей предложение, то это незамедлительно сделает кто-нибудь другой. И вообще, непонятно, как это она до сих пор ещё не окольцована. Впрочем, понятно. Она учится на последнем курсе филфака педагогического. Там мужчин дефицит. А ровно через два часа после знакомства и через час после того, как он сделал ей предложение, она сказала:

– Вообще-то я на улице, в метро и прочих трамваях-автобусах не знакоблюсь. Я девушка очень строгих правил.

А ровно за секунду до того, как позвонить в дверь отчего дома, Роза шепнула ему:

– Иосиф, я первый раз не пришла домой ночевать. И это была правда.

Роза и Иосиф поженились и зажили счастливо и безмятежно. Первые пять лет не обращая никакого внимания на то обстоятельство, что половой жизнью они живут более чем регулярно, а дети у них никак не появляются. Не то чтобы они именно сейчас хотели детей, но... Ещё через пять лет Роза Борисовна начала ходить по врачам. Конечно, самый общий диагноз – первичное бесплодие – ей поставил собствен-

ный муж. Который к тому времени стал врачом акушером-гинекологом высшей квалификационной категории. Трубно-перитонеальный фактор он отмёл сам. Гистеросальпингография²³ не выявила ни окклюзии маточных труб, ни внутриматочной патологии. Матка Розы была отлично развита, никаких деформаций, особенностей и пороков развития не наблюдалось. Равно как субмукозных узлов и полипов эндометрия. Никаких признаков спаечного процесса в полости малого таза тоже не обнаружилось. Да и откуда бы? Иосиф Эммануилович был первым и единственным мужчиной в жизни Розы Борисовны. Сама она, будучи очень правильной еврейской девочкой, всегда слушалась маму, не сидела на холодном и в российские морозы надевала тёплые штанишки. Памятуя о своих бурных студенческих годах с их маленькими грешками, Иосиф Эммануилович втихаря от жены обследовался вдоль и поперёк. И наискосок. Он был полностью здоров в смысле мочеполовой сферы и репродукции.

Эндометриоза²⁴ у его жены тоже не обнаружилось.

²³ Гистеросальпингография – контрастное рентгенологическое исследование матки и маточных труб.

²⁴ Эндометриоз – распространённое гинекологическое заболевание, при котором клетки эндометрия (внутреннего слоя стенки матки) разрастаются за пределами этого слоя. Поскольку эндометриодная ткань имеет рецепторы к гормонам, в ней возникают те же изменения, что и в

После длительных походов по самым лучшим эндокринологам выяснилось, что у Розы Борисовны нет синдрома поликистозных яичников; гипотериоза; дисфункции коры надпочечников; яичниковой недостаточности; гипоталамо-гипофизарной дисфункции; гипогонадотропного гипогонадизма (в том числе – обусловленного гиперпролактинемией); гипоталамо-гипофизарной недостаточности²⁵. Секреторная функция желез в организме Розы Борисовны была отлажена идеально. Строение и механика её тела не вызвали сомнений в пригодности Розы Борисовны для зачатия и вынашивания. Оба супруга были здоровы и способны. И ничего у них не получалось. Пачками на приём к Иосифу Эммануиловичу являлись беременные женщины евнухоидного телосложения, с чрезмерно длинными конечностями, скудным оволошением на лобке и в подмышечных впадинах, с гипоплазией молочных желез и половых губ, с уменьшенными размерами матки и яичников. А прекрасная в

нормальном эндометрии, проявляющиеся ежемесячными кровотечениями. Эти небольшие кровотечения приводят к воспалению в окружающих тканях и вызывают основные проявления заболевания: боль, увеличение объема органа, бесплодие. Симптомы эндометриоза зависят от расположения его очагов. Различают генитальный (в пределах половых органов – матки, яичников) и экстрагенитальный (вне половой системы – пупок, кишечник и т. д.) эндометриоз.

²⁵ Перечислены все состояния, могущие быть причиной бесплодия.

своей норме Роза Борисовна была бесплодна. Дня не проходило, чтобы Иосиф Эммануилович не принимал роды у оплывших коротконогих толстушек с повышенным уровнем эстрогенов, андрогенов и лютеинизирующего гормона, с гипоменструальным синдромом в анамнезе, у женщин с ярко выраженным гирсутизмом²⁶, с поздним возрастом менархе и чёрт знает с чем ещё. А его идеально откалиброванная гормонально, прекрасно анатомически и физиологически отлаженная жена, просто-таки созданная для родов, не могла даже забеременеть!

Каждый свой аборт, выполненный просто потому, что пришедшая к нему женщина «залетела», «не хотела детей» или «забеременела поверх спирали», Иосиф Эммануилович оплакивал так, как самим этим женщинам и в самом страшном сне привидеться не могло. Роза Борисовна знала, что если Йося вечером заперся на кухне с бутылкой водки, значит, сегодня был в абортарии. Она даже научилась определять по количеству выпитого, сколько сегодня её муж сделал аборт. И какие они были – до двенадцати недель или в позднем сроке. А если в позднем – то по медицинским или по социальным показаниям. Они даже немного отдалились друг от друга. Частенько Йо-

²⁶ Гирсутизм – чрезмерное оволосение. Свидетельствует, как правило, о гормональных нарушениях.

ся оставался ночевать в больнице или в родильном доме, и тогда Роза Борисовна давала волю слезам. Но ровно настолько, чтобы любимый муж не заметил, что она плакала. Они частенько втихую злились друг на друга, не позволяя себе срываться «по пустякам». Прежде они налюбоваться друг на друга же не могли, а теперь избегали встретиться взглядами даже за завтраком. Раньше они так любили ходить по городу, взявшись за руки, а нынче случайное малейшее прикосновение друг к другу вызывало лишь обоюдное отдёргивание на грани брезгливости. Люди, без умолку болтавшие друг с другом больше десяти лет, теперь обменивались самыми общими фразами типа «ждать тебя к ужину?» («О, слава богу, не ждать!!!»). Вот до чего довела странная, необъяснимая невозможность слияния совершенно здоровой яйцеклетки с абсолютно функционально пригодным сперматозоидом ранее самых счастливых исключительно друг другом людей!

Глухонемое раздражение – это ужасно. Как бы хорошо ни были воспитаны люди, но если они любят друг друга, они просто обязаны время от времени скандалить. И уж точно не реже одного раза в десять лет. Семейный скандал – лучшее средство разрешения конфликтов между любящими. Любое вежливо-холодное «что ты предпочитаешь на завтрак?» гораздо оскорбительнее «да пошёл ты к такой-то ма-

тери!» и просвистевшей мимо уха горячей яичницы, когда существует хотя бы малейшая недовысказанность между любящими друг друга людьми. Любящие не должны поворачиваться друг к другу спинами, когда они ложатся в одну постель. Нет-нет, когда ты не боишься повернуться к человеку спиной – это, разумеется, прекрасно. Но речь идёт не о доверии, а о любви. Если любишь человека по-настоящему, то в случае когда у него кислая мина, а на твои вопросы «что случилось?» он отвечает «да ничего особенного, просто настроение не очень», надо подойти к нему, развернуть его к себе лицом и сказать примерно следующее: «Ёб твою мать! Если бы я хотел (хотела) жить с руммейтом, чтобы квартира дешевле обходилась, я бы никогда не выбрал (не выбрала) тебя. Потому что ты везде разбрасываешь свои прокладки (никогда не опускаешь крышку унитаза). Я живу с тобой под одной крышей по одной-единственной причине – я тебя люблю. И никто из нас не уйдёт из-под этой самой крыши – и гори они огнём, работа и дела! – пока мы не выясним, что тебя тревожит, дура! (засранец!)» И не надо никаких после этого спокойных переговоров, как советуют психологи. Нужна порция здорового двустороннего ора с использованием оборотов вроде: «Да ничего меня не тревожит, отстань!», «А то ты сама (сам) не знаешь?!», «Я не знаю?!», «Да-да, ты!!!» и

тому подобных. Слегка присыпав всё это лёгкими идиомами и немного потолкавши друг друга, надо срочно отправиться в кровать, чтобы вспомнить очевидное – её придумали не только для совместного лежания спинами друг к другу. А уже потом можно сесть и спокойно поговорить. За чаем или за чем покрепче. Вышеприведённая тактика подготовки к стратегическому спокойному разговору делает его максимально эффективным и действительно полезным, потому как собеседники уже вспомнили, что любят друг друга и разговаривать друг с другом они будут не как вымученные мороженые рыбы, а как нормальные тёплые искренние люди. Скандалы, что правда, редко поддаются планированию. И это правильно. Потому что самые прекрасные скандалы случаются спонтанно.

Как-то раз Иосиф Эммануилович Бронштейн явился домой поздно ночью и в жопу пьяный. Не раз и не два он являлся домой поздно ночью или рано утром. И ничего удивительного в этом не было. Таковы уж были особенности выбранной им специальности. Но обычно если задерживался не в день дежурства, то непременно звонил Розе Борисовне предупредить, чтобы она не волновалась. На сей раз он не позвонил. Чего не позволял себе никогда прежде. Даже в самых urgentных ситуациях он кричал санитарке: «Позвоните Розе Борисовне, предупредите, что я задержусь!»

И ещё – он никогда не приходил домой пьяным. Он выпивал дома. Или в гостях, вместе с Розой Борисовной. Но в такую дымину Иосиф Эммануилович никогда не набирался. Он шатался и, судя по состоянию его одежды, даже падал. Роза Борисовна не спала. Она сидела у кухонного окна, закутавшись в шаль, и стеклянными глазами смотрела в ночь. Она уже позвонила на работу и ей ответили, что Иосиф Эммануилович ушёл домой ещё до полуночи. Роза сидела, смотрела в ночь, и всё откладывала дозвон по милициям, больницам и моргам, просто потому что не могла поверить, что с Йосей что-то могло случиться. Она вела мысленные переговоры с богом и чёртом, с кармой и судьбой, не скупясь предлагая в обмен на «с Йосей всё в порядке», своё здоровье, свою руку или ногу, руку и ногу, все руки и ноги, жизнь – «забирайте, зачем мне она, если с ним не всё в порядке!» – и всё смотрела и смотрела в окно. Когда она увидела его, бредущего к подъезду, спотыкающегося и матерящегося в темноту, её окатило изнутри такой горячей (и ледяной) волной – безо всякой литературщины, – действительно горячечно-ледяной волной вздыбившихся и спавших и снова вздыбившихся от головы до пят (и обратно) сосудов, – что она решила, будто её последняя цена принята. Причём в аду. А буквально через мгновение она поняла, что эта волна другого генеза и

что в раю хозяин щедрее и за копейки вроде её жизни не давится – на, бери просто так своего Иосифа. У меня тут этих роз...

Но пока муж добирался до двери квартиры, Роза Борисовна постаралась и пришла в себя – не будь она школьной учительницей, могущей справиться с самым сложным классом! – и не бросилась к Иосифу Эммануиловичу с радостными воплями: «Гнида паскудная, где тебя носило?! У меня даже лобковые волосы поседели!» Не стала его обнимать, целовать, тормошить и плакать, приговаривая что-нибудь гневно-ласковое. О нет! Она справилась с собой и продолжила смотреть в окно стеклянными глазами, выдерживая паузу, за время которой даже самый высокомерный отличник мысленно уже получал годовую двойку по русскому языку и литературе.

Слава всё тому же щедрому богу, что Иосиф Эммануилович повёл себя не как взрослый умный сдержанный интеллигентный человек, а как самый отъявленный семейный скандалист. Сдержи он себя, завались он молча в грязном пальто и чумазных ботинках спать прямо на диван в гостиной, ограничишься он сухим: «Извини!» – и их браку пришёл бы конец. И, что куда хуже окончания брака, – скончалась бы их любовь. Съёжилась бы, пожухла, и безмолвно, кротко померла, истекшая той не известной никому из людей субстанцией,

что не имеет никаких органолептических, физических и химических свойств, но живительней её ничего нет для человека. Чувствуя, что состояние его души терминальнее некуда, Иосиф Эммануилович подошёл к своей жене, схватил её ледяными ладонями за руки, и с ненавистью исторг из себя:

– Сидишь, пизда? Тетрадочки проверила и в окошко смотришь? А я сегодня поздняк делал. Даунше из интерната. Даунше с кушингоидом²⁷. Такие в принципе не могут забеременеть, хоть всем колхозом их сношай! Априори не могут! По определению не могут! Такого не бывает! Беременный даун с синдромом Кушинга – это противоречит законам эндокринологии, акушерства-гинекологии и вообще биологии!!! Но я сегодня делал поздняк даунше с кушингоидом... Она родила прекрасный маленький плодик. Совершенный. Только совсем мёртвый. Потому что лично я, вот этими самыми руками, – Иосиф Эммануилович отпустил жену и принялся с крайним изумлением рассматривать собственные ладони, как делают это младенцы перед тем, как начать «играть ручками». – Вот этими самыми руками я индуцировал его смерть. Бог

²⁷ Синдром гиперкортицизма (синдром Иценко-Кушинга, кушингоид) объединяет группу заболеваний, при которых происходит длительное хроническое воздействие на организм избыточного количества гормонов коры надпочечников, независимо от причины, которая вызвала повышение количества этих гормонов в крови.

наказывает меня за то, что я делаю! У него был какой-то план на ребёнка этой даунши. Разве может не быть у Бога плана, когда он сотворяет Чудо? Неужели же Господь творит чудеса на манер неразумного малыша, случайным способом складывающего кубики? Не-е-ет! – закачал Иосиф Эммануилович хмельной головой. – На этого ребёнка у Бога был какой-то серьёзный план. Возможно, это был новый Мессия! А я – ррраз! – дёрнулся он всем телом. – И раствором из шприца, введённым в плодный пузырь, уничтожил и Чудо, и Мессию, и планы Бога. – Иосиф Эммануилович упал на колени перед своей женой и зарыдал.

Неизвестно, что наконец разморозило Розу Борисовну. То, что она впервые услышала от своего мужа матерное слово? Да ещё сразу в свой адрес? Или то, что он пьяный, грязный и рыдает, сидя на полу? И сердце его полно глупых ужасов? Не важно. Важно то, что она погладила своего любимого мужа по голове и нормальным, не «учительским», а теплокровным человеческим голосом, тем самым её настоящим голосом, которым когда в метро она назвала ему своё имя, Роза сказала ему:

– Йося, любимый, Бога нет! Есть только ты и я.

И тоже сползла с табуретки на пол, обняла его и разрыдалась. А потом они весь остаток ночи любили друг друга, не думая ни о чём. А после лежали обняв-

шись и шептали друг другу нежные глупости, а утром пили на кухне чай и болтали, болтали... И уже больше никогда в их жизнь не вернулось ни отчуждение, ни холодная вежливость, ничего из того, что убивает любовь. Они всю свою жизнь были близки, искренни и любили друг друга.

Когда Роза Борисовна умерла, Иосиф Эммануилович очень горевал. Но всё равно был счастлив. Счастлив тем, что она была в его жизни. И тем, что она не дожила до того времени, когда их дочь превратилась в самую обыкновенную дешёвую шлюху. Точнее – сначала в дешёвую шлюху, а потом – в дорогую проститутку.

Да, их дочь. Их дочь родилась, когда Розе Борисовне было слегка за сорок, а Иосифу Эммануиловичу без малого пятьдесят.

О, нет-нет, не потому что к тому времени наконец открыли, что первичное идиопатическое бесплодие является иногда бесплодием иммунологическим и связано с антигенными свойствами спермы, против которой в организме женщины возникает иммунный ответ. В очень редких организмах очень редких женщин. И не потому, что наступила эра экстракорпорального оплодотворения – до этого было ещё далеко. Не так далеко, как до разведения суррогатных матерей на репродуктивных фермах, но тоже ещё не

близко.

Их дочь была зачата самым обыкновенным способом и родилась через то самое место, через которое от сотворения мира повелось. Родилась в собственные руки Иосифа Эммануиловича, потому что обе родзальные акушерки были заняты. Совершенно чумовая была ночь! Он даже перчатки не успел надеть. Только что поступившей девчонкой совершенно некому было заниматься, потому что даже санитарки были в мыле. Она лежала на каталке в коридоре родзала и на её вопль: «Ой, я сейчас обосрусь!!!» – Иосиф Эммануилович вылетел из родзала и успел поймать новорождённого женского пола. Вес – 3600, длина – 52 сантиметра. Очень здоровую и красивую девочку. В которую немедленно влюбился. Как не влюбиться в такой совершенный биологический образчик?! Пятнадцатилетняя мамаша от ребёнка отказалась. Бабушка – мать новоявленной мамы – удочерить не пожелала. Винить её за это было сложно. Это была одинокая, рано состарившаяся календарно молодая ещё женщина, работавшая техничкой в школе, восемь классов которой недавно окончила её дочь.

– Мне одной-то «прости господи» по самое горло хватает, устала я страшно! Она с тринадцати лет, доктор, этим самым в полный рост занимается. В папашу она своего такая уродилась. Тот ни одной юбки не

пропускал, вообще ни одной, ни старой, ни молодой, ни красивой, ни кривой. Не важно ему было, лишь бы это дело... Бросил меня, когда дочери два годика было. А я, вот, не уследила за ней. Если бы вы знали, доктор, какой она была красивой и хорошенькой маленькой девочкой! Ну ангел, не иначе! Волосики – чистый лён. Глазищи огромные, голубые, носик, губки, щёчки – куколка, а не ребёнок! Папаша-то, блядун, красавец был писанный. Я-то, дура, думала любит, раз на мне, такой страшненькой, женился, а потом оказалось, что ему всё равно какая у дырки морда. Он мне первый раз прямо на свадьбе изменил, да ни с кем-нибудь, а со свидетельницей, моей лучшей тогдашней подружкой. – Женщина всхлипнула, утёрла глаза и продолжила: – А доченька моя ласковая какая была – хоть к ране прикладывай. Уж так меня обнимала-целовала-любила. «Мамочка, ты устала? Давай я тебе ножки поглажу!» Посуду любила мыть, такая хозяйшюшка была, лет в шесть нашла на полке набор открыток «Сто блюд из картошки». Знаете, такие наборы открыток выпускали, с одной стороны картинка красивая, на тарелке всё как в ресторане выложено, а с другой стороны – рецепт? Так она из простой картошки такие кренделя научилась делать, что ой!.. В восемь лет такую штуку купила, спиральки из картошки выкручивать. Я ей: «А куда же всю остальную картошку?

«Это же только продукт переводить, накладно!» А она, птичка моя, смеётся, говорит: «Ничего и не переводить, мамочка! Из остальной картошки – пюре!» Золото была, а не ребёнок. Уж я нарадоваться не могла... А в тринадцать ну чисто с цепи сорвалась! Я уже и так, я и сяк. И уговорами, и скандалами – ничего не помогало. Учиться не хочет. Хочет тряпок красивых и мальчиков. Всё. А где я ей тех тряпок красивых возьму? И на какие шиши? «Я, – говорит мне, – так, как ты, жить не буду! Я красивая, меня мужчины любят, я буду с них деньги брать, и всё себе на это покупать! И я буду богатая!» Обогатилась, ничего не скажешь... Я же, если б знала вовремя, что она беременная – на аборт бы потащила. Да я ещё в трёх местах прибираюсь, а этой дома никогда нет. Так что когда заметила, было уже слишком поздно... – тяжело и горько вздохнула она в ответ на увещевания Иосифа Эммануиловича. – С неё как с гуся вода, сами видите. Не смогу я в «дочки-матери» по новой играть, сил уж нет, извините меня, доктор...

Вместо того чтобы с осуждением смотреть в её сгорбленную спину, Иосиф Эммануилович еле дождался, чтобы она вышла, наконец, из кабинета – того самого, законным владельцем которого сейчас являлся Панин, – и сплясал лезгинку, радостно сверкая глазами при каждом яростно-залихватском повороте

головы.

В этот же вечер он пригласил жену в «Прагу», благо для него здесь всегда были места, потому что дочь директора ресторана рожала не у кого-нибудь, а именно у доктора И. Э. Бронштейна. И сразу после десерта рассказал ей о своих планах на отказную девочку.

– Йося, может быть, если Бог не дал нам детей, то так и надо?

– Одна очень красивая, очень умная женщина, которую я люблю, как-то сказала мне, что Бога нет. Кроме того, когда ты увидишь это чудо, то сразу в неё влюбишься!

Разумеется, Роза Борисовна согласилась! Она сама страстно этого хотела, если честно. А уж когда она увидела канонически прекрасного пупса вроде тех, что сейчас отбирают для рекламы детской одежды, в казённых больничных пелёнках, её сердце затопила такая щемящая жалость к этому крохотному беззащитному созданию, что на принятие ею окончательного решения ушло секунды три. Во время которых она представила себе, что ждёт эту малышку, брошенную и родной матерью, и родной бабкой, в доме ребёнка, а потом и в детском доме... Она тряхнула головой, отгоняя видение. И, стараясь не сорваться на рыдания, сказала только одно слово:

– Удочеряем!

Детство Лизочки Бронштейн было воистину прекрасным! Родители её просто обожали. И она обожала родителей. У Лизочки были льняные волосы и огромные голубые глаза. Она так мило и серьёзно прижимала свой крохотный кукольный пальчик к пухлым розовым губкам и говорила: «Папочка, тсс! Мамочка прилегла отдохнуть и уснула», что у Иосифа Эммануиловича от счастья начинало предательски щипать в носу. Когда они с наряженной как будто из каталогов «Некерманн» Лизочкой прогуливались по Красной площади или ГУМу, на его Розу и Лизу восхищённо оглядывались. «Боже, какая красавица! Вся в маму!» – частенько слышали они в своём новом дворе – разумеется, они разменяли прежнюю квартиру. У Лизочки было всё самое лучшее. Иосиф Эммануилович хорошо зарабатывал, а за деньги можно позволить себе многое. И не только тряпки и вкусную еду. А и, например, учителя английского и учителя французского, приходящих на дом. Учителя музыки. Бальные танцы. Математика немного хромает? Репетитора немедленно! Лизочка училась не в маминой – не самой худшей – школе. Лизочка училась в самой лучшей школе. Всё, чего Лизочкина душа пожелает. Родители боготворили её. Она боготворила родителей. Каждый раз, бреясь и чистя зубы, Иосиф Эммануилович про себя благодарил того, которого нет, за всё, что

у него есть.

А в тринадцать лет Лизочка первый раз не пришла ночевать домой.

В три часа ночи Розу Борисовну увезла «Скорая». Сразу после того как они обзвонили всех известных им школьных подруг, милицию, больницы и морги, у Розы Борисовны страшно заныла левая рука и резко стало не хватать воздуха. «Скорая» Иосифу Эммануиловичу нужна была только для того, чтобы побыстрее доставить жену в кардиологию собственной больницы. Всё, что могло экстренно снизить потребность сбесившегося миокарда в кислороде, почему-то обнаружилось в собственной аптечке в огромных количествах. Иосиф Эммануилович и понятия не имел, что у жены какие-то проблемы с сердцем. Он давным-давно не заглядывал в плетёную корзинку, где у них хранились лекарства. У него ничего не болело. И он не ожидал, что у его никогда ни на что не жаловавшейся Розы, инфаркт будет настолько обширным.

Он сходил с ума из-за жены. И ничуть не меньше — из-за дочери. Что делать, он не знал. Но поскольку Роза Борисовна была всё-таки под присмотром, он отправился в районное отделение милиции писать заявление о пропаже ребёнка.

— Может, подождёте? — устало спросил его здоровенный дядька с капитанскими погонами. — Это у под-

ростков частенько бывает. Мы всех на уши ставим, а они, подлецы, нашлются и домой заявляются через сутки-двое.

Иосиф Эммануилович орал на мента так, что сорвал себе голосовые связки. Тот, переждав бурю со спокойствием сфинкса, взял Лизочкину фотографию, достал из ящика стола бумагу и ручку и, вздохнув, сказал:

– Рассказывайте. Возраст, особые приметы, номер школы, адреса-телефоны-фамилии всех друзей-друг...

После милиции Иосиф Эммануилович вернулся в больницу, к Розе. У дверей интенсивной терапии отделения кардиологии его встретил молодой врач.

– Иосиф Эммануилович, здравствуйте! Как хорошо, что я на вас наткнулся. Вас просил зайти заведующий.

– Посмотрю на жену и зайду к заведующему, – просипел Бронштейн, пытаясь отодвинуть ординатора от двери.

– Он вас очень срочно просил зайти. Как только вы появитесь... – Он запнулся.

– Отойдите от двери! – прохрипел Иосиф Эммануилович, уже зная, что произошло страшное... Неправимое. А его даже не было рядом. – Отойдите от двери! – Он за грудки схватил ни в чём не повинного молодого врача, два часа торчавшего у дверей интен-

сивной палаты по распоряжению заведующего, чтобы Бронштейн не увидел, что там, на функциональной кровати, за занавесочкой, отделяющей её от остальных тяжёлых пациентов, лежит Роза... Тело Розы. Не поднялась у заведующего рука перевезти Розу в мертвецкую, пока Иосиф с ней не попрощается. – Отойдите от двери! – повторил Иосиф Эммануилович – и весь как-то сразу съёжился, пожух и, прорывав: «Охуенное у тебя чувство юмора, Тот, Которого Нет!» – упал на пол.

Иосиф Эммануилович матерился второй и последний раз в жизни.

– Медсестра! – испуганно закричал молоденький ординатор кардиологии, наклоняясь к Иосифу Эммануиловичу. Пульс есть. Хорошего наполнения и напряжения. Разве что тахикардия...

В себя пришёл уже немножко не тот Иосиф Эммануилович, а какой-то другой. Он поговорил с заведующим кардиологией. «Конечно, я понимаю, что вы сделали всё, что могли. Это я, к сожалению, не сделал даже необходимого. Я не знал, что у неё проблемы с сердцем... Вскрытие необходимо? Хорошо. Вещи? Да, я заберу её вещи... Нет, спасибо, я в порядке».

Уже поздним вечером подойдя к дому и увидев свет в кухонном окне, Иосиф Эммануилович понял, что с дочерью тоже всё в порядке. Ну, в каком смысле в по-

рядке... В том самом, обыкновенном, обывательском. Лизавету не изнасиловал и не порезал на куски сексуальный маньяк. Её не сбил скрывшийся с места ДТП грузовик. Его дочери на голову не свалился фрагмент балкона с аварийного здания. Ничего такого... Всё в порядке. Это он уже знал ровно тогда, когда понял, что Роза – уже не Роза, а только тело Розы. Знал, что с Лизочкой Бронштейн всё в порядке. И ещё знал – знал окончательно и бесповоротно, – что бога нет, а генетика – есть.

Он открыл дверь своим ключом.

– Привет, папочка! – красивой птичкой подлетела к нему изящная красавица Лизочка и обвила его шею руками. – Папочка, я знаю, что я свинья! Ты извини, но так вышло, что я осталась ночевать у подружки, а у неё сломался телефон, и я...

– Ничего страшного, – перебил он совершенно спокойно. – Привет, детка. – Он поцеловал дочь в щёку и высвободился из её объятий.

– Ты простудился, папочка? – обеспокоенно прощепетала Лизочка.

– Нет, родная. Я немного охрип.

– А где мамочка? У неё большой педсовет? Почему её так поздно нет дома? Я приготовила вкусный ужин, и прибрала, и перемыла всю посуду...

– Мамочка умерла, Лизочка, – спокойно сказал

Иосиф Эммануилович. – Извини, я не буду ужинать. У меня аппетита нет.

И он молча прошёл в спальню, чтобы не видеть, как по лицу его дочери струятся слёзы. Вполне искренние слёзы. Она очень любила мамочку. Просто она не знала, что у мамочки больное сердце. Если бы Лизочка знала, что у мамочки больное сердце, она бы никогда не осталась ночевать... у подруги. Наверное.

Утром Иосиф Эммануилович пошёл в районное отделение милиции забрать заявление.

– Нашлась? – добродушно спросил его здоровенный дядька с капитанскими погонами.

– Нашлась.

– Ну вот и слава богу! По жопе всыпали, чтоб неподвадно было?

– Всыпали.

– Вот и хорошо. Всего вам доброго, гражданин Бронштейн.

Мент даже не сказал ничего такого, типа «я же говорил!»

– И вам, – сказал Иосиф Эммануилович менту и отправился забирать тело, организовывать похороны, на следующий день после которых вышел на работу. Главный врач предложил взять отпуск, но Иосиф Эммануилович так на него глянул, что главный тут же забрал своё предложение обратно.

Этим Иосиф Эммануилович с тех пор и жил – работой. С Лизочкой они пересекались редко. Но в доме всегда было чисто, и его всегда ждали записки: «Папочка, борщ и овощное рагу в холодильнике. Подогрей, пожалуйста! Не смей есть холодное!» Или: «Папочка, не волнуйся, меня на выходные не будет. Мы с девочками едем к одной из них на дачу, на пикник. С нами будут взрослые, не переживай!»

Он не переживал. Он – доживал.

Он даже дожил до взрослого откровенного разговора с дочерью. Ей было, кажется, уже двадцать три. Самая лучшая школа сменилась самым лучшим университетом. Факультетом иностранных языков. Из маленькой дешёвой шлюшки Лизочка выросла в дорогую валютную проститутку. На взрослый и откровенный разговор дочь его вызвала сама. В один из редких дней они пересеклись в квартире, и она сказала ему:

– Папочка, сядем и спокойно поговорим.

Папочка сел. Он был готов спокойно говорить. О чём угодно.

– Папочка, я такая, какая я есть. Ты же не дурак, папочка. И не слепой. Ты прекрасно понимаешь, чем я занимаюсь в свободное от работы в «Интуристе» время. Прекрасно понимаешь, что я не на зарплату гида-переводчика покупаю себе норковые манто, бриллиантовые серьги и всё такое прочее. Но я, папочка,

такая, какая я есть. Я, папочка, не от безысходности этим занимаюсь. Просто мои желания и мой талант совпадают с... – Лизочка запнулась. – С выбранной работой. Ты сам мне, папочка, говорил в детстве, что это очень важно – выбор пути. И что путь надо выбирать, не ориентируясь на моду или престиж. Надо прислушиваться к своему сердцу и надо понимать, чего ты на самом деле хочешь. И только тогда можно добиться успеха. Я, папочка, предохраняюсь, и всегда предохранялась от нежелательной беременности и венерических заболеваний. Всё-таки я дочь врача. Я, папочка, даже замуж за иностранца, в отличие от основной массы моих... коллег, – Лизочка тщательно подбирала слова, – не хочу. Потому что мужу надо быть верной, а я просто не способна быть верной. Я тебе это всё говорю, потому что в детстве, когда ты часто, много и подолгу разговаривал со мной, ты говорил ещё и то, что человек должен быть честным. И ты всегда был со мной честным. Ты очень отдалился от меня после смерти мамочки. Но поверь мне, если бы я могла это хоть как-то изменить... Это навсегда со мной, папочка. Поверь, это достаточное наказание – жить с осознанием того, что ты убийца... Вот. Я давно хотела тебе всё это сказать. Я не знаю, в кого я такая. Я знаю, что вы с мамочкой – самые хорошие, самые чистые, самые честные люди на свете. А я... такая,

какая я есть. Меня такой создал бог. Или дьявол. Или кто там ещё есть... Так что я просто хотела сказать тебе всё это и ещё что... что я очень люблю тебя, папочка!

– Лизочка, а ты знаешь... – начал, было, Иосиф Эммануилович, но замолчал.

– Что я знаю, папочка? – Вся встрепенулась ему навстречу Лизочка Бронштейн. Из её прекрасных глаз ручьём лились слёзы. Привычно-беззвучные искренние безутешные слёзы.

– Что я тоже люблю тебя, дочка, – ответил Иосиф Эммануилович.

Он встал из-за стола и ушёл. На работу.

Он ещё долго работал. Лизочка пропадала, появлялась, снова пропадала... А когда он тихо умер у себя в кабинете, её долго не могли разыскать, и Иосифа Эммануиловича Бронштейна похоронил родильный дом. Где он последние двадцать пять лет был бессменным начмедом. Он был начмедом до семидесяти с небольшим – это беспрецедентно! Он был могучим стариком, в твёрдом уме и ясной памяти. Почему он умер – патологоанатомы не поняли. Миокард был чист. Сосуды проходимы. В заключении не напишешь: «От старости». Какая тут старость, если он за пять часов до смерти стоял у операционного стола? И только одна старая санитарка, приняв лишку на грудь на помин-

ках, всплеснула руками и воскликнула:

– Слушайте! А ведь он умер в день рождения Розы Борисовны! Ну чисто подарок ей сделал! Вот ведь, шельма наш Йося!

Лизочка Бронштейн очень горевала. Теперь она жила с двойным грузом. Она не только убила свою мамочку. Она ещё и не похоронила папочку. Сейчас у неё небольшой домик на Лазурном Берегу и парочка ресторанов в Европе. На её каминной полке стоит всего две фотографии – мамочки и папочки. Когда Лиза дома, она зажигает под фотографиями свечи. У неё нет детей. Ей вполне хватает молодых, постоянно сменяющихся любовников. Лизочка очень любит мыть посуду. Её домохозяйка страшно ругается из-за этого. На французском языке. Каждый год в день рождения мамочки Елизавета Иосифовна прилетает в Москву. Одна. Убирает на могилах родителей и башляет кладбищенским работникам, чтобы следили...

– Это ваша мама? – однажды спросил её мужчина, принесший цветы на одну из соседних могил.

– Да, – коротко ответила Лизочка.

– Это сразу видно. Вы очень похожи! – кивнул он на фото в овале.

– К сожалению, природа решила ограничиться только внешним моим сходством с мамочкой! – горько усмехнувшись, сказала Лизочка Бронштейн.

О том, что её родители не являлись её биологическими родителями, Елизавета Иосифовна Бронштейн так никогда и не узнала.

* * *

Поднимаясь на второй этаж, Татьяна Георгиевна думала, что, пожалуй, не стоит рассказывать Елене Александровне историю Бронштейнов. И дело даже не в этике и деонтологии, потому что многие эту историю помнят. Что правда, из документального факта она давно уже превратилась именно что в историю. В прямом смысле слова – в байку, рассказываемую за столом между третьей и пятой рюмками. Что она скажет этой учительнице, решившей усыновить ребёнка, рождённого двумя наркоманами? Жили-были хорошие обеспеченные интеллигентные евреи. Они удочерили девочку, рождённую малолетней русской поблядушкой. Ну а потом они умерли, а дочурка, ударно трудясь на ниве сексуальных утех, скопила себе первоначальный капитал, удачно им распорядилась и теперь за деньги трахается редко, всё больше для удовольствия. Такого хорошего вплоть до восторженной дурости человека, как молоденькая учительница, этой фигнёй не проймёшь! Ответит: «Вот! Зато у этой девочки теперь всё есть! А если бы они её не удо-

черили, то она бы начала половую жизнь ещё в детском доме за стакан красного! И умерла бы от сифилиса или СПИДа!» Не будет она ей это рассказывать, пусть о Бронштейнах Маргоша с Любой по телефону поплачут. Они хоть и средний медперсонал, но в иных жизненных историях больше понимают, чем девицы с высшим образованием, с особой жестокостью наносящие невинным деткам школьного возраста слишком доброе и чересчур светлое прямо по неокрепшим умам. И контрольный – основами православия в съезжающиеся душонки. С этой Еленой Александровной надо что-нибудь эдакое. В лоб. Фактическое. Показательное. Как дидактические карточки для младших классов вспомогательных школ. Два румяных яблочка, крестик, три румяных яблочка, две короткие поперечные палочки и горбатая закорючка с точкой внизу. Сколько на картинке яблочек? «На картинке пять румяных яблочек, какой-то крестик, какие-то две короткие поперечные палочки и какая-то горбатая закорючка с точкой внизу». Молодец, Еленочка Александровна, садись, пять!

Точно!

Татьяна Георгиевна, почти дошедшая до дверей палаты, резко развернулась и стремительно понеслась на первый этаж.

– Марго, как хорошо, что ты ещё не ушла! – радост-

но крикнула она подруге, уже стоящей в дублёнке на пороге своего кабинета.

– Что опять? Я домой. Светка где-то шляется, мне пса надо выгулять!

– Не-не, ничего такого. Сейчас пойдёшь. Где тут у тебя модель молекулы ДНК? Сегодня тут видела, когда мы с тобой наше отделенческое майно пересчитывали. На этой полке стояла!

– Это разноцветная херня из пластмассовых шариков?

– Она!

– Я её в нижний ящик запихнула. Кстати, откуда она у нас, не помнишь? А то ещё КРУ посчитает за взятку.

– Ну, до такого маразма они не... – Татьяна Георгиевна вспомнила, до каких маразмов доходит порой КРУ, и рассмеялась. – Нам её представители фарм-фирмы подарили. Давай её сюда. Пылилась, пылилась, да вот и пригодилась! Я её этой Елене Александровне подарю. Типа сувенир от родильного дома.

Маргарита Андреевна достала из одного из нижних ящиков своей здоровенной «стенки» четырёхцветную спираль на подставочке.

– На, держи! Кстати, это мысль! Завтра с утра всем родильницам остальную херню от медицинских коммивояжёров раздарю. Выкинуть рука не поднимается. Как подумаю, что всё это денег стоит, что кто-то это

всё делал... Давай, до завтра!

Татьяна Георгиевна, тихонько постучав, приоткрыла двери палаты.

– Заходите, заходите, Татьяна Георгиевна! – приветливо зачастила хорошенькая тоненькая Елена Александровна. – Я не сплю, а Асечка – как в танке, тьфу-тьфу-тьфу! – она подошла к кровати и ласково посмотрела на красивого здорового младенца, сопящего во сне. – Я, Татьяна Георгиевна, часто её щупаю. Она поест и спит, а я пальчиком за щёчку её потрогаю – скривится во сне, закричит... «Слава богу, живая!» – думаю, а сама счастлива-счастлива! Она даже покакает во сне – и дальше спит. Я ей памперс меняю, а она недовольная такая! – Молодая мамочка залилась счастливым тихим смехом. – Это же настоящее чудо, что у меня ребёнок, Татьяна Георгиевна! А скоро будет двое... Надо будет близнецовую коляску купить. Буду с ними гулять, а они будут крепко-крепко спать! Я буду смотреть на них и буду ещё счастливее!

– Ещё счастливее? – переспросила Мальцева, тоже с удовольствием любясь здоровой красивой новорождённой девочкой. – А так разве счастья недостаточно?

– Счастья много не бывает, Татьяна Георгиевна. Разве нет?

– Счастья мало не бывает, Елена Александровна.

Только вряд ли «они» будут крепко-крепко спать. Ваша девочка здорова. Потому пока она ест, какает, писает и спит. Будете хорошо и правильно кормить, вовремя делать прививки, читать ей книжки и объяснять, почему нельзя совать пальцы в розетку и перебегать железнодорожные пути в неположенных местах – и дальше будет здорова. А сын Егоровой болен. Уже сейчас болен. У вас две детских комнаты? – деловито осведомилась она у родильницы.

– Ну что вы, Татьяна Георгиевна! У нас с мужем вообще однокомнатная квартира. Недавно только купили. И радуемся, как ненормальные. Но поставить две кровати, это же не проблема? И недоношенность – не болезнь, разве не так, Татьяна Георгиевна?

– Так. Недоношенность – не болезнь. А вот опятная зависимость – болезнь. У ребёнка наркоманки Егоровой в настоящий момент выраженный абстинентный синдром. Ломка. Проблемы с дыханием, сердечной деятельностью и печенью.

– Вылечим! – твёрдо сказала Елена Александровна.

– Возможно, возможно... Вам, что правда, придётся помотаться по лечебным учреждениям, потому что его из реанимации новорождённых сперва переведут в детскую больницу – и сколько он там пробудет, неизвестно. А затем он отправится в дом ребёнка, пото-

му что быстро сказка сказывается, моя дорогая, но не быстро дело делается.

– В смысле?

– В смысле, что вы, Елена Александровна, в приступе вселенской любви ко всему живому, забыли о такой сложной и долгоиграющей процедуре, как усыновление. Вы не можете схватить малыша и засунуть его в близнецовую коляску только потому, что эта воображаемая вами картинка сейчас, в вашем нынешнем гормональном статусе, наиболее соответствует вашей же гармоничной картине мира. Вам придётся ходить по инстанциям, выстаивать в очередях, собирать документы и так далее. Кто в это время будет рядом с вашей малышкой? Муж, я так понимаю, работает. Не на вашу же учительскую зарплату квартира куплена.

– Да... Работает... – растерянно пробормотала молодая женщина. – А разве нельзя как-то ускорить процедуру? Нельзя разве забрать ребёнка прямо отсюда? Ну, не знаю... Под расписку! – обрадовалась она своей находчивости.

– Елена Александровна! Спуститесь с ваших чистеньких розово-голубых небес на нашу грешную грязную землю! Во-первых, «прямо отсюда» забрать ребёнка Егоровой никак нельзя. Потому что «прямо отсюда» он отправится в детскую больницу. Я вам

уже говорила. Не слушайте свои мечты. Внимательнее слушайте меня! А во-вторых, если бы мы практиковали раздачу новорождённых «под расписку», то всем нашим родовспомогательным учреждением сидели бы уже в местах не столь отдалённых. Вы сообщайте хоть немного, прежде чем говорить.

– Ах, ну да... Это же я знаю о себе, а вы обо мне ничего не знаете... – чуть не плача, обречённо согласилась новоявленная мамаша.

– «Это всё поэзия, малыш!» – как говорится в одном славном добром кино. Существует закон, Елена Александровна. И законная процедура. И если вам лишние деньги карман не жмут, то законная процедура может затянуться очень надолго. Очень-очень-очень надолго. Чтобы, в конце концов, получить на руки очень больного и очень запущенного малыша. Человек – не игрушка, милая моя. Не кукла, что видится вам в голубом комбинезончике рядом с другой хорошенькой куколкой в розовом комбинезончике. Человек, даже маленький, – это живой организм. И чем чахлее этот организм, тем больше усилий требуется по уходу за ним. Вы потратите не вдвое больше сил, нервов и средств. А втрое, вчетверо!

– Всё равно! – Голос Елены Александровны обрёл твёрдость и какую-то даже маниакальную решимость. – Любовь, терпение и смирение! Я сделаю всё,

чтобы спасти этого несчастного ребёнка! А на всё остальное – воля божья!

– Кстати, именно об этом я и пришла с вами поговорить. О воле божьей. Присядем за столик, Елена Александровна... Вот так уже лучше, а то слишком долго стоящие люди вызывают у меня ассоциации с митингующими. А за столом – это уже спокойный разговор.

– Может быть, чаю? – снова вскочила неугомонная любительница всего живого.

– Ну, раз вы уже ткнули на кнопку, с удовольствием. Что может быть лучше двух чашек чаю? Чай превращает спокойный разговор в доверительную беседу, – улыбнулась Мальцева.

Когда молодая мамочка поставила на стол две чашки, с плавающими в них пакетиками и сиротливо свисающими через край ниточками с лейблами, Татьяна Георгиевна достала, наконец, из кармана модель молекулы ДНК.

– Знакомьтесь, Елена Александровна, это Бог! Бог это, Елена Александровна. Прошу любить и жаловать! – Мальцева изобразила добропорядочно-ознакомительную пантомиму.

– Вы шутите, да? – улыбнулась Елена Александровна. – Это всего лишь модель двойной спирали молекулы ДНК. У нас в школе в кабинете биологии

есть точно такая же.

– Разумеется, есть! Бог есть везде. Просто «Модель Двойной Спирали Молекулы ДНК» – одно из имён Бога. И я бы на вашем месте воздержалась от ремарок типа «всего лишь». Не потому что Бог – это какая-то нервная девица, обижающаяся на всякую ерунду или мстительный мужичок с бородой. А исключительно из уважения к этому самому Богу. Итак, перед вами Бог, Елена Александровна. Он даже не недоумевает, что вы не верите в его явление. Не думает, мол, как же так, эта прекрасная молодая женщина твердит «Бог, слава Богу, воля Божья», а как только Он Сам предстаёт перед ней – так она глазам своим не верит. Нет-нет, что вы! Бог всё о людях знает. О каждом из нас, людей, Он знает всё. Включая и то, что люди, узрев Бога, как правило, не верят в его явление. И то, какой у вас будет цвет глаз. Бог знает, что Вася Иванов любит ковырять в носу именно средним пальцем левой руки, хотя большинство людей предпочитает делать это указательным пальцем правой. Бог знает, что Лидочка Петрова будет автомехаником, несмотря на то что родители отдали её в музыкальную школу. Бог знает, как именно Елена Александровна улыбается и какая длина большеберцовой кости у Татьяны Георгиевны. Этот Бог, – Татьяна Георгиевна ткнула подбородком в модель двойной спирали молекулы ДНК, – знает всё.

Он знает даже то, что от нас сокрыто. До поры ли до времени или навсегда. И всё это громадное колоссальное своё знание о нас он архивирует и загружает прямо в нас ещё тогда, когда мы ещё не можем пить чай, потому что зиготы не гоняют чаи поздним вечером в палате родильного дома. Но Бог уже и тогда знает, как именно мы будем пить чай – прихлёбывая, сёрбая, складывая губы по-птичьи или же обливая ма尼шку. Бог знает всё, и он, что самое удивительное, действительно внутри нас. Насквозь в нас. От кардиоцита и нейрона до самой распоследней клетки слущенного эпителия. И он же, разумеется, в том, что люди, никак не находя доступа к окончательной расшифровке всех заархивированных этим Богом файлов, – Мальцева постучала моделью молекулы по столу, – склонны именовать «характером», «судьбой», «кармой» и тому подобным. Елена Александровна может представлять себе, что её четырнадцатилетний сынишка уже победил на московской олимпиаде по математике, но Бог знает, что на самом деле её сынишка для начала вовсе не её сынишка. Для продолжения – в эти самые четырнадцать первый раз уколется или ограбит ларёк. А что с этим человеком будет в конце концов – вот уж действительно только Бог знает.

– Я понимаю, к чему вы клоните, Татьяна Георгиевна. Мол, от осины не родятся апельсины и генети-

ку вообще не перепрёшь. Я всё понимаю. Но всё-таки из всех имён Бога мне более всего нравится имя «Любовь».

– Да, хорошее, годное имя. Мне оно тоже нравится. Называйте Его, – Мальцева погладила модель по завитым бочкам, – Любовью. И тоже будете правы. Четырнадцатилетний мальчишка, обворовавший ларёк, будет любить маму ничуть не меньше четырнадцатилетнего сынишки, выигравшего московскую олимпиаду по математике. Если не больше.

– Но, Татьяна Георгиевна, всё-таки среда играет значение. Воспитание, образование... Бытие определяет сознание!

– Сознание определяет Бог. Тот, что внутри каждого из нас. В клетках головного мозга, в наклонностях, в желаниях, в стремлениях, в душевных порывах и в житейской изжоге. Бытие тут как раз вторично и определяется именно что сознанием. И как вы понимаете из предмета нашей чайной беседы, не потому что я – философ идеалистического толка. Вы читали что-нибудь вроде «Белых одежд»²⁸ или «Зубра»²⁹, Елена

²⁸ «Белые одежды» – роман Владимира Дудинцева о жизни и работе учёных-биологов. Основан на реальном конфликте между «народным академиком» Лысенко, пытавшемся использовать послевоенные трудности государства для достижения личной власти, с помощью репрессий насаждавшем псевдонаучные теории, в будущем получившие название «лысенковщина», и остальными учёными-генетиками, вынуж-

Александровна? Вы же учительница. Значит, любите читать.

– Я учительница математики, – улыбнулась сидящая напротив мамочка. – Нет-нет, я люблю читать, но эти книги не читала.

– Ну а о том, что генетика – продажная девка империализма, слышали?

– Что-то слышала, – неуверенно сказала молодая женщина.

– С ума сойти! «Что-то слышала...» Между нами меньше двадцати лет разницы, моя дорогая. Но мне кажется, что пропасть, отделяющая меня от тех, кто на двадцать лет моложе, куда глубже, шире и круче того пологого овражика, что отделяет меня от тех, кто на двадцать, тридцать, сорок лет старше меня!.. Некто Трофим Лысенко – посмотрите позже в Интернете – на одной из сессий ВАСХНИЛа седьмого августа 1948 года бросил в зал такие слова: «Генетика – продажная девка империализма... Настоящая сессия показала полное торжество прогрессивного мичуринского направления над реакционно-идеалистическим морганизмом-менделизмом». Он назвал то, что мож-

денными спасти свою жизнь, прячась от органов госбезопасности. Роман издан в 1986 году, спустя тридцать лет с момента написания.

²⁹ «Зубр» – документальный биографический роман Даниила Гранина о Н. В. Тимофееве-Ресовском, 1987.

но осязать, – идеалистическим! А надуманная чушь считалась материализмом... Речь этого, с позволения сказать, академика, большинство поддержало бурными аплодисментами. И лишь единицы – потому что умных людей всегда меньше, Елена Александровна, – склонили головы от стыда и отчаяния. И были пересчитаны, как не поддержавшие бурную овацию. Со всеми вытекающими. После этой сессии генетика – наука о закономерности наследственности и изменчивости – была провозглашена лженаукой и на целое десятилетие была забыта в огромной стране. Десять лет понадобилось, чтобы понять, что, как вы справедливо заметили, от осины не родятся апельсины, что от воспитания и образования груша не станет яблоком и что никакие уговоры не заставят чахлый зелёный лучок заколоситься тугим пореем. Елена Александровна, вы не сможете перевоспитать молекулу дезоксирибонуклеиновой кислоты. А генной модификации ребёнка, рождённый наркоманкой Егоровой от неизвестного наркомана Тохи, не подлежит. У вас есть здоровая, красивая девочка – вот и благодарите того самого бога за это. И не суйтесь без нужды в его промысел. Напомнить, куда ведёт дорога, вымощенная благими намерениями? – жёстко завершила Татьяна Георгиевна. – Спасибо за чай. А это вам, Елена Александровна, – Мальцева кивнула на модель молекулы

ДНК. – Сувенир: «Бог. Мобильная модель». Вам будет забавно наблюдать, как ваша собственная подрастающая красивая здоровенькая дочурка крутит пухлыми розовыми пальчиками эту штуку в разные стороны, играя с богом в свою собственную игру. Поверьте, это вам доставит куда большее удовольствие, чем жесткая схватка с богом за чужого больного мальчика. Ничего мне не говорите сейчас. Переспите с этим ночь.

До того молчаливая соня Ася захныкала очень вовремя.

В коридоре Татьяна Георгиевна наткнулась на интерна.

– Я делаю вид, что совершенно случайно встретил вас, идя по неотложным делам. О боже, какие у интерна ночью могут быть неотложные дела? – Он театрально схватился за голову. – Ах да! В родзале сломался внутренний телефон, и я срочно побежал за лаборанткой и совершенно случайно встретил вас в коридоре, Татьяна Георгиевна! Хотя на самом деле я жду вас тут уже полчаса. Под этой самой дверью. – Он потешно развёл руками.

– Всё-таки, вы очаровательный наглец! – рассмеялась Мальцева. И тут же, нахмурившись, спросила: – Александр Вячеславович, вам известна фраза: «Генетика – продажная девка империализма»?

– О да! Её ошибочно приписывают академику Тро-

фиму Денисовичу Лысенко. Якобы он брякнул эту глупость на сессии ВАСХНИЛа в сорок восьмом году двадцатого века. Но на самом деле реальное авторство этой крылатой фразы принадлежит писателю-сатирику Александру Хазину. У него есть пьеса «Волшебники живут рядом». Он настроил её в 1964 году, когда генетика была реабилитирована и, бедолажка, потихоньку отъедалась и вставляла себе зубы после лагерей забвения. Я, Татьяна Георгиевна, в детстве всё это очень любил. У меня «Белые одежды» и «Зубр» были настольными книгами, зачитанными до дыр. Я просто поклонялся Тимофееву-Ресовскому³⁰, во всём хотел быть похожим на него и, помнится, целых полгода спал по четыре часа в сутки. Чуть не спятил, ей-богу!

– Да? Вы знаете, Александр Вячеславович, я думаю, что пропасть между нами не так уж и велика.

– Да какая там пропасть! Так, даже на овражек не тянет. И тот состоит исключительно из ваших странных страхов и невыносимого высокомерия.

– Вы ройте-ройте, да не зарывайтесь! – улыбнулась Мальцева.

³⁰ Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981 гг.) – биолог, генетик. Основные направления исследований: радиационная генетика, популяционная генетика, проблемы микроэволюции. Его жизнь была очень интересна, личность – весьма неординарна.

– Татьяна Георгиевна, а хотите я вам кофе в кабинет принесу?

– Хочу! Признаться честно, после только что испитого чая в пакетиках, во рту так прогоркло, как будто стоялой воды из оцинкованного корыта хлебнула.

– Отлично! Через десять минут как штык! А пока, простите, покидаю вас, мне и правда срочно нужно в лабораторию. Я на вас, Татьяна Георгиевна, действительно случайно наткнулся. Так сказать неожиданная, мелкая, но очень приятная в смысле результата мутация божьего промысла. Раз уж вас в одиннадцать вечера вдруг на генетику потянуло...

Беспрепятственно руля домой по пустому ночному городу, Мальцева думала, что, может, и бог с ней, с этой Еленой Александровной, воспылавшей вселенской любовью к ребёнку, рождённому Егоровой? Это же тоже в её, Елены Александровны, ДНК – так любить. При всём том мусоре, что у неё в голове понапихано, она вовсе не производит впечатление экзальтированной дуры, могущей от нечего делать участвовать в акциях «Помаши кормящей сиськой в супермаркете», «Спаси и бобра и дерево», «Растения тоже плачут! Хочешь быть добрым – ешь камни!» и прочей от нечего делать вскипающей ненадолго чепухе. Она не из тех, кто, наигравшись, бросит. Кажется, эта Елена Александровна способна тащить свой крест со

всем присущим по-настоящему добрым людям достоинством. Ну и пусть. Пусть этому малышу будет сыто и тепло. Чёрт с ним! И с ней, этой блаженной учительницей математики. Не откажется к утру от своей идеи – Татьяна Георгиевна ей поможет. Потому что возникшее сейчас желание помочь идиотке в её идиотическом стремлении стать родной матерью недоношенному отказнику, родившемуся у наркоманки Егоровой от наркомана Тохи, – это тоже не Мальцева. Это бог. Бог, выглядывающий из хитросплетений её, Татьяны Георгиевны, двойной спирали ДНК.

Кадр двадцатый

Патология

На утренней врачебной конференции Владимир Сергеевич Ельский доложил, что новорождённый Егоров скончался. Время смерти 5:07. Он зачитал весьма пространный диагноз и предполагаемую причину. Затем, оторвавшись от бумажек, он, в присущей ему манере не глядя в зал, сказал не то окну, не то стене, не то одному из плафонов дневного света:

– Героин, особенно недостаточно очищенный – а я не думаю, что мамочка в данном случае употребляла какой-то другой, – часто обладает выраженным тератогенным эффектом³¹. Этому малышу повезло родиться без «волчьей пасти». Поэтому я, лично, просидел с ним сегодня всю ночь. Но основное неблагоприятное действие на плод при употреблении беременной героина состоит в развитии выраженного синдрома отмены у новорождённого. Что всего лишь в трёх-пяти процентах случаев приводит к гибели ребёнка. Однако ему и тут выпал джекпот. В виде обширно-

³¹ Тератогенный эффект – способность тех или иных факторов (радиация, медикаментозные препараты и т. п.) провоцировать возникновение пороков развития и уродств у плода.

го инсульта. Вскрытие сегодня. Если господа интерны желают присутствовать – милости прошу. У меня всё. – Ельский захлопнул папочку и лениво-вальяжно шлёпнулся на своё законное место в первом ряду. Чем хуже у Ельского было настроение, тем ленивее и вальяжнее он становился. Судя по сегодняшней, уже совершенно аристократической медлительности, настроение Ельского по десятибалльной шкале было на твёрдый кол.

– С молодухой своей поругался, – наклонившись к Татьяне Георгиевне, шепнула ей на ухо Надежда Капитоновна. Но тут же осеклась.

Хотя ей очень хотелось продолжить тему отношений уже слегка потёртого годами и предыдущими жёнами заведующего отделением неонатологии с его новой юной женой-медсестричкой. Но сегодня утром на внутренней пятиминутке отделения эта стерва Мальцева при всех высекла и Надежду Капитоновну, и её товарку по ординаторской второго этажа – Зинаиду Никитичну. При всех! При санитарках, акушерках и интернах. Бессовестная дрянь, поимела бы хоть уважение к возрасту! У Надежды Капитоновны и Зинаиды Никитичны уже внуки имеются, а их какая-то девчонка распекает на глазах у всего коллектива. Мол, у нас тут нет никаких запретных тем, ординаторы второго этажа обсуждают судьбы пациенток этажа первого,

причём в присутствии родильниц. И раз уж их так тревожит состояние здоровья, ума, души и совести Оксаны Николаевны Егоровой, доставленной в отделение неведомым милицейским нарядом, то именно им, старшим – о, мерзавка с особой язвительностью произнесла это слово, – ординаторам второго этажа и поручается ведение и выписка этой пациентки. До этого наркоманкой её интерн занимался, и ничего. Понятно же, что эта Егорова сбежит – и тогда Мальцева напишет на них докладную. А если не сбежит, то как её нормально выписать? Пáспорта ей так и не принесли. Где живёт – неизвестно. Фамилия-имя-отчество и год рождения – и те со слов. Значит, все прелести дозвонов сперва её сожителю, а затем, если что, и в милицию – теперь на них, на Надежде Капитоновне и Зинаиде Никитичне. Точнее – на одной Надежде Капитоновне. Потому что эта старая сука, Зинаида Никитична, инсценировала гипертонический криз. Дура! Чего она ждала? Что Мальцева кинется к ней, ахая, и начнёт приносить извинения? Так что Зинаида Никитична теперь на законном больничном. И Надежде Капитоновне всё это кушать в одно лицо. «А чтобы у вас было достаточно времени, с сегодняшнего дня курацией второго этажа будут заниматься Александр Вячеславович и Светлана Борисовна. А вы остаётесь на первом. Не падайте в обморок, не одна. Михаил

Вениаминович Наезжин из дежурантов переведён в ординаторы. Зинаида Никитична, как только здоровье поправит, переводится в дежуранты обсервационного отделения. В те сутки, когда ответственным дежурным врачом в графике стою я. Маргарита Андреевна, вот такие у нас кадровые перестановки, с их учётом и планируйте работу». Ишь ты! Своего жиголо-интернишку поперёд врача с сертификатом назвала. И вообще, где это видано, чтобы интерн пациенток курировал?! Ну, наркоманок-то ладно, а порядочных девочек? Точно он с Мальцевой спит, не сплетни это! А ей, Надежде Капитоновне, теперь что, в одной ординаторской с этим Наезжиным сидеть, который если не яйца чешет, так в носу ковыряет? На втором этаже хорошо было, спокойно, уютно. Девочки хорошие, да и не так много их там, как тут, на первом. При выписке то коробочку конфет занесут, а то и вовсе в кармашек халата немного положат. А здесь ничего этого не дождёшься, зато беготни и мороки выше крыши! Возраст у Надежды Капитоновны уже не тот! Тьфу ты!

– Надежда Капитоновна, вы позвонили юристу, отменили визит? – спросила у Надежды Капитоновны Мальцева.

Дёрнул чёрт сесть рядом с этой старой коровой! Неловко было на законное место ломиться под испепеляющими укоризненными взглядами начмеда –

вот и шлёпнулась на ближайшее свободное. Маргошу распекала на предмет дерьмового чая в палатах – вот и опоздала на пятиминутку. Маргарита Андреевна отчасти права – на элитные коллекционные сорта бюджета не хватит, но и пыль в «презервативах» – это уже тоже не по рангу для платных девочек. Они же добра не помнят, пусть сто раз прекрасные. Они же потом в своих интернет-сообществах дай бог два слова благодарности вякнут, а остальное эпохальное полотнище в пять страниц – про плохой чай и кривую морду санитарки бабы Маши. Одна, вон, недавно уходила – всем руки целовала. А потом Маргоша – пример Панина заразителен оказался! – разыскала в Сети её отклик. Мол, врачи хорошие, акушерки, в принципе, тоже, смотря какая смена попадётся. Отнеслись хорошо, хотя без контракта, денег никто не требовал, но еда!.. Еда невкусная и не слишком много. И далее шло перечисление всего меню: какой суп, какое второе – гречка с салатом из тёртой моркови или рис с кабачковой икрой. Говяжьи котлеты роддомовские ужасны, рыбные тефтели – фу! – она их вообще не любит. Яблочный сок недостаточно яблочный. Кефир развозят всем желающим, но она не желала. Масло и сыр есть, но ей хотелось «чего-то вкусенького». Запеканка со сгущёнкой – фу, гадость! И далее в том же духе. Ресторанный критик, блин! Оплати контракт и жри

достойно. Или выйдя из родильного дома, в ресторан закатись. А если харчем перебираешь – то и не годна вовсе, а капризничаешь. «Печёнками» ей, понимаешь, не угодили. Так попроси родню, пусть принесут тебе домашней выпечки! Или в «Бахетле» или «Азбуке вкуса» тебе «чего-то вкусненького» закупают, раз уж на контракте сэкономили. Маргарита Андреевна если не во всём, то во многом, разумеется, права. Но уж чай в платных палатах должен быть похож на чай, а не на окрашенный кипяток с привкусом цинка!

– Да я только сейчас на пятиминутке услышала, что Егоров умер, – шепнула Надежда Капитоновна.

– Да? Странно! Я была уверена, что вы с утра пораньше уже всю информацию по родильному дому собрали! – кинула ей в ответ Мальцева, не слишком и понижая голос. – Если юрист всё-таки приедет, расшаркиваться перед ним будете лично вы. Как палатный врач Егоровой.

И дальше воткнулась глазами в своего любовника Панина. А от Надежды Капитоновны отмахнулась, как от назойливой мухи. Зачем она только к ней сунулась со своим шёпотом насчёт Ельского? Контакт хотела навести. Есть же в этой Мальцевой хоть что-то человеческое! Навела, ничего не скажешь. На очередную оплеуху нарвалась. Никакого уважения к пожилому человеку. А кто тебя, молоденькую, работать

учил?!

Правда, Надежда Капитоновна забыла, что конкретно она Мальцеву ничему не учила. Потому что всю свою жизнь просидела большей частью по гинекологиям разнообразных больниц, вполне довольствуясь выполнением аборт в ранних сроках. Она бы и сейчас не отказалась, но тут, когда возраст перевалил за пенсионный, её перекинули в роддом. И скоро, кажется, выкинут в женскую консультацию. Эх, она бы от консультации как раз не отказалась, если присесть там на мини. Но мини-аборты в ЖК делает только заведующий. Ну или кто клиентку «на себя» приведёт. Ей никто там ничего не позволит. Уйти, что ли, и правда, на пенсию? А что на пенсии делать? Тут хоть чаю с Зинаидой можно попить и заработать немного, потому что, если «свою» женщину приведёшь, Мальцева никогда не отказывает. Сидит, правда, в родзале, как сын. Зато так спокойнее. Жопа прикрыта. Да и девка она, надо признать, рукастая...

После того как дежурант из гинекологии доложил, Панин, немного посверкав молниями и потрещав громом по разным поводам, сказал:

– А сейчас, коллеги, я хочу вам представить нашего нового заведующего отделением патологии беременности, Родина Сергея Станиславовича. С сегодняшнего дня он официально вступает в должность. Про-

шу вас, Сергей Станиславович!

Из первого ряда поднялся дотоле неприметно сидящий с самого края у окна плотный рыжий мужчина, с веснушчатым лицом и волосатыми руками. В голубой пижаме он был похож на полноватое добродушное солнышко с хитро прищуренными глазками. Но как-то сразу ощущалось, что это солнышко, если что, может покрыться такими тучами, что от ливня некуда будет спрятаться. Пока же он, развернувшись ко всему честному коллективу лицом, чуть шутливо поклонился и сказал:

– Здравствуйте, коллеги.

– А теперь по рабочим местам, – завершил Семён Ильич пятиминутку.

Родин Сергей Станиславович был небезызвестен узкой-узкой широкой акушерско-гинекологической обществу. Он был одним из ведущих специалистов одного из ведущих же перинатальных медицинских центров. На какие коврижки Панину удалось переманить его сюда? Неужто на пресловутое честолюбие в виде заведования? В деньгах Родин явно потеряет. В виде зарплаты. Что правда, свою клиентуру сюда переманит. Но всё равно гембель – компания ординаторов и дежурантов в патологии та ещё. Взять хотя бы старшего ординатора отделения Поцелуеву Оксану Анатольевну по кличке Засоскина.

Такое прозвище проистекало не только из очевидно пригодной фамилии, но и из страсти Оксаны Анатольевны к поцелуям взасос с мужчинами, не состоящими с нею ни в законном браке, ни в сексуальных отношениях. Любое праздничное мероприятие, в котором принимала участие Засоскина, заканчивалось тем, что все более-менее имущие разум мужчины прятались от неё по углам. Причём ей было всё равно, строгий ли это доцент Матвеев или вообще безмянный пока интерн. Оксана Анатольевна любила целоваться. Все знали, что с первым мужем она рассталась именно потому, что «этот мудака» совершенно не умел этого делать. В трезвом состоянии Засоскина всех мужчин именовала «этот мудака». По мнению Оксаны Анатольевны Поцелуевой, любой «этот мудака» характеризовался эмоциональной холодностью («хорошего слова не дождёшься»), анатомической («короткий и вялый») и функциональной («мне три минуты недостаточно») сексуальной непригодностью. Также «этот мудака» не умел зарабатывать деньги («я за одни роды зарабатываю больше, чем он за месяц наскребаёт»), абсолютно не любил детей («я с предыдущим пасынком три месяца химией занималась, потому что этому мудаку было абсолютно насрать на его двойки»), был нечистоплотен («жрёт, как свинья, по подбородку льётся») и, конечно же, портил ей нер-

вы («этот мудака все нервы мне испортил»). Штатных «этих мудаков» у Оксаны Анатольевны в анамнезе насчитывалось уже четверо. Она сама частенько шутила на тему народной мудрости: «Если пятый муж бьёт тебя по морде, то дело не в муже, а в морде», мол, ещё есть шанс. Впрочем, если вспомнить, сколько «этих мудаков» у Поцелуевой состояло внештатно, то, скорее всего, шансов у неё не осталось уже никаких. Хотя Оксана Анатольевна, надо признать, была дамой видной – высокой, стройной и отнюдь не безобразной. Напротив, весьма милостивой. И не только видной, но и умной. Возможно, именно из-за этого немаловажного обстоятельства – хорошо выраженного интеллекта, – у неё и не было никаких шансов. Но она, тем не менее, не сдавалась. Хотя любой муж начинал раздражать её уже буквально в медовый месяц. Через полгода – бесить. Через год – приводить в ярость исключительно фактом своего существования в качестве супруга. Эта энергичная деятельная женщина приводила мужьям в человеческий вид их жилища («сделала этому мудаку в квартире ремонт»), выбивала из них алименты их же собственным детишкам от предыдущих браков («сделал мудака двоих детей – пусть платит»), приводила в порядок их гардероб («купила этому мудаку костюм и рубашки») – в общем, наводила в жизни «этих мудаков» порядок.

И разводилась. Чтобы озаботиться благоустройством следующих «мудаков». От какого-то из них она обзавелась дочерью, которой в настоящий момент было одиннадцать лет. Самой Оксане Анатольевне было тридцать семь, но выглядела она куда моложе. Потому что время стареть есть только у спокойных счастливых женщин. Для фемин типа Засоскиной молодость равна постоянной борьбе за справедливость с природой, погодой и обстоятельствами. Врачом она была отменным. Беременные, роженицы и родильницы её любили. Не за сюсюканье, а именно что за достаточно жёсткую манеру общения, но всегда по делу и в любое время суток. И руки у Поцелуевой-Засоскиной были золотые. Оксана Анатольевна слышала, что Родин недавно развёлся и, узрев его ярко-рыжую макушку ещё на пятиминутке, тут же стала в стойку. Скоро Восьмое марта. Вот и узнаем, умеет ли «этот мудак» целоваться! И вообще, очень хорошо, что отделением будет заведовать переманенный Родин, а не эта снулая безрукая рыба, мнящая себя пупом земли – Анатолий Витальевич Андриёвич. Пусть и дальше втыкает в своё УЗИ – всё вреда меньше. Лучше всего, конечно же, было бы самой заведовать патологией, но Панин сказал ей, что она ещё очень молода. Ну да, она в тридцать семь молода, а его пизда Мальцева в тридцать три – ровно столько ей было,

когда назначили, – не была молода отделением заведовать, как же! Впрочем, Мальцева баба хорошая, нечего гнать, да и детей у неё нет. То есть они ей не мешают. Понятно, в общем-то. Да и ладно. Кому нужно это заведование? Морока одна. Надо, чтобы заведующий был хороший, ответственный и работать не мешал. А Родин – мужик хороший. Замечательно, что он пришёл. Честно признаться, Оксана Анатольевна Поцелуева уже немного заколебалась исполнять обязанности заведующей. Вот вроде недолго совсем, а такая морока. Да и после Вовки – царствие ему небесное и по красивому восточному мужику под каждой христианской райской кущей, – дела так запущены, что чёрт ногу сломит. КРУ было, так Засоскина чуть не поседела. Хорошо, Панин выручил. Так что пусть Родин отделением занимается. А она лучше займётся Родиным.

Ещё в штате ординаторов отделения патологии беременности числился тот самый Анатолий Витальевич Андриевич. За глаза называемый не иначе как Скумбриевичем. Потому что, как назло, у Анатолия Витальевича лицо было прямое, мужественное, как у бреющегося англичанина на рекламном плакате. И эта самая голова суховатого англичанина сидела на белом рыхлом дамском теле с отлогими плечами и очень широким тазом. То есть всё в точности, как

у небезызвестного геркулесовца из «Золотого телёнка». Родильный дом – это вам не офис по перепродаже перепроданного. Тут за дресс-кодом не скрыться. Раздевалки не индивидуальные, да и в предбаннике операционной случается не особо миндальничать, когда ургентная ситуация. Так что любой, кто хоть раз наблюдал Андриевича, переоблачающегося в пижаму или обратно, уже никогда иначе как Скумбриевичем его не называл. Особого вреда отделению Анатолий Витальевич не наносил, потому как сразу после утренней врачебной конференции он спускался на первый этаж в кабинет УЗИ и молотил там до самого заката. Периодически выбегая покурить и проведать, как там чувствуют себя его редкие «блатные», готовы ли к родам в смысле материально-финансовых показаний. Ну и в туалет, как не чуждый всему человеческому. Впрочем, и пользы от Андриевича-Скумбриевича особой не было, так как палаты он не вёл.

Также имелась в патологии выдающаяся личность, именуемая Зад. Зад была постоянно обуреваема «улучшайзингом». То её не устраивало расположение столов в ординаторской, и она, воскликнув – «А давайте-ка всё тут улучшим!» принималась с азартом эти самые столы передвигать. Причём самостоятельно. Чтобы назавтра снова что-то улучшать в географии столов. Она страстно переставляла всё слева

направо и справа налево, а дай ей волю – наверняка бы каждый день перекрашивала стены, потому что «эту краску давным-давно надо улучшить!» Зад называлась Задом вовсе не по причине пышности форм, а потому, что люди иногда просты и незамысловаты, как первоклашки: по паспорту Зад была Золотухиной Анастасией Денисовной. Все подозревали, что у Зад маниакально-депрессивный синдром. Одно только заставляло сомневаться в таком предположении – а депрессивная фаза-то где? Зад всегда была весела, подвижна и, даже ассистируя на операциях, как-то слегка притопывала и пританцовывала на месте. Ни она, ни Тыдыбыр до самостоятельно оперирующих хирургов ещё не доросли. Писари юные – головы чугунные.

Тыдыбыром звалась ещё более молоденькая, чем Зад, доктор Анастасия Евгеньевна Разова, и именовалась она так по совершенно нелепой и не особо приятной случайности, вызванной одним из самых неестественных человеческих стремлений – стремлением к славе. Ещё интерном Настенька завела себе ЖЖ – живой журнал. Ник teddy_bear, которым совершенно непонятно из каких соображений хотела назваться толстенная, плотненная, крепко сбитенная девушка, был занят. Настенька поиграла с латиницей так и эдак, и свободной оказалась только комбина-

ция tdbp. Анастасия Евгеньевна стала писать в свою уютную жэжэшечку то и это, постила фоточки котиков, проходила все подряд тестики про то, какая она книга, подушка, одеяло или дракон. А однажды интерна Настеньку Разову очень обидела старая санитарка – назвала её при беременных Настенькой. Оскорблённая в лучших чувствах Настенька тут же настрочила пост в ЖЖ. И – о чудо! – впервые у неё появились комментарии и число френдов взлетело аж до десяти. Воодушевлённая Настенька стала писать о том и этом «по работе», выводя коллег, персонал и пациенток под вымышленными именами, а то и вовсе инициалами. Пост о поступившей в отделение гинекологии пациентке с застрявшим во влагалище инородным предметом (футляром от солнцезащитных очков) вышел в топ. Об этом случае Настенька услышала на пятиминутке, но писала так живо, как будто сама лично была тем самым оказавшим помощь доктором, дежурившим тогда в гинекологии. В своей жэжэшечке Настенька представала перед публикой многоопытным врачом на все руки, да так вошла во вкус, что вскоре стала «тысячницей». То есть число подписчиков на её живой журнал перевалило за тысячу. Настенька стала постить свои фоточки: Настенька в зелёной пижаме у кровати страждущей роженицы («Вы не против, если я вас стетоскопом послушаю, а меня

сфотографируют? Родителям показать»). Настенька в пижаме голубой с только что принятым младенцем в руках («Разрешите мне сфотографироваться с вашим малышом, мы стенд в отделении патологии делаем»). Настенька в пижаме розовой с умным лицом и ультразвуковым датчиком в руке («Анатолий Витальевич, можно? Я для домашнего архива»). У неё хватало ума писать, что дело происходит в родильном доме N, но когда Настенькин пост об убиенном доктором-неонатологом Е. младенце вышел в топ – его перепечатала газета «Комсомольская зорька», сопроводив ремаркой: «Вышеуказанный случай по нашему предположению произошёл в родильном доме номер такой-то, а за инициалом Е. скрывается не кто иной, как врач Ельский Владимир Сергеевич». Разумеется, Ельский никого не убивал. И уж тем более младенцев, коих несмотря на свою ужасающую мизантропию, любил как родных. Он просто доложил на очередной пятиминутке об очередном случае неонатальной смерти в своей обычной хмурой манере. Собственно, младенцы с такой выраженной эвентрацией³² и множественными пороками развития долго

³² Эвентрация – остро развивающийся дефект в брюшине и мышечно-апоневротическом слое передней брюшной стенки, в результате образования которого создаются условия для разгерметизации брюшной полости и выхода внутренностей за её пределы. Эвентрации бывают врождёнными, травматическими и послеоперационными. Обычно такие

не живут, несмотря на немедленно вызванную Ельским бригаду детских хирургов. Но уж слишком он был противный, этот Ельский. По мнению Анастасии Евгеньевны. Он с ней даже не здоровался и вообще, похоже, за человека не держал. Попросту не замечал. Потому что Ельский замечал только тех, кто принимал роды и оперировал. Настенька пока к таким не принадлежала. И была на него очень зла. Потому что, признаться честно, он ей очень нравился. В смысле как мужчина. Как же не излиться желчью в адрес того, кто нравится тебе как мужчина, но понятия вообще не имеет о твоём существовании? Для чего иначе блог-пространство? И к тому же она уже отлично постигла механизмы выхода её постов в топ Яндекса – побольше яростного цинизма вперемешку с выдавливанием слезы. Пост о докторе Е. был настолько удачен, что переплюнул историю о безжалостной судьбе уродливого кота (душераздирающая картинка прилагается), над которой неделю давили слезами все интернет-зависимые девочки, девушки и женщины. Настенька не ожидала такой популярности своей истории и, ложась в постельку после клика на «отправить запись», втайне жалела, что не имела возможности заснять ту эвентрацию на мобильный. Ельский

новорождённые не жизнеспособны и вскоре после рождения погибают. При этом роды проходят без особенностей.

же, как всегда, пригласил на вскрытие только «господ» интернов, сексист проклятый! Шли, что правда, и дамы. Но, по-любому, Анастасия Евгеньевна к тому моменту уже была врачом и покинуть рабочее место не могла. Да и фиг при Ельском снимешь что-то. Но и без фотографии младенческого трупика с такой редкой патологией, Настенькин пост переплюнул слезодавительную притчу про уродливого кота. К утру её текст не только гордо реял на верхней позиции рейтинга, но и был в свежем выпуске той самой газеты, что предпочитают в метро и электричках всем остальным изданиям. И Настенька, что называется, проснулась знаменитой. В электронном дубле «Комсомольской зорьки» была прямая ссылка на источник информации – блог пользователя tdbp. Похолодев от ужаса, Разова немедленно удалила свой блог, но Яндекс, как известно, помнит всё. Врачам бы и в голову не пришло читать «Комсомольскую зорьку», но нынче у каждой девочки в палате по три айфона и по два айпада на одну беременную голову. Когда в приснопамятное утро во время обходов врачи акушеры-гинекологи, отвечая на вопросы беременных, рожениц и родильниц о состоянии их новорождённых сокровищ, отсылали их к врачам неонатологам, а если что не так или непонятно – то и к Ельскому Владимиру Сергеевичу непосредственно, как к заведующему всем детским отде-

лением и вообще, специалисту экстра-класса в славном деле помощи новорождённым, женщины становились бледно-зелёными и вопили: «Нет, кто угодно, только не он!» А одна из них даже показала на пляшущем в её трясущихся руках экране заметку в «Комсомольской зорьке» со ссылкой на блог tdbv.

– Эта доктор у вас работает. Так что она всё и про всех знает! – сказала перепуганная беременная на сносях. – Если бы я раньше это прочитала – никогда бы с вашим родильным домом контракт не подписала! Он же специально детей убивает!

– Во-первых, он не убивает, а наоборот – спасает. Во-вторых, нельзя верить каждой чуши. Мало ли что на заборе написано! В-третьих, откуда вы знаете, что этот... этот тыдыбыр работает в нашем родильном доме?

– А вот и фотография есть! – девочка, пробежавшись пальчиками по планшету, показала Настеньку Разову, сосредоточенно пялющуюся в операционную рану. Помнится, тогда ей разрешили постоять на операции третьей, поддержать надлобковое зеркало. – У неё очень много тут было фотографий. Я её давно зафрендилла, хорошо пишет. Но сейчас она блог удалила, чтобы на неё не было гонений. Она отличный специалист! Я её тут видела. Жаль, раньше не знала, что она тут работает – я бы с ней договорилась на ро-

ды. И не знала, что тут работает этот убийца Ельский. Тогда бы я вообще сюда не пришла! Вот! – не совсем последовательной, но весьма решительной тирадой разразилась беременная.

Доктор вышел из палаты и пошёл сразу к начмеду.

Панин так вздул Анастасию Евгеньевну Разову, что у той навсегда отпала охота хоть что-нибудь хоть на каких-нибудь сетевых заборах писать. Пригрозил увольнением.

Как ни странно, самого Ельского заметка в «Комсомольской зорьке» только рассмешила. Он мрачно заухал – что в его исполнении означало жизнерадостный весёлый смех и, наконец успокоившись, спросил у Панина:

– Так, а кто это? Ну, вот этот тыдыбыр?

– В отделении патологии молоденькая ординатор. Блондиночка такая толстенная, кучерявая.

Вот так вот Настенька Разова, ранее именовавшаяся между акушерками Пушистиком из-за действительно богатой блондинистой пружинной шевелюры, стала окончательным и бесповоротным Тыдыбыром. Для всех. Она не обижалась, когда из родзала звонили и говорили:

– Передайте Тыдыбыру, что уже подняли женщину с ЭКО-тройней. Она хотела присутствовать на операции.

Или когда старая манипуляционная акушерка говорила ей:

– Тыдыбыр, чего-то много фолликулина бабе вкачиваем. Ты дозу согласовала с заведующим?

Или когда старшая отделения кричала из кабинета на весь этаж:

– Тыдыбыр, зайдите ко мне, ознакомьтесь с графиком дежурств!

Блог после той истории она долго не заводила. Целый год. Затем зарегистрировалась на мейлру под ником Анастасия Тыдыбыровна и начала постить котиков...

Честно говоря, Мальцева не раз и не два говорила ныне уже покойному Вовке, что с удовольствием бы махнулась с ним. Ему – его Светлану Борисовну, а ей в отделение – исполнительного, весёлого, добродушного, хотя и несколько глуповато-мечтательно-го Тыдыбыра. Да чего уж там – ротировать так ротировать! – Засоскину, Зада и Тыдыбыра вкупе с Андриевичем-Скумбриевичем ей, а Вовка пусть берёт себе бригаду «Ух!» из двух замшелых пенсионерок, грязного халата и малолетней честолюбивой дуры.

– Не-не-не! – смеялся тогда живой ещё Вовка. – Засоскину ни за что и никому не отдам! Кто мне седалище прикрывать будет, когда я в отлучке? Засоскина своё дело знает. Зад так мельтешит, что всё время

создаётся иллюзия кипящей работы – беременным нравится, когда к ним по пятнадцать раз в день заходят. Скумбриевич всем из моего отделения УЗИ вне очереди делает. А Тыдыбыр бумажки-истории-выписки и больничные со статистическими талонами строит без второго слова. Сами растите кадры, Татьяна Георгиевна!

Очень хорошо, что новым заведующим отделения патологии будет Родин. Вовка был прекрасным человеком и отменным хирургом, но для заведования этого мало. Вовка был совершенно неорганизован. Честно говоря, Татьяна Георгиевна не встречала ещё ни одного гомосексуалиста, могущего себя организовать от и до. Все её знакомые гомосексуалисты были, как бы это помягче сказать, безалаберные. Один вроде восемь языков знает, но без бутылки виски с утра день его разъезжается по швам. Другой художник потрясающий – но к методичной сосредоточенной работе над проектами «за деньги» не способен. А, может, эти трое такие не потому, что гомосексуалисты, а потому что такие? Трое – это немного. Но, тем не менее, уже статистика. В общем, хорошо, что будет Родин. У него вполне такой административный характер. И сексуальная ориентация нормальная. Хотя, возможно, это и не имеет никакого значения. Опять же Вовка никогда не вызывал у беременных, рожениц и родильниц

влюблённых чувств. И вовсе не потому, что мог забыть зайти в палату или не явиться на роды. А именно в связи с отсутствием в нём некой мужественной компоненты. Хотя, разумеется, в гомосексуалистах присутствует мужественная компонента. Просто она как-то совершенно непривлекательна для женщин. А беременная должна любить своего врача. Врачом вообще должен быть только мужчина! Вот, блин, договорилась ты, Мальцева, сама с собой. И, конечно же, более актуальной темы нет у заведующей наблюдательным отделением родильного дома, как только отвлечённые размышления о гомосексуалистах и любви беременных к обаятельным докторам по гетеросексуальному принципу! Просто прекрасно, что Родин будет заведовать патологией. Татьяна Георгиевна знала его не близко. Так, пару раз сталкивались на конференциях-съездах. Но она слышала отзывы о нём от действительно стоящих специалистов. И отзывы эти были хорошими. Что в среде продвинутых в любой специальности коллег может значить, что: а) человек полный ноль и б) человек действительно настолько хорош, что иного о нём и не скажешь. Отличить а) от б) очень легко: в случае полной ничтожности специалиста о его хорошесть будут говорить легко и радостно с налётом некоторой иронии; в случае действительной состоятельности речи будут серьёзными с оттенком

доброй профессиональной зависти и хорошо скрываемого восхищения. О Родине говорили не с налётом, а с оттенком. Не всегда хорошо скрывая восхищение. Кажется, он действительно пришёл сюда просто потому, что на старом месте возможностей карьерного роста не предвиделось. А тут – всё-таки заведующий. Гораздо спокойнее всем – и в первую очередь Панину, – когда в родильном доме есть ещё один такой врач. Из тех, каких по пальцам пересчитать. А то докторов в иные нынешние перенаселённые интернами и молодёжью года случается больше, чем пациенток. А работать и оказывать реальную помощь – некому.

Мальцева спустилась на первый этаж и заглянула в кабинет Маргариты Андреевны:

– КРУ на сегодня отменяется.

– Да знаю! Вот холера! Пришли бы уже, а не тянули кишки. Познакомьтесь, Татьяна Георгиевна, это Карина, рожать у вас хочет. По контракту! – значительно добавила старшая акушерка отделения, зная нелюбовь начальницы к Маргошиным «левым» внезапно поступившим девочкам. – Вот обменную карту принесла, познакомиться желает. И прилечь заранее. В палату люкс.

– Здравствуйте! – встала со стула молодая женщина приятной наружности со слегка покрасневшими глазами.

– Здравствуйте, Карина. Что это у вас глаза на мокром месте? – любезно поинтересовалась Мальцева, беря у Маргариты Андреевны обменную карту. – Да вы садитесь, садитесь. Я тоже присяду.

– Может, кофе?

– Нет, мне кофе нельзя, он у меня и так слишком бодро... ходит, – отмахнулась Карина.

– Да я не тебе, глупая! Тебе не предлагаю. Я Татьяна Георгиевна. Она после утренней врачебной конференции любит кофе выпить.

– В смысле, ходит? – удивилась Татьяна Георгиевна. – Шевелится, что ли, слишком активно?

– У неё глаза на мокром месте, Тань, потому что она дура, – по-семейному доверительно перебила Маргарита, налаживая кофейный агрегат. – Ты расскажи, расскажи Татьяне Георгиевне свои глупости! Она врач, ей необходимо всё про тебя знать!

– Вы, Татьяна Георгиевна, только не подумайте, что я капризная или, там, мне заняться нечем. Это, конечно же, всё, наверное, глупости, и я обычно не рассказываю врачам про личное, но сейчас я чувствую, что пропадаю совсем. А Маргарита Андреевна – она такая добрая... Мне её мама разыскала через свою знакомую из ЖЭКа, дочка которой рожала у вас и Маргариты Андреевны. Поэтому я с Маргаритой Андреевной как-то сразу разговорилась, она мне сразу как-то

как родная стала...

– Да уж, Маргарита Андреевна у нас это умеет. Эмпатию иллюзировать, – немного ехидно пробурчала Татьяна Георгиевна.

– Что?

– Ничего, ничего, Карина. Продолжайте.

– В общем, никогда бы не сказала такого врачам, но сейчас я думаю, что это важно. Потому что сперва я думала, что не важно, а теперь понимаю, что важно.

– Ну давайте, давайте, не бойтесь, Карина. Тут все свои.

Женщина набрала побольше воздуха в лёгкие и, покраснев, выпалили:

– Мой муж ушёл в себя... Поначалу я думала, что он разлюбил меня из-за беременности. Нет, теперь-то я понимаю, почему он уходит в себя. Но я же не виновата, что наш ребёнок такой необыкновенный! Что наш ребёнок такой удивительный! Он должен этому радоваться вместе со мной, а он только и делает, что уходит в себя! Мы так оба хотели этого ребёночка, он страшно долгожданный, потому что у нас не получалось долго, мы даже несколько ЭКО прошли – и тогда не получалось. А потом мы поехали в отпуск по Европе – и там всё почему-то наконец-то получилось естественным образом! Совершенно неожиданно, и мы, кажется, шампанского напились тогда... но это не

важно! Потому что мы оба были счастливы. Но сейчас всё изменилось! Сейчас тридцать две недели, почти тридцать три, и он – муж! – зачем-то дополнительно уточнила женщина, – теперь почти не общается со мной. Совершенно перестал меня обнимать и целовать, зато в Интернете висит часами непонятно с кем! Неделю назад меня упекли на сохранение в родильный дом, что при нашей консультации, и он только пару раз приехал, чтобы подвезти вещи, но ни разу не позвонил, чтобы поболтать нормально. Созвоны на пять минут у роддома я не считаю. А уж его крики: «Зачем тебе погремушки? Рано ещё!» – стараюсь вообще забыть. А ведь раньше мы часами могли болтать по телефону. И он всегда звонил первый! И всегда был ласков.

– Ну, это нормально! – голосом мудрой бабушки проговорила старшая.

– Маргарита Андреевна, не перебивайте! – достаточно резко прервала подругу непонятно почему насторожившаяся Мальцева.

– Да миллионы мужиков перестают обращать на баб внимание, как только они забеременеют и родят, что тут такого? Пройдёт.

– Марго!.. Карина, говорите, – одобряюще обратилась она к беременной.

– Муж признаёт, что у него есть проблемы на нерв-

ной почве и он даже обращался к врачу. Ему прописали успокоительные. Но меня убивает не то, что он нервный, а именно эта закрытость от меня. Он может по два часа говорить по телефону со своей мамой, а мне – за целый день ни слова! Прежде мы всегда были лучшими друзьями, могли часами болтать. Что-то изменилось, и это какой-то ад! Именно сейчас, когда он нам так нужен! Мне и нашему малышу. Я вышла из того родильного дома под расписку, а в родном доме – лёд и холод. Лучше бы и не выходила. У меня паника, Татьяна Георгиевна. Не понимаю, что происходит. Мы почти десять лет вместе, и впервые такое. Мне приходит на ум только одно – он разочаровался во всём, я ему не нужна, он не хочет ребёнка, не замечает ребёнка, и, возможно, даже хочет избавиться от него! Но он мне ни за что в этом не признается. Может, он вдруг осознал всю ответственность и не хочет теперь на себя её принимать?.. Не знаю, что делать. Жутко обидно и страшно. Мы с моим маленьким совершенно одни... Знаю, что реветь нельзя. – Карина всхлипнула. – Но получается с трудом. Может, это временная такая стадия, а? Может, когда ребёнок совсем родится, то всё наладится?

– Что значит...

Мальцева властным жестом приказала Маргарите Андреевне заткнуться. И ласково заговорила с бере-

менной.

– Карина, а когда именно ваш муж уходит в себя? Это же наверняка происходит не просто так, а по какому-то поводу? – уточнила она. – По какому-то вескому поводу, да? – И тут же подбодрила: – Не стесняйтесь, я вам поверю, что бы вы ни ответили. От врача ничего нельзя скрывать.

Марго лишь презрительно пожала плечиками, мол, что ты так серьёзно реагируешь на обычную бабскую муть? Успокой эту очередную беременную истеричку, скажи, что всё наладится, делов-то!

– Мой муж, Татьяна Георгиевна, уходит в себя, как только наш малыш из меня выходит.

Маргарита Андреевна аж горячим кофе подавилась, но осталась нема. А Мальцева, глянув на старшую акушерку укоризненно, наоборот, сделалась доверительнее и серьёзнее прежнего.

– И как это происходит, Карина?

– Обыкновенно происходит, Татьяна Георгиевна! – приободрившись, затараторила Карина. – Малыш с двенадцати недель выходит через... Ну, через то самое место, откуда они все потом окончательно рождаются, и ползает по ковру, агукает, играет в игрушки – их у нас полная гостиная, я несколько ковров туда постелила, чтобы ему холодно не было, и все ковры игрушками засыпаны, я для своего малыша ничего

не жалею! В двадцать пять недель он уже пирамидку складывал! – похвасталась она. – А муж, как только видит, как мы играемся, песенки поём, погремушками гремим – тут же уходит в себя. Даже дома стал реже бывать. Может, он к нему никак не привыкнет? Мы играемся, а когда наиграемся и малыш устал или замёрз – он обратно заползает. Я сколько раз мужа звала с нами поиграть или хотя бы посидеть – он ни в какую!

Старшая акушерка так и стояла у окна с замершей на полпути к следующему глотку чашкой кофе.

– Я так и думала! – тихо сказала Мальцева. – Карина, можно я позвоню вашему мужу?

– Конечно! – обрадовалась беременная. – А вы мне... поверили, Татьяна Георгиевна?

– Разумеется.

– А муж мне не верит! – загрустила она. – Сначала кричал: «Не выдумывай!» – потом садился к нам на ковёр на минутку, меня по голове гладил, а ребёнка вообще не замечал, как будто его и нет. Говорил мне: «Бедная моя девочка, это всё пройдёт, когда ты родишь». А потом и вовсе стал уходить в себя. Даже из дому перестал уходить – только в себя. Как в клубок сворачивается сам в себя, а мне так страшно... Честное слово – сворачивается, уменьшается, и нет его. Как только малыш обратно заползает – муж мой сно-

ва из клубка разворачивается. Иногда я думаю, что это даже хорошо, что так сейчас. Потому что пока муж ещё не сворачивался в клубок, так однажды ночью, когда малышу захотелось из меня ко мне выползти, он его чуть не задавил! Теперь даже спим в разных комнатах. Потому что вдруг он в клубок не успеет свернуться спросонья и задушит ребёнка. Вы ему скажите, Татьяна Георгиевна, что такое бывает. Такое же бывает, раз вы мне поверили, да? И он вам поверит, вы же врач! – с надеждой посмотрела она на Мальцеву.

– Да, я ему скажу, что такое бывает. И мне он поверит. Я же врач. Давайте телефон, Карина. А Маргарита Андреевна вам пока... кардиотокограмму плода пока снимет.

Разумеется, муж Карины поверил Татьяне Георгиевне. Как врачу не поверить?! Он в принципе и сам догадывался, но надеялся, что, может, само пройдёт. Она родит, и это пройдёт. У Карины и мама такая – каждую весну ходит по району и на деревьях ветки пересчитывает. Потом идёт в ЖЭК и пишет заявление о пропаже веток с деревьев. А бабушка – та вообще из дурки круглый год не вылезает. Но Карина-то нормальная была! Они без малого десять лет вместе, и тут она заявляет, что ребёнок вылезает у неё «оттуда». Набросала в доме ковров, сутки напролёт сидит, гугукает, в игрушечки играет. А он так любит её, Ка-

рину, он думал...

– А вы думали, что выпьете успокоительного и проклятый глюк исчезнет? Но галлюцинации-то не у вас, а у неё! Поэтому если вы её действительно любите, то немедленно хватайте и ведите к психиатру. К хорошему психиатру. Сейчас продиктую номер мобильного. Скажете, что от Мальцевой. И что вам срочно! И не выпускайте вашу жену из поля зрения. Неизвестно, что ещё ей может в голову прийти. Она уже не только ребёнка видит. Вы уже тоже в клубок сворачиваться начали. То есть состояние ухудшается. Если уж беременность явилась механизмом активации дремавшего семейного гена шизофрении, то приближение родов и сами роды – стресс не из лёгких. Так что закрывать глаза успокоительным и тем, что «авось обойдётся» – не выход. Пока ещё всё компенсировано. Более-менее. Ваша жена отдаёт себе отчёт в том, что ей могут не поверить. Посторонние. И, значит, осознаёт ненормальность происходящего. Но для неё оно реально! Куда реальнее, чем наш с вами разговор сейчас. Вы не видите, кто я, что я и есть ли я на самом деле. Но разговариваете со мной так, как будто я на самом деле есть, мало того – я есмь врач, и вы веруете в меня. Ваша любимая жена в ужасе от того, что ребёнок есть, но вы – самый близкий человек – ей не верите. Мало того, стали сворачиваться и исчезать на

то время, когда она забавляется с малышом. Для неё это всё – реально! Объёмно, предметно, тактильно и прочим образом материально. Надо было спокойно поговорить с ней и отвести к соответствующему специалисту за ручку, а не жалеть, избегать и не бежать за таблетками для себя.

– Но я так надеялся, что её это обойдёт, что это так, временное помутнение...

– Не обошло. Оно у всех шизофреников временное, это помутнение. Вопрос в том, насколько постоянны последствия. Так что лучше не зажмуриваться, а ясно отдавать себе отчёт. Записывайте номер телефона... Или мне обычную психиатрическую карету вызвать для вашей сильно любимой жены?! – В голосе Мальцевой зазвучал металл.

– Ой блин! Ой же ж блинский блин!!! Сколько лет детишек из баб принимаю, сколько беременных перевидала – а такое первый раз! – спустя час голосила Марго во время подвального перекура. – Он, понимаешь, из неё вылезит, а потом залазит. Ну блин моржовый, надо же! А с виду нормальная. Так и не скажешь никогда, что шизофреничка. Ты-то как сразу догадалась?!

– Есть такие шизофреники, Маргоша, что долго рядом будешь жить и ничего не заметишь. Пока он в тазик с цементом руки не окунёт с целью остановить

кровотечение из порезанного пальца. Или гнездо себе вить из люстр не начнёт. И это всё ещё очень лёгкие случаи. Так что я не догадалась. Я сначала предположила. Самое ужасное в случае этой Карины то, что шизофрения, начавшаяся во время беременности, отличается неблагоприятным течением и ведёт к тяжёлым изменениям личности и это никак не связано с соматическими изменениями, протекающими в этом периоде в организме. А всё с той же молекулой ДНК. Чаще всего, несмотря на наличие реактивно-ситуационных компонентов, имеются определённые диагностические трудности. Но тут баба сама говорит своему мужику о таких выраженных тех самых реактивно-ситуационных компонентах, что любой профессор, читающий курс психиатрии, от зависти удавился бы от показательности. А мужик бездействует. Это тебе уже не завуалированная инициальная симптоматика. Это уже манифест. Так что особо «догадываться» мне не пришлось. Надо было просто дать ей понять, что мы верим. Что я и сделала. Уж слишком как-то не по-бабски она себя вела. Не так, как обычные беременные, с жалобами на остывших супругов. Я ж тоже не первый раз песни об охладевших и ушедших в себя мужьях слушаю. Из этой явно сквозила некая навязчивость. Ей не нужны были твои обыкновенные ремарки про «всё пройдёт».

Не нужна была поддержка и прочие: «родите-похудеете-вернёте форму». Ей нужно было поделиться тайной. И о родильном доме, куда её госпитализировали, она не рассказывала положенных сопутствующих «ужасов» типа холодного душа тонкой струйкой, плохих интерьеров, невкусном полднике и неотзывчивом персонале. Никаких деталей про почему, что да как. И не волновалась за малыша. Действительно, чего ей о нём волноваться? Она же знает, что с ним всё в порядке. Конечно, в порядке, раз он туда-сюда через это самое место как здрастье! – Мальцева, не удержавшись, хихикнула.

– Так что мне её теперь, отшить от греха подальше?

– Отшивать никого не надо. Посмотрим, что психиатр скажет. В любом случае даже моих скудных знаний хватает, чтобы понять, что течение болезни у Карины будет неблагоприятное. Судя по немногим имеющимся на эту тему в литературе сведениям, отчётливая экзацербация³³ процесса наступает на втором-третьем месяце после родов. Так что примем девицу. Рожать-то ей всё равно придётся. В смысле, окончательно! – хохотнула Татьяна Георгиевна.

Марго в ответ прыснула, и они минут на пять зашлись хохотом. Вот, тоже ещё, повод!

³³ Экзацербация – собственно обострение на «психиатрическом» языке.

– У человека тяжёлое психическое заболева-а-ание, а ты – ржё-о-о-ошь! – никак не могла остановиться Татьяна Георгиевна.

– Так ты первая начала, а я, как обычно, винова-а-а-та! – гоготала в ответ Маргарита Андреевна.

– Господи, увидел бы нас кто! – наконец справилась с собой Марго.

– Ага. Или услышал, – добавила пришедшая в себя Мальцева.

– Никто бы не сказал, мол, доброе дело сделали, сказали бы, смеются над несчастной!

– А мы бы ответили, что мы не над несчастной смеёмся, а просто нам никто таблеток успокоительных не выписывает!

– Танька, не начинай!

Подруг накрыло ещё одним приступом хохота.

– Хорош! – рявкнула Мальцева. – Кстати, о добрых делах: накручу Сёме хвост, пусть на ту ЖК, где эта Карина наблюдалась, и на тот родильный дом, где она лежала, докладную в горздрав накатает. Когда я её сюда рожать уложу, разумеется. Не, ну вегето-сосудистую дистонию, которая никому не упала, они в карту в факторы риска ей записали. А шизофрению пропустили. Очевидную цветущую махровую шизофрению!

– Так что, говорят патологией теперь Родин рулит? – вдруг сменила тему Марго. – Он как? Девки го-

ворят разведён.

– Рулит. Он – отличный мужик. И, Марго, я тебя прошу! Только не надо меня сватать, ладно? У меня другие вкусы. Подозреваю, что Засоскина вцепится в него мёртвой хваткой и сделает его «мудаком» номер файв. Кроме того, что Родин отличный мужик – он ещё и хороший врач. Даже отменный. Это для меня куда важнее его матримониального статуса. Во всяком случае, когда он будет ответственным, я буду теперь совершенно спокойно уходить домой спать. Ну или не домой. Но спать. Или не домой и не спать, но уходить буду! Вот завтра он на сутки выйдет – я с утра отсюда и слиняю. Мне надо домой, привести себя в порядок, переодеться. Я с Волковым в Большой театр иду.

Марго сделала большие же глаза:

– В Большой такой театр с большим таким Волковым Иваном Спиридоновичем, вдовцом, папенькой сынишки-зайчика, что у нас в подвале плодик от позднего аборта в пиджачок заворачивал? С Волковым, владельцем ООО «Мандала», ла-ла-ла?!³⁴

– Маргарита Андреевна, я тебя умоляю! Я уже смеяться больше не могу! С ним, с ним я иду. И розы белые, двадцать одна штука, как с куста, он мне послал. А сынишка-зайчишка между прочим, припёр мне чу-

³⁴ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

мовую тряпку да ещё и с запиской: «Спасибо, Татьяна Георгиевна, за то, что вы для меня сделали! Прошу принять этот скромный подарок. Это платье – реплика одного всемирно известного бренда. Я сшил его специально для вас. Прошу вас, наденьте, когда с папой в театр пойдёте». А Панин, к слову, думает, что я с Александром Вячеславовичем в театр иду. И что сама билеты на двоих купила. Так что если сдашь Сёме, с кем я иду, – на месяц отлучу от родзала! Пусть думает, что я стареющая идиотка и завела себе жиголо.

– Ой, это он от ревности такое морозит. К кому ревновать не знает, вот и морозит по первому попавшемуся. Слушай, а что у тебя с интерном-то на самом деле? Этот Саша весьма себе...

– Марго! Интерн и заведующая – это патология!

Кадр двадцать первый

Весь мир – театр!

В понедельник утром Мальцева явилась на службу, как всегда, в половине восьмого. Выглядела она отлично. А как ещё может выглядеть женщина, замечательно проведшая выходные и выспавшаяся на все сто?

– Доброе утро, Татьяна Георгиевна! – первым, кто её поприветствовал, был Родин, сидевший за столом акушерки в приёмном покое.

– Доброе утро, Сергей Станиславович.

– Отлично выглядите.

– Да и вы вполне себе!

– С тех пор как развёлся с супругой, я отлично выгляжу – это правда, – рыжий Родин добродушно рассмеялся. – Татьяна Георгиевна, в субботу, когда я был ответственным, в ваше отделение поступила мадам с запущенным поперечным положением. Кесарево делать было поздно. Плод был уже того-с... Мёртв. Так что я решил крале матку рубцами не портить – а ну как поймёт, что врачи не страшное зло и хоть изредка их нужно посещать, да и дома рожать далеко не всегда, – ну и выполнил плодоразрушающую. Старшая

тут крыльями махала, велела вам звонить, но я решил не тревожить вас в выходные.

– Боже мой, Сергей Станиславович, можно я вас расцелую! – радостно воскликнула Мальцева.

– Какой прекрасный родильный дом! Красивые женщины так и норовят меня поцеловать! – Родин встал из-за стола. – Ну, извольте!

Они с Татьяной Георгиевной немного шутовски приобнялись и почеломкались в щёчки.

– Ваши отделенческие – и врачи и персонал, – с радостью шипели за спиной, что мне от вас попадёт, потому что я нарвался. Я готов и дальше так нарываться, лишь бы мне от вас попадало таким вот образом!

– Ну, это они сгоряча. У нас в отделении я что-то среднее между директором школы и надсмотрщиком на плантации. Потому что никто из них, да и из многих, кто в графике стоит ответственным дежурным, прикладного понятия не имеет, что такое плодоразрушающая операция. Так что нарывайтесь и дальше, дорогой мой Сергей Станиславович. Очень рада, что вы в нашей команде и хоть иногда можно спать спокойно. Только не говорите мне, что вы нарочно поджидаете меня тут, чтобы доложиться прежде, чем я услышу о случившемся.

– Именно поэтому, Татьяна Георгиевна, именно поэтому! Ваша старшая сказала, что вы всегда прихо-

дите на работу как штык. Ровно в половине восьмого утра. Ну, когда вообще с неё уходите. Так что с меня корона не упала оттого, что я вас тут пару минут обождал. Коллегиальность, всё такое...

– Сергей Станиславович! – внеслась в приём запыхавшаяся акушерка. – Спасибо, что согласились тут пару минут посидеть, а то санитарка в главном корпусе, а я бы ещё чуть-чуть – и лопнула!

– Вот видите, Татьяна Георгиевна? Новичок и коллегиальность соблюл и девицу от ишурии парадокса³⁵ спас. Вот такой я замечательный! – добродушно улыбнулся Родин. – Ну-с, до встречи на утренней врачебной конференции.

Рабочий день покатился своим обычным чередом. Внутренняя пятиминутка в отделении. Общероддомовская утренняя врачебная конференция. Обход за-

³⁵ Парадоксальная ишурия – самопроизвольное выделение мочи из переполненного мочевого пузыря при нарушении оттока мочи. Такая ситуация возникает при переполнении мочевого пузыря, когда больной не может самопроизвольно опорожнить мочевой пузырь за счет препятствия в области шейки мочевого пузыря или уретры и несостоятельности мышцы-детрузора. Поступающая из почек новая порция мочи повышает внутривезикулярное давление, и моча самопроизвольно начинает вытекать, преодолевая препятствие. При этом мочевой пузырь не опорожняется полностью. С молодой девушкой такое вряд ли случится, потому как характерно в основном доброкачественной гиперплазии предстательной железы (сокращенно – ДГПЖ, или аденома простаты) в последней стадии. Так что доктор Родин просто шутит.

ведущей. Текущие вопросы разной степени решаемости, при очевидной общей неразрешимости. Докладная на ординаторов первого этажа – Егорова, разумеется, убежала. Отдельный рапорт на Наезжина – за то, что не поставил ответственного дежурного врача в известность относительно госпитализации в отделение в субботу «своей девочки». Ничего страшного, по Родину это не слишком ударит. У них в перинатальном центре возможно был другой модус. Да и в обычной госпитализации ничего такого нет. Но здесь, в этом родильном доме, ответственного дежурного – особенно в выходные, когда не всегда есть заведующие и начмед, – надо ставить в известность обо всём. От поступившей в отделение женщины до забитой прокладками канализации. Он же почему ответственный дежурный врач? Именно потому, что он за всё отвечает. И без его подписи ни один дежурный отделения или тем более внеурочно забежавший в родильный дом доктор, не имеет права принимать решения. Это она сейчас «нормальная девочка», а через час неизвестно что будет. Прекрасно, что Наезжин сам подставляется. Жаль только, что не особо торопится. Профессорский родственничек, мать его. Панин докторскую уже защитил, а эту Денисенку³⁶ всё

³⁶ О защите Панина и профессоре Елизавете Петровне Денисенко – см. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

ещё не может прямо и грубо послать. Джентльмен! За чужой счёт, ага...

То одно, то другое, то к главному врачу вместе с Родиным и Паниным. ЧП, понимаешь, плодоразрушающая операция! Делать-то их разучились. А Родин – умеет. И Мальцева умеет. И Панин – умеет. Потому именно они – Родин и Мальцева – заведующие. А он – Панин – начмед. Ещё и потому Семён Ильич начмед, что умеет своих защищать, тут не придерёшься. Так что «тёрки» в кабинете у главного врача закончились кофейными посиделками.

Рабочий день уже близился к концу, никаких форс-мажоров, тьфу-тьфу-тьфу, не случилось, и Мальцева уже собиралась поехать домой и провести вечер в блаженном одиночестве, в постели с миской сушёной клубники, читая первый попавшийся детектив под гомон какой-нибудь старой комедии.

Но, разумеется, именно сегодня одной из многочисленных протее Маргариты Андреевны вздумалось вступить в роды.

– Ну чё! – всунулась в кабинет голова Марго. – Я её уже в родзал спустила, иди смотри! Она немного странная, эта тётка. Зато тихая. Между прочим, не фу-фу тебе какое-то, а попадья! Поняла? Так что давай, Татьяна Георгиевна, прояви смирение и звездуй арбайтен. Никуда твоя клубника не пропадёт! Она же

уже сушёная!

Действительно тихая попадья была без особых эксцессов осмотрена, предварительно бесцветным голосом попросив Татьяну Георгиевну и Маргариту Андреевну, чтобы на её осмотре и родах не присутствовали мужчины. Понятно, к кому это относилось – Александр Вячеславович сидел за столом.

– Господи, да кого она интересуется, твоя пи... Твой пирожок! – высказалась Марго, чем довела свою собственную клиентку до цвета той самой клубники. Только далеко не сушёной, а полыхающей всеми цветами алого в крапинку.

– Маргарита Андреевна! – прикрикнула Татьяна Георгиевна на подругу. И, обратившись к роженице, сказала: – Катя, разумеется, я могу попросить доктора, сидящего сейчас с нами в родзале, не присутствовать. Но, если нам понадобится анестезиолог, то, извините, девочек в наличии не имеется.

– Не понадобится! – всё так же тихо и бесцветно, но твёрдо заявила роженица. – Это мой третий ребёнок, и в первых двух родах я обходилась без обезболивания.

– Ладно... Идёмте в смотровую.

Маргарита Андреевна, взяв под белые рученьки попадью Катю, провела её в смотровую с нежностью родной матери. Александр Вячеславович посмотрел

на Мальцеву и, кивнув в сторону смотровой, pokrutil пальцем у виска. Татьяна Георгиевна сделала ему строгое лицо, мол, цыть, у каждого свои тараканы, твоё дело сидеть и записывать то, что я тебе продиктую!

У Кати тараканов оказалось как-то слишком много. После осмотра она попросила Маргариту Андреевну посыпать просом порог родзала.

– А если санэпидстанция нагрянёт? Давай так: посыплем и тут же подметём.

Выяснилось, что «так» – нельзя. Надо насыпать и, пока она не родит... Но если никак невозможно просо, то под дверь её предродовой палаты можно положить железную пластинку или иорданский кол. Это предохранит её, Катю, от дурного глаза.

– Та где ж ты тут дурные глаза видала?! – всплеснула руками Марго. – Тут все к тебе по-доброму относятся. И только свои!

– Разные тут люди ходят. Иногда человек в своём дурном глазе не виноват. Так что вы, Маргарита Андреевна, положите, – всё так же тихо, но требовательно произнесла попадья.

Марго понятия не имела, что такое иорданский кол, но метнулась к себе в кабинет и принесла какую-то железяку. И положила её на порог предродовой палаты. Ещё Катя пожелала зажечь под иконками, постав-

ленными в предродовой палате по нынешней моде, страстную свечу и лампаду. Лампады не было, а чем страстная свеча отличается от обыкновенной, Маргарита Андреевна тоже понятия не имела. И притащила какую-то толстую ароматизированную свечу, конфискованную у одной из девиц второго этажа. После этого Катя утихомирилась и стала читать молитвы. «Во имя Отца», «Отче наш», «Верую» и «Да воскреснет Бог». Перед тем как начать, она попросила её не тревожить, потому что каждую из этих молитв она должна прочесть по девять раз.

– А если тебе плохо станет? – возмутилась Марго.

– Не станет! – твёрдо ответила Катя и пошла в предродовую, где на пластмассовой полочке под крохотными ширпотребными иконками источала псевдо-хвойный аромат зелёная икеевская свеча-мутант.

В родзале, кроме Кати, никого не было, вторая акушерка и санитарка были заняты своими делами, и подруги, дав указание, если что, срочно звать, вышли на ступеньки приёма перекурить.

– Ну как твой Большой театр?

– Отлично мой Большой театр. Замечательно. Сто лет не была, – Мальцева замолчала.

– И всё?! – возмутилась Марго.

– Ну, он очень красивый, Большой театр. Не знаю, кому там и что не нравится после реконструкции, но

мне как не слишком большому специалисту в этих вопросах – очень всё понравилось. И даже то, что тенор слегка фальшивил. Значит, хоть в Большом ещё поют живую.

– Да на хер мне твой театр?!

– Ты же сама спрашиваешь: «И всё?!» – опешила Татьяна Георгиевна.

– Ну, мать, ты совсем отупела. Спрашивая про театр, я имела в виду, как там Волков. Который Спиридон Мандалаевич. И в подробностях, в подробностях!

– А-а-а... Прости. Решила, что тебя именно театр интересует. В подробностях, – прыснула Мальцева. – Да ничего особенного, всё прекрасно с Волковым. Вежливый, воспитанный. Не жадный. После театра повёл меня в ресторан. После ресторана – к себе домой. Чем при таком развитии событий взрослые люди противоположного пола обычно занимаются – тебе и так, надеюсь, понятно.

– Сейчас не всегда противоположного! – хмыкнула Марго. – Ну а как именно, как именно вы этим занимались? В какой ресторан повёл? Что вы там ели? Что было за платье? И как это – вы попёрлись к нему домой, если великовозрастный сынишка с ним живёт? Даже если у него хата с футбольное поле, то... Ну там, крики болельщиков, всё такое? Давай, рассказывай!

– Маргарита Андреевна, ну что ты, право слово, как

ребёнок!

– Не как ребёнок, а как раз наоборот – как взрослая, стареющая уже тётка, у которой в жизни ничего не происходит! Что у меня? Работа, Светка, собака. Всё. А у тебя, вон, интересная жизнь! В театр, в ресторан, к небедному мужику домой... – мечтательно закатила глаза Марго.

– Я бы даже сказала – к богатому. Так что совершенно непонятно, зачем ему такая поношенная кошёлка, как я. Но всё равно, Маргоша, рассказывать особенно нечего. Я раз в сто лет в тот театр выбралась. Не пригласи меня Волков – ещё бы сто лет не попала. Так что интересного у меня в жизни мало. У тебя Светка есть. И собака. А у меня только работа.

– Ой, сейчас расплачусь над твоей бесцветной судьбинушкой! – съехидничала подруга. – Мне бы скинуть куда ту Светку и старого барбоса в придачу! Два вечных креста! – сказала Маргарита Андреевна, безумно обожавшая свою великовозрастную дочь-эгоистку и своего верного пса. – Кстати, после визита к тебе Светка стала поспокойнее. Что ты ей такого наговорила?³⁷

– Да ничего особенного. Маргоша, ну отстань с распросами, а? И не называй мою жизнь слишком уж яркой. А то я как поверю, что правда вся блещу и свер-

³⁷ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

каю, греха со мной не оберётесь! На самом-то деле один раз спьяну с интернетом переспала да разок с Волковым в театр ходила. Всё, бля, не жизнь, а сундук магараджи, раскрытый в полдень на ярком солнце. И вообще – у нас попадья в родах, а тебе половых подробностей подавай!

Подруги рассмеялись.

– Единственное, что действительно интересно, так это то, что у сынишки Волкова недюжинный талант. Он это платьишко, что для меня без единой примерки буквально на глаз сшил, – оно реально идеально сидит. Это при том, что ты в курсе, какая я в одежде капризная и как я тряпки люблю. Мне угодить трудно.

– Да уж, знаем. Каждый сублимирует, как может.

– Так вот, в той ресторации, где мы с Волковым нежно ворковали, к нам присоединилась парочка его приятелей. При одном из приятелей была девица из таких, для которых тряпки не сублимация, а жизнь. Так вот эта девица, спокойно кинувшая на пол сумку стоимостью в годовую зарплату Панина, так и впилась в меня, где это я такое платье достала! Она, мол, из Монако погнала на Пятую авеню в Нью-Йорк, потому что ей сказали, что в тамошнем магазине её размер ещё остался – не достала! Потому что частный борт, видишь ли, через океан долго летит. Девица, могущая полететь из Европы в Америку только потому,

что ей платья захотелось, не смогла отличить подделку, выполненную руками младшего Волкова, от оригинала! Это, знаешь ли... И – да! – он снял ему квартиру. И дал некоторые подъёмные. А уже вчера, после эпизода зависти от «Сумки Биркин», он и вовсе стал гордиться как ненормальный. И даже спросил у меня совета, чем ещё он может помочь сынишке...

– О! Он уже с тобой ребёнка обсуждает! Тань, это серьёзно!

– Ага! Маленького такого почти четвертьвекового ребёночка, – засмеялась Мальцева. – Куда уж серьёзнее.

– И что ты ему посоветовала?

– Посоветовала не просить у меня советов. И поинтересоваться у парня, не сошьёт ли он мне ещё парочку тряпок. Пока запал ещё есть меня благодарить. Он ему тут же позвонил. Тот с радостью орал в трубку, что для меня он сошьёт всё, что угодно, совершенно бесплатно, потому что я ему жизнь спасла!

– А ты чего?

– В воскресенье вечером изучала сайты самых дорогущих модельеров.

– Тань, ты снова тупишь. Я тебя спрашиваю: чего с Волковым? И куда теперь впишется Панин... или выпишется? И что с интернетом?

– Да ничего, Марго. Отстань. Они что, матрёшки,

чтобы их друг в друга «вписывать»? Пошли уже к попадье твоей. Третьи роды. И холодно, между прочим. Март, ёлки-палки. Где-то на Средиземном море уже мимоза цветёт и радостные феи в брендовых тряпках стучат каблучками по старинным мостовым. А мы с тобой...

– А мы с тобой повивальные бабки. Зато родину, сука, любим! Пошли!

Через час попадьа Катя потребовала, чтобы её называли Екатериной Андреевной. Не вопрос. Стала метаться по коридору родильного зала и твердить: «Прости меня, белый свет! Прости меня, матушка сыра земля! Я по тебе ходила, много грехов творила: одну душу прости, а другую на свет пусти!» Тоже ладно, нехай бубнит.

– Екатерина Андреевна, вы же жена священнослужителя. Неужели вы полагаетесь на все эти суеверия? – спросила её Маргарита. Но роженица ей не ответила. А только ещё сильнее прижала сложенные руки к груди.

– Екатерина Андреевна! Катя, у вас что-то болит?

– Душа болит!

Спустя пару минут она потребовала от врача и среднего персонала, чтобы они отыскиали ей счастлиное место в сенях, в сарае или в гумне, распахнули все двери, отперли в сундуках замки, сдвинули с ме-

ста столы и лавки, положили на землю пустой мешок. И немедленно отворили в церкви царские врата!

После чего шлёпнулась на пол.

– Преднизолон срочно! – схватившись за телефон, распорядилась в родзал Мальцева: – Святогорского в родзал первого этажа, немедленно! И бригаду – разворачиваться! Эмболия околоплодными водами! – тут же в трубку проговорила она.

– Да ты чё?! – испуганно ахнула Марго.

– Сердце это у неё болит, а не душа. Мечется – двигательное возбуждение. Я тоже, дубина стоеросовая! Беленькая, аж синенькая – бледность и цианоз. «Душа болит» – ну ясен хрен, боли за грудиной. Вот надо же было спутанного состояния сознания дожидаться, чтобы осенило! Давление какое?!

– Семьдесят на сорок.

– Коллапс!

– Измеряли каждый час – в норме было.

В родильный зал внёсся Святогорский. На сей раз без шуток-прибауток. Ибо ему как никому другому от лично было известно, что в случае эмболии околоплодными водами нередко наступает молниеносная смерть, а та треть, которой посчастливилось не скончаться сразу, погибает в течение первого часа после появления первых симптомов. При эмболии околоплодными водами развивается коагулопатия, начина-

ется массивное маточное кровотечение...

– Места уколов кровят! – деловито констатировала анестезистка.

Ночь прошла под знаками кардиогенного и геморрагического шоков. Закончившихся ДВС-синдромом... Попадью Катю спасли только скорость и слаженность действий врачей. И то обстоятельство, что анестезиологом нынче дежурил Святогорский.

– Классика жанра! – сказал он под утро, разводя руками. Они с Мальцевой стояли в ОРИТ³⁸ главного корпуса, куда была переведена попадья. – «Сколько есть в роддоме». Конец цитаты. Академик Владимир Николаевич Серов³⁹. Это я о глюкокортикоидах, Татьяна Георгиевна. Если вы позабыли. Сколько мы в эту Катю влили итога?

– Литров пятнадцать. Или двадцать. Я ещё не все протоколы записала, не все бумажки приклеила.

– Ну, это тебе на неделю работы.

– Интерна посадила. Аркаша, она выживет? – устало спросила Мальцева.

– Ты будешь ржать, но гемодинамика стабильная. Отёка лёгких нет. И даже – тут уже вообще чудо, – время свёртывания почти нормальное. Подержим ещё

³⁸ ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии.

³⁹ В. Н. Серов, академик РАМН, профессор. Президент Российского общества акушеров-гинекологов.

немного на ИВЛ⁴⁰ – и жить будет. Что правда, наверное, заговорит по-китайски. После таких-то реанимационных мероприятий. Поп ейный, кстати, с понятиями. Стойко так вполне себя ведёт, говорит, сделайте всё, что можете, а на всё остальное воля божья. Не отрицает, короче, медицинской помощи. Раз, мол, она существует – реанимация и интенсивная терапия, – значит, и на то воля божья. Об экстракорпоральном оплодотворении и суррогатном материнстве с ним не поговорил, прости. Как-то не до теологических дискуссий было, да и момент, прямо скажем, не очень подходящий.

– Фуф! – шумно выдохнула Мальцева. – Раз ты пусть немного вяло, но уже иронизируешь, значит, всё в порядке.

– Да. Мы герои. Жаль, не могу сказать «как всегда». Смертность от эмболии околоплодными водами наступает в девяноста процентах случаев. Так что отбивайся от Панина здоровым поповичем и тем, что ты не способна диагностировать превышение маточно-го давления над давлением в межворсинчатом пространстве или же повреждения матки и плаценты, когда клиническое течение родов нормальное. Он всё равно пришлёт тебе недосмотр за анализами на свёртываемость крови в динамике и прошлёпанное изме-

⁴⁰ ИВЛ – искусственная вентиляция лёгких.

нение сократительной деятельности матки. Но главное – баба жива.

– Не пришьёт! Анализы регулярно и как часы. КТГ в родах вторая акушерка снимала регулярно. Но орать, разумеется, всё равно будет. Хотя сам прекрасно знает, что прижизненный диагноз эмболии околоплодными водами может поставить только... – Мальцева запнулась.

– Ищете слово, Татьяна Георгиевна? Да-да, вы – то самое слово на «б», – засмеялся Святогорский. – Ну, кстати, никакая... никакой ты не «б». Это могла оказаться и тромбоэмболия лёгочной артерии. Клиника-то один в один. Вовремя ты не отщипнула у неё кусок лёгкого, а поскольку мы её спасли, то и эмболов, содержащих меконий, сыровидной смазки, ворсин хориона и прочих элементов околоплодных вод, мы уже не обнаружим при микроскопическом исследовании.

– Не, ну вот скажи, почему? Ни гестоза у бабы не было. Ни амниоскопии или амниоцентеза ей никто не выполнял. Она же попадья, какие инвазии?! Новорождённый без признаков переноса. В родах никаких окситоцинов и амниотомий. Вообще её не трогали. И на тебе!

– Почём я знаю, Тань? Я ведь тоже не «б». Так, суфлёр при престоле.

– Ну и что писать на клинический разбор?

– А всё как было и напишем. Пусть Панин думает. Он начмед. А не под роспись от себя скажу: ни почему. Вот просто должна была случиться у этой попадьи ЭОВ. Или ТЭЛА. Она и случилась. А мы должны были её спасти. И мы её спасли. У всех и каждого своё амплуа. Кто-то исполняет волю божью, стучая за сценой палкой по листу железа, кто-то, вроде нас, мечется по самой сцене, спасая пьесу от провала. А кто-то и вовсе «Кушать подано!» – что тоже хорошо. Потому что, признаться откровенно, моя младшая подружка, жрать мне захотелось невероятно! Пойдём-ка, навернём овсянки с дерьмовыми роддомовскими котлетами. Я лично ничего более прекрасного в это время суток да после такой ночи и представить не могу. И пока мне рот не заби́ли глиной... Не-не, Бродского тут надо перепереть, – Святогорский глянул на пациентку. – И пока мне в рот не воткнули трубку, из него раздаваться будет лишь благодарность! Спасибо вам, баба Гала, что котлету, коей пренебрегла какая-нибудь очередная травоядная фифа или просто избалованная гусиной печенью девица, вы не отвезли до своих приусадебных свиней, а сохранили для раба божьего Аркадия! Хорош тут торчать, за ней присмотрят, пошли, а то кто-нибудь Галкину зачанку раньше меня срубает.

К Восьмому марта попадья Екатерина Андреев-

на уже давно была переведена в родильный дом. Сперва в палату интенсивной терапии. А затем и на этаж. И утром на пятиминутке о ней доложили лишь сухое: «состояние удовлетворительное, соответствует суткам послеоперационного периода». Новоявленный попович уже находился при ней, а счастливый папаша, шелестя по отделению неонатологии подолом рясы, ловил заведующего отделением Ельско-го, чтобы выяснить, какая смесь самая лучшая. Смеси, в общем-то, тоже богоугодное дело. Панин на пятиминутке был благостен, как благостен любой мужчина как минимум один день в году. Поздравил всех присутствующих дам и попросил особо далеко не расходиться, а покинуть помещение минут на пятнадцать. Собравшиеся через четверть часа женщины обнаружили, что столы, за которыми обычно восседал строгий начмед, сдвинуты, а на освободившемся пространстве топчутся акушеры-гинекологи, анестезиологи, неонатологи и интерны мужского пола, переодетые в женские тряпки. Начав немного вяло, но в процессе, разыгравшись от души, эти взрослые серьёзные дядьки изобразили несколько сценок, явно списанных с присутствующих здесь дам. Дамы пришли в безумный восторг, долго аплодировали и вызывали на «бис». Неизвестно, сколько бы ещё это длилось, если бы в двери не просунулась санитарка при-

ёмного покоя и не сказала бы:

– Семён Ильич! До вас какая-то женщина пришла. Уже час ждёт. Говорит, вы на девять ей наказывали!

– «До вас», господи, «наказывали»... вычислить бы, где эта кузница кадров! – пробурчал Панин. – Что, уже десять часов? – Тут же спохватился он. – Всем за работу! – своим обычным «начмедским» голосом выпалил он вдогонку, наряженный при этом в юбку и парик. Это было так невыносимо смешно, что все грохнули ещё раз. – Родин, где цветы?! Срочно цветы – и за работу!

Рыжий крупный Родин, задрапированный занавеской под вечернее платье, достал из-за кафедры ведро, полное нежных тюльпанов и провозгласил:

– Сценарий писал я. Режиссировал тоже я. Обычно цветы дарят актёрам. На премьере на сцену вызывают сценариста и режиссёра. Ну так я уже сам вызвался, а дарить цветы этим оболтусам-неумёхам – сами понимаете. Поэтому сегодня в нашем театре цветы дарят именно зрителям. За мужество, проявленное при просмотре пьесы. За возгласы одобрения в особо провальных местах. За умение принимать и за мудрую способность отделять мух от котлет. С праздником вас, дорогие женщины! И пусть вам... Господи, чего это я тут как на собрании? – сам себя оборвал Сергей Станиславович. – Актёры, аплодисменты на-

шим прекрасным зрительницам!

– И работать! – занудно повторил Панин и ускакал в приёмное.

– Юбку не забудьте снять, Семён Ильич! – крикнул ему вдогонку Родин.

Кадр двадцать второй

Не прячься за юбку!

– Татьяна Георгиевна, зайдите ко мне! – сказала после обеда трубка внутреннего телефона голосом Панина. И тут же коротко загудела.

Интересно, сколько раз он дозванивался до неё, если она только зашла в кабинет и тут же нарвалась на трель? Значит, опять будет мозги канифолить просто так, «по личному». Потому что когда она нужна ему не как Татьяна Мальцева Семёну Панину, а как заведующая отделением обсервации начмеду родильного дома – он её мухой находит по всем остальным внутренним телефонам, по мобильному или через гонцов-санитарок. Всю неделю имел в хвост и в гриву за эмболию. Ладно, работа у него такая. Честно признаться, она по нему соскучилась. Это с одной стороны. А с другой – опять слушать нытьё про то, что она его не любит? Знает же прекрасно, что любит. По-своему, конечно. И, можно подумать, ему от неё любви надо. Любви у него от Варвары по самые кончики волос. Ему от неё нужно чувствовать себя живым. И самцом. То есть живым самцом. Всем им, за исключением генетического мусора, нужны эти ощущения сам-

цовости и живости. Основной диагноз в его случае осложнён ещё синдромом «памяти сердца», который, как известно, куда более неблагоприятен в прогнозе, нежели нозология «печальная память рассудка». Равно как и текущего состояния мозговой деятельности. Впрочем, сегодня Восьмое марта. И, значит, Панин приготовил ей очередной роскошный подарок. Как на день рождения, Новый год и первое сентября. Да, четыре раза в год Татьяна Георгиевна получала от Семёна Ильича шубы, кольца, серёжки, браслеты и прочие меховые и ювелирные нежности. Фантазии у Панина особой не было, но Мальцева по этому поводу особенно не расстраивалась. Гораздо лучше получить от любовника в подарок соболиную жилетку или подвеску с сапфиром, нежели плюшевое сердечко с трогательной открыткой. Разумеется, в кабинете он ей ничего дарить не будет, кроме скромного «официального» букета. Пригласит в ресторан и вот уже там...

– Можно, Семён Ильич?

– Ну конечно, что ты спрашиваешь! Заходи! Кофе будешь?

– Буду.

– Ну что, мы сегодня, как обычно?

Интересно, Варя все эти сто двадцать лет действительно верит, что у Панина именно Восьмого марта,

именно на Новый год и именно первого сентября случаются urgentные ситуации, сложные случаи и командировки? Хрен бы с ним, с днём рождения, хотя любая бы уже запомнила. Но именно все эти бои часов, сморщенные веточки мимозы и день, когда ты отводишь свой выводок поочерёдно первый раз в первый класс и на первый курс, – они страшно семейные. Нет, Варвара Панина точно всепрощенка или мазохистка. Что, впрочем, одно и то же. В Варином случае. Как минимум четыре ночи в году Панин и Мальцева проводили вместе. Хотя, разумеется, гораздо чаще – и дни и ночи. Но обыкновенный день или неделя на каких-нибудь тёплых островах – это одно. А вот с тридцать первого на первое, с восьмое на девятое и с первого на второе... Такая цикличность с завидным многолетним постоянством даже самую откровенную клиническую идиотку насторожила бы. Нет-нет, Варя не такая дура. Просто она настолько любит Панина, что ей всё равно. Нелепица какая-то. Если любишь, как может быть всё равно? Понятно, что всегда, ещё с самого начала отношений, Панин был для тихой заботливой Варечки небожителем, а она – лишь его служительницей. Но чувств-то никто не отменял? Даже интересно, бывает ли Варваре Паниной больно, обидно или что-нибудь в таком роде? Или же она вовсе не клиническая идиотка, а как раз клиническая психопатка и

просто выучила на «отлично» роль женщины-хозяйки, женщины-матери и прочей хранительницы очага? Захватила яркого мужика в цепкие лапки, воспользовавшись тогдашним его состоянием после расставания с Танькой Мальцевой⁴¹, и поняла, что иначе, чем сыграв полную свою им поглощённость и беззащитность, ей его навсегда не удержать?.. Злая вы, Татьяна Георгиевна. Любит Варвара Панина своего мужа. И, наверное, и боль испытывает, и обиду. Ну, в перерывах между заботами о доме, троих детях и теперь вот и о внучке.

– Как обычно, Сёма.

Чего мужика расстраивать-то? Волков пригласил её слетать с ним в Голландию, извинившись, что деловая командировка пришлась как раз на треклятый Международный женский день и никак не отложить. Но если бы она согласилась, то дел у него не так уж и много – так, личные рукописные формальности, – и они бы прекрасно отдохнули. Она посмеялась, мол, не такая уж она и международная, и есть ещё триста шестьдесят четыре дня в году, чтобы помнить о том, что она просто женщина. А вот с работы её никто, увы, не отпустит. Работа не такая, чтобы отпускали. Летите, Иван Спиридонович, в свою Голландию,

⁴¹ Историю начала отношений Мальцевой и Панина. – См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

не парьтесь. Можете мне оттуда лечебной марихуаны привезти в подарок. Кстати, сегодня утром в приёмное курьер припёр огромную корзину цветов. Даже две корзины. В одной – цветы. В другой – всякое такое, что принято дарить девочкам: шоколадки, ликёры, дорогущее мыло, соли-пены для ванн и прочая приятная дорогостоящая чепуха. Маргоша уже обе корзины распотрошила, составив букеты и презенты от observationalного отделения главной медсестре больницы, главной акушерке родильного дома и профессору Елизавете Петровне Денисенко. Чудесная работа, ничего не скажешь! Стул из-под задницы вырвут и скажут, что так и было! Впрочем, трогательную открыточку от господина Волкова о том, что главный подарок при личной встрече, Маргарита Андреевна щедро оставила Мальцевой. Не упустив, разумеется, случая поглумиться. Мол, а что это он имел в виду? Не свой ли полувекковой орган? Потому что обыкновенно, если есть открыточка, то имеется в виду, что главный – он же лучший – подарочек, это сам мужик. Бог с ней, с Маргошей. Ей тоже не сахар – каждый год крутиться, чтобы начальство и профессоршу побезобидней для бюджета поздравить. Отделению деньги нужнее, чем Мальцевой быстровянущие цветы. Конфеты она не ест, ликёры не пьёт. А собственной косметики столько, что хватит на целый бабский полк. В общем, Волков со

всех сторон удобно поступил. И Татьяне Георгиевне не придётся сегодня ранить нежную Сёмину психику текстом: «Нет, не как обычно, дорогой. Сегодня поляна занята». А то бы тот, как нищий до графа, полез с выяснениями, криками, скандалами и прочими почти семейными сценами. Хотя, может, Панину этих самых семейных сцен как раз и не хватает? Сцен и секса. То есть опять же – живости и самцовости. Да уж, Мальцева, печаль твоя смешна!

– У тебя с... этим интерном... как его?.. У тебя с этим Денисовым всё?

– Что ты имеешь в виду под «всё», Сёма? – ехидненько поинтересовалась Татьяна Георгиевна, принимая у него чашку кофе. – «Всё» – это когда утром мне этот... как его?.. Впрочем, не только я, но и ты отлично помнишь его фамилию-имя-отчество. «Всё» – это когда Денисов Александр Вячеславович мне утром кофе в постель подаёт, да? Причём на регулярной основе, а не первого, девятого, второго и ещё одним утром. «Всё» – это когда мы с интерном Денисовым обзавелись совместным карапузом и он встаёт к нему по ночам? Если ты в этом смысле спрашиваешь, то с ним у меня далеко ещё не всё.

– Прекрасно ты понимаешь, в каком я смысле спрашиваю, змея, – ласково сказал присевший на корточки перед Татьяной Георгиевной Панин и нежно поце-

ловал её в колено.

Внезапно дверь кабинета распахнулась безо всякого стука и стремительно вошёл доцент Матвеев.

– О, боже мой! – театрально вскричал он. – Вам повезло, что это я! Это мог быть кто угодно! Ревнивый любовник, оскорблённая в лучших чувствах супруга, беременная женщина, санитарка приёмного покоя и прочая полиция нравов!

– Кроме тебя, Юра, никто не врывается в мой кабинет без стука! – ворчливо заметил Панин, выпрямляясь.

– Прости-прости, я не обратил внимания на вывешенную на ручке табличку «Не беспокоить!». Я полагал, что врываюсь, как ты изволил выразиться, в кабинет начмеда, а вовсе не в комнату свиданий! И, к тому же, Сёма, я бы на твоём месте был осторожнее. Вот ты тут весь такой практически коленапреклонённый, уязвимый для посторонних и радикулита, к тебе... кхм... врываются. А тут – прострел! Потому как, извините, возраст. И что? Татьяна Георгиевна окончательно скомпрометирована. Ты жалок в своих попытках принять положенное тебе природой гордое вертикальное прямоходящее положение... Ужас! Так что быстро говорите спасибо, что это был я!

– Можно? – Дверь открылась и вошла женщина, держащая за руку трёхлетнего малыша.

– Нельзя! – за Панина ответил Матвеев. – Подождите за дверью!

Посетительница испуганно скрылась.

– Вот видишь, Семён Ильич, в какое двусмысленное положение ты мог бы попасть! В куда более двусмысленное, чем то, в коем ты уже давным-давно пребываешь! Ладно, друзья, я тут не за этим... Подпиши мне, брат Панин, разрешение на операцию.

– А чего я? В гинекологии заведующий есть.

– Заведующий в гинекологии говно. Я тебе давно об этом говорю.

– Да. А он мне давно говорит, что говно как раз ты, Юрий Владимирович. Кому из вас верить?

– Сердцу, сердцу и только сердцу, Семён Ильич. Сердце – оно не соврёт! Вы вот хоть у Татьяны Георгиевны спросите... Впрочем, у неё нет сердца! Так что она ничего об этом не знает.

Что-то у доцента Матвеева сегодня было слишком игривое настроение. Что не лишало его обычной саркастичной язвительности.

– Моё горячее сердце подсказывает мне, что вы оба хороши. Но мой холодный ум понимает, что как специалист ты куда лучше.

– Ну вот раз так, то и подпиши мне своими чистыми руками этот бланк-заявку. И я оставлю вас в покое.

– Там что-то срочное?

– Панин! Похоть лишает соображения, да? Если бы было что-то срочное, я бы к тебе не бегал, как мальчик, а уже бы стоял в ургентной операционной. У меня баба с двусторонней дермоидной кистой. Госпитализировал три дня назад. Так твой придурок заведующий мне никак места в графике не найдёт. А мне как-то не светит дожидаться перекрута ножек со всеми вытекающими последствиями. Сейчас операционная свободна. Но заведующий, понимаешь, не то от меня прячется, не то своих баб с утра начал поздравлять, чтобы всех успеть обслужить. Так что давай, подписывай. Татьяна Георгиевна, присылайте мне своего мальчика ассистировать. Одна киста размером с головку новорождённого, да и вторая не мелкая. Думаю, что и содержимое их будет весьма неординарным. И, соответственно, познавательным для юношества.

– Так он тебя с двусторонними кистами таких размеров тормозит?!

– А вы чем и как доклады на пятиминутках слушаете, Семён Ильич? – ележно поинтересовался Матвеев.

– Давай сюда!

Панин поставил на бланк размашистую закорючку.

– Оставляю вас, голубки! Кстати, у давеча ворвавшейся сюда без предварительного стука дамы, в руках букет и пакет. Не иначе как она вас, Семён Ильич,

решила с Восьмым марта поздравить! – Он распахнул дверь и, крикнув: «Прошу вас!» – унёсся прочь. Мерзавец!

Тут же вошла та самая женщина с ребёнком. В одной руке у неё действительно был букет и пакет, а на другой цепко повис малыш.

– Ну что ты, что ты! Не прячься за мамину юбку. Поздоровайся! Это тётя Таня! А это – дядя Сеня.

Мальцева с Паниным переглянулись. Племянников у них не наблюдалось, а вот количество ненормальных вокруг в последнее время что-то слегка начинало зашкаливать.

Малыш не стал здороваться с «тётей Таней» и «дядей Сеней», а только ещё сильнее прижался к маминной ноге.

– Мне сказали, что вы пошли к начмеду, Татьяна Георгиевна. Хорошо, что я вас тут застала. Я очень тороплюсь, но хотелось поздравить лично. Вы меня не помните? Я рожала у вас три года назад. Как-то раньше всё сильно занята была, а сегодня утром вот прямо встала с мыслью, что надо Татьяну Георгиевну с Восьмым марта поздравить! Я же, Татьяна Георгиевна, снова беременная. Двадцать две недели уже. И снова к вам хочу. Вот, держите! – Она протянула Мальцовой свои дары.

– Спасибо, – сказала Татьяна Георгиевна автома-

тически и так же, встав из кресла, приняла у дамы и цветы и пакет. – Мне, разумеется, очень приятно, что вы обо мне вспомнили, но нужно было вызвать меня в приёмный покой...

– Ой да ладно! – простодушно махнула рукой беременная, мол, что вы тут, Татьяна Георгиевна. – Мне сказали, что вы у начмеда в кабинете, так я через служебный вход пошла. Мне тут тем более УЗИ делать, туда, собственно, и тороплюсь, чтобы очередь не пропустить. Хорошо, что Виталий Анатольевич и в праздник работает, так что очередь сегодня небольшая. Все знают, что начмед ваш муж, Татьяна Георгиевна, так что я в кабинет к мужу не могу зайти, жену его поздравить? Правда ведь? – обратилась она уже к Панину. – Ну не прячься же, не прячься за мамину юбку! Скажи дяде Сене: «Привет!» – подтолкнула визитёрша сынишку.

– Не скажу! – ответил маме малыш. – Он мне не дядя! У меня есть только дядя Лёня.

– С чего вы взяли, что мы муж и жена? – уточнила Мальцева у бесцеремонной посетительницы.

– Ой, да у нас все девочки на этаже это знали! Ну мы пошли. Скажи тёте Тане и дяде Сене до свиданья! Идём, посмотрим, кто там у нас братик или сестричка? Нам по телевизору покажут. Ты уж хоть там, у дяди Виталика, за мамину юбку не прячься, тем бо-

лее что маме юбку придётся снять, – ворковала она со своим сыночком, идя к двери. На пороге она обернулась: – Всего вам хорошего, Татьяна Георгиевна. Счастья вам в семейной и личной жизни. Оставайтесь такой же красивой и доброй! Я к вам рожать приду обязательно, ждите! – И скрылась.

Мальцева расхохоталась.

– Эй, дядя Сеня, что застыл соляным столбом? Муж ты или не муж?! Скажи уже что-нибудь!

– Да уж, простота хуже воровства, – вымолвил, наконец, Семён Ильич. – И не называй меня Сеней!

– Прости, прости! Я забыла, что именно так называет тебя твоя мамочка, пардон, жена, разрешающая тебе не прятаться за её юбку. Ты же у нас взрослый мальчик. Ладно, если всё как обычно, то пойду работать.

– Танька, ну давай не будем портить праздник. Я тебя страшно хочу. Посидим с коллективом в изоляторе недолго. Потом пойдём в какое-нибудь приличное заведение и завалимся к тебе, а? Ты в последнее время так отдалилась... Я лишний раз подойти к тебе боюсь.

– И мне говорит «боюсь подойти» человек, ещё пару дней назад сношавший меня в хвост и в гриву?

– Так то я по работе тебя сношал, – хохотнул Панин. – В общем, не будь злюкой. Всё же хорошо, правда? Всё, как раньше? Ничего не изменилось? Ты ме-

ня всё так же... Всё так же ко мне относишься? Может быть, нам... Вечером поговорим. – Панин вдруг засмутился как стыдливая девица.

– Да, всё, как раньше, – уверила его Мальцева. – Ладно, и правда пойду, Сёма.

Действительно, всё, как раньше. То есть у Панина, как и раньше, семья. А у Мальцевой, как и раньше, четыре дня в году и поездки. Муж и жена, ага. Гостевой брак... Идеальная форма современных отношений. Впрочем, ей ли ему пенять? Сама виновата. Можно только на собственный характер грешить. Только раньше Панин не прятался за это «как раньше». И что это ещё за «может быть, нам...»? Этого ещё не хватало! Его напугало то, что он стал дедом? И он решил ещё раз попытаться всё изменить? Не может быть. Тьфу-тьфу-тьфу!

Кабинет был завален цветами.

– Лучше бы деньгами несли! – безжалостно резюмировала Марго. – Я уже всех даже мелких сошек поперепоздравила, а тебе, прям, как к Мавзолею, несут и несут!

– На тебе ещё в фонды, – протянула Татьяна Георгиевна старшей акушерке отделения букет и пакет.

– Кому я такое говно подарю? – засунула Маргоша нос в пакет. – Этот шмурдяк только безнадежно спившейся хрони на опохмел годится! А, ладно! В изоля-

торе вечером на стол поставлю. Всё сметут.

– Я Родина на наши гульки пригласила.

– Разумеется! Я тоже. Нет, ну какая он всё-таки умица. Первый раз такое было, чтобы наши мужики спектакль устроили, в юбки влезть не постеснялись! Надо на следующее Двадцать третье февраля тоже им что-то подобное замутить. Я сценарий напишу!

– О господи. Теперь у нас в родильном доме две одарённые личности. Нет ничего хуже творческой конкуренции⁴²... – рассмеялась Татьяна Георгиевна.

– Кстати, интерн тебя поздравил?

– С какой такой стати интерн должен меня отдельно поздравлять?

– Ну, мужчина же он, всё такое...

– Маргарита, отвянь! Мы с ним всего лишь разово переспали. Да и к тому же он интерн, день и ночь в клинике торчащий. Откуда ему деньги на подарки брать?

– Ну откуда-то же у него есть своя квартира?

– От родителей. От бабушек-дедушек. Наверняка ничего больше в его наследственных фондах не имеется. Мне достаточно того, что он тактичен и вполне уместно себя ведёт.

Мальцева соврала. Чуть не впервые соврала своей

⁴² О талантах Маргариты Андреевны. – См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

лучшей подружке. Как это ни смешно, но ей было некоторым образом даже обидно, что посреди сегодняшнего завала букетов и подарков не было ни единого цветочка с каким-нибудь плюшевым мишкой от Денисова. И ей было стыдно за то, что ей из-за этого обидно. От адресного личного букетика тюльпанов ещё никто не разорился окончательно, даже приобретя их Восьмого марта. В её время пацаны покрепче были. Во всех смыслах. Ну вот... «В её время», блин! А не спи, старуха, с молодым. Или ты действительно полагала, что он в тебя влюбился? Что за чушь! Ещё одному нервы портить хочешь? Недостаточно, что Панина дёргаешь за верёвочки и он послушным паяцем крутится так и эдак в попытках сохранить своё мужское достоинство? Ох, иногда лучше самая кондовая бесцеремонность, чем такая хитро выверченная завуалированная противоречивость. Выходи замуж за Волкова, Татьяна Георгиевна! Скажи ему при следующей встрече что-нибудь вроде: «Дядя Ваня, вы привлекательны. Я чертовски привлекательна. Мы оба уже не так чтобы юны, так какого хрена время тратить? Давайте поженимся!» Ага... А потом тоже как-нибудь попроще, без изысков, постарайся объяснить дяде Ване, что жить вы будете в основном у него. Но четыре раза в год – с тридцать первого декабря на первое января, с восьмого на девятое марта, с первого

на второе сентября и ещё в твой день рождения – ты будешь не с ним, а с Семёном Ильичём Паниным, потому что так уж сложилась жизнь. И уже достаточно давно. А раз в неделю – то есть пятьдесят два раза в год, – ты будешь обязательно ночевать в своей квартире. Потому что там есть один портрет, за который ты держишься куда крепче, чем малыш за мамину юбку. Вот так вот в лоб это дяде Волкову Ивану Спиридоновичу закатай, да ещё и пожалуйся на то, что интерн, с которым ты спяну переспала, не удосужился тебе даже цветочка преподнести в этот блядский Международный женский день. То-то дядя Ваня обрадуется! Гопака в праздничном трико спляшет и здоровенную конфету на палочке тебе купит. Признай, Мальцева, ты не способна к построению того, что у нормальных людей справедливо именуется приемлемыми отношениями. Сегодня ты примешь подарок у Сёмы и с удовольствием проведёшь с ним ночь. Через пару дней ты примешь «главный» подарок у Волкова. И не без удовольствия с ним переспишь. И всё это время тебе будет отчаянно обидно за то, что интерн, какой-то несчастный интерн, не преподнёс тебе по формальному поводу формальный же букетик. Вы что, влюбились в него, Татьяна Георгиевна? Нет. И что, вы любите Панина или Волкова, Татьяна Георгиевна? Тоже нет. Панин вам нужен, как нужна жи-

вущему в сейсмоопасной зоне хоть какая-то иллюзия твёрдой почвы под ногами. Волков вам нужен, потому что он недурён собой, богат и свободен. А любите вы, Татьяна Георгиевна, только покойника. Вот такая вот нездоровая херь творится в вашей душеньке, госпожа Мальцева. Любая дермоидная киста нервно курит.

– Это была не просто дермоидная киста! – вещал вечером в изоляторе наблюдационного отделения, месте неофициально-негласных роддомовских гулянок, Юрий Владимирович Матвеев. – Нет-нет, ещё по результатам УЗИ я ожидал чего-то необыкновенного, но это! Это был не дермоид, а праздник патологоанатома! Катарсис гистолога!

Первые тосты за прекрасных дам остались позади. Сувениры раздарены. Ещё не подошёл тот момент, когда Засоскина вцепится в Родина, а доктора мужского пола начнут завлекать сюда хорошеньких молоденьких санитарок, но стадия «с бабами о работе» уже вошла в полную силу.

– Вот что такое дермоидная киста, а? Вот вы, пожалуйста, Маковенко! – В Матвееве во всю заиграл доцент.

– Ну-у-у... – проблеяла Светлана Борисовна. – Это доброкачественная опухоль.

– И всё? Это всё, что вы помните о дермоидной кисте, акушер-гинеколог несчастный? Как нам всем из-

вестно, – размахивал маринованным грибом на вилке Юрий Владимирович, – дермоидная киста относится с герминогенным или оогенным опухолям яичников. Действительно, как заметила двоюродная сестра Макаренко, доброкачественным. К опухолям именно этой группы относится зрелая тератома – от греческого «терас», что в переводе «чудовище», – или дермоид. Опухоль эта возникает из элементов недифференцированной гонады, то есть откуда, Денисов?

– То есть из трёх зародышевых листков, – улыбнувшись, спокойно ответил Александр Вячеславович, и на сей раз сидящий рядом с Мальцевой. Как-то так само собой получилось. Хотя Татьяна Георгиевна как раз села на своё прежнее законное место рядом с Паниным. Но начмед задерживался. Пару часов назад его вызвали в ургентную операционную главного корпуса. Уже должен был бы вернуться... Она села на своё законное место, а когда в изолятор зашёл Александр Вячеславович, то доцент Матвеев – сегодня не опоздавший ни на минутку и слишком радостный, что обыкновенно говорило о том, что он неплохо поработал и отлично заработал, – завопил: «Интерн, садитесь к нам поближе! Ваш интерн, Татьяна Георгиевна, большая умница!» Хорошо хоть Маргоша тут же села с другой стороны, чтобы, в случае чего, как говорится «взять на себя». Ну, в том смысле, чтобы при необхо-

димости отвлечь, заболтать и послать. С поручением, например.

– Молодец, Денисов! У вас не только руки стоят, но ещё и... мозги работают. Это, конечно, не велика заслуга – знать термин, но судя по тому, как хлопает на меня глазами милашка Тыдыбыр, слово «голаза» знакомо ей куда меньше словосочетания «топ Яндекса». И возникает дермоид оттуда – в данном случае из голазы, а не из топа Яндекса, – почему? В связи с генетическими нарушениями и пороками развития. Почти у десяти процентов баб – от маленьких девочек до сильно пожилых женщин, – случается этот самый дермоид. То есть не так уж и мало, как понимаете. Дермоид средней статистической паршивости обычно не крупнее куриного яйца. И форма его соответственная. Поверхность гладкая, консистенция мягкая, тестоватая. Случаются, разумеется, неравномерности и плотности, но не так, чтобы очень. Представляет собой этот яйцеобразный дермоид как правило однокамерную кисту. И что там у нас, в среднестатистическом не слишком интересном дермоиде? Волосы, кожное сало. Ну и бугор, представляющий главную часть опухоли. Вот в этом бугре могут таиться уже и зубки и кости, имеющие отдалённое сходство с фалангами пальцев... И дермоид среднестатистический как правило односторонний. Чаще всего спра-

ва. Но сегодня мы с Александром Вячеславовичем Денисовым оперировали необычайной красоты тератому. Это был двусторонний, дамы и господа, дермоид! Каждый с голову младенца. Плотные, бугристые! Слева было образование, описанное в литературе как чрезвычайная редкость! А именно – нечто, имеющее сходство с уродливым до безобразия чудо-эмбрионом. А справа имелось ещё реже описанное в той же литературе скопление, содержащее ткани хвостовой части зародыша, пищеварительных органов, почечной, печёночной, селезёночной и поджелудочной тканей, а также поперечно-полосатые мышцы! Бугры дермоидов были отменно васкуляризированы, рядом с кровеносными сосудами были проложены мощные нервные стволы, вентральные поверхности бугров были оплетены сосудами лимфатическими, как Сан-Франциско столбами с проводами! А стенка одного из дермоидов – так уже даже была воспалена. Поэтому что кончики пучка густых каштановых волос впились в противоположную стенку оболочки дермоида и оттуда, разумеется, попёрла грануляционная ткань. Не прооперируй я её сегодня, то... То давайте выпьем за чудо природы – за женщин! – предложил доцент Матвеев. – И пусть в них будет как можно меньше дерьма. А если уж оно в них есть, это дерьмо, то мы, мужчины, всегда могли оказать своевременную

помощь по удалению одного из их чудесных организмов. И говоря о дерьме, я не всегда имею в виду дермоид!

Вряд ли в какой-нибудь другой компании такой тост, поднятый в день Восьмого марта, был бы дружно всеми поддержан.

Весь в мыле, злой и трезвый Панин явился к моменту, когда Поцелуева вовсю ворковала с Родиным, но до лобызаний взасос дело ещё не дошло.

– Криминальный септический аборт. Матку удаляли, – коротко и тихо кинул он Матвееву и Мальцевой. – Идиотки! Двадцать первый век, а они сами себя ковыряют и потом по углам сидят, пока к стенке не припрёт. – И громко обратившись к собравшимся, немного притихшим при появлении начмеда, сказал: – Дорогие дамы и господа! – Панин поднял услужливо наполненный Маргаритой Андреевной бокал шампанского. – Не буду оригинален – я хочу поднять этот бокал за наших красивых, очаровательных, умных женщин!

Через полчаса Панин вышел из-за стола, шепнув Мальцевой:

– Жду тебя в машине через пятнадцать минут.

В ресторан решили уже не заезжать. Смысл? По-есть – на вечеринке в изоляторе поели. Ехали молча. У них не было принято обсуждать, как это бывает у

многих постоянных любовников предмет под названием: «А что ты сказал жене?» Семён Ильич ни разу за все многие годы их отношений не плакался Татьяне Георгиевне на Варю, не обсуждал с ней своих детей. Ничего такого. Он понимал, что Таньке ничего этого не надо, и не заставлял её изображать из себя всё понимающую. Потому что прекрасно отдавал себе отчёт в том, что Мальцева и «всё понимание» – это как огонь и вода. И в схватке «кто кого» победит всепожирающий огонь, потому как воды всепонимания достаточно быстро иссякают. А у неё хватало ума пресекать своё редкое любопытство. Поскольку частенько случается, что любовница, единожды совершив фатальную ошибку, из вежливости задав вопрос: «Как там твои дети?» – становится заложницей бесконечных излияний на тему этих самых детей и прочих бытовых побасёнок. Мужчины таким образом размывают традиционные границы семейственности, ощущая себя при этом законными магараджами при гареме. Мальцева и так знала более чем достаточно. Потому что уж слишком переплетены были их с Паниным жизни. С тех пор как дни рождения Панина тот стал справлять в ресторане, там иногда появлялись его подрастающие сыновья. На последнем старший так и вовсе был уже с женой. Варя всегда была – хоть к ране прикладывай. Не в смысле слащавости, а в своём беско-

нечном каком-то искреннем желании услужить всем, каждому и в первую очередь самому Семёну Ильичу. Мальцева, к слову, справляя свои дни рождения также в ресторане, каждый раз приглашала Панина с супругой. Но он ни разу с супругой не приходил, мерзавец! Так и сидели рядышком за столом, как муж и жена. Да и старые друзья-коллеги так их и воспринимали – как вполне устоявшуюся чету. Что-то во всём этом было... Что-то от двустороннего дермоида. На фоне криминального септического аборта. Мда... Почему Татьяна Георгиевна никогда раньше всерьёз об этом не задумывалась? Все расставлены по своим местам. Все давно привыкли к таковому положению вещей. Чего сейчас-то вдруг обострение? Чем оно нынче-то спровоцировано? Неужели же тем, что её какой-то мальчик не поздравил с глупым праздником? Из-за этого она мучается тем, чем никогда не мучалась прежде?

– Слушай, а что ты говоришь Варваре по поводу своих отлучек в немаловажные для семьи дни? – спросила Татьяна Георгиевна Семёна Ильича, когда он уже заруливал в арку её дома.

– Ты чего вдруг? – опешил Панин, чуть не врезавшись в полуночную даму с отчаянно залаявшей собачкой.

– Не знаю... Можешь считать, что мне стали небезразличны её чувства.

– С какого такого перепугу? Да и вообще, не будем о ерунде!

– Ничего себе ерунда. У вас с ней трое детей и одна внучка. Ты с ней без малого четверть века живёшь, последние десять с лишним лет регулярно отсутствуя четыре дня в году...

– Далеко не четыре! – перебил Семён Ильич с какой-то даже бравадой.

– Но эти-то, устоявшиеся в календарной незыблемости, четыре дня должны были даже такую святую юродивую, как твоя Варвара, насторожить. После первых лет пяти и она должна была бы связать, – хмыкнула Татьяна Георгиевна.

– Ну ты нашла тему!

Панин запарковался, заглушил двигатель.

– Идём? – ласково спросил он.

– В общем, ушёл от ответа.

– Сиди, я сейчас!

Семён Ильич вышел из машины, достал из багажника огромный букет цветов и только после этого подошёл к двери Татьяны Георгиевны и подал ей руку.

– Это вам, моя дорогая Татьяна Георгиевна! И это ещё не всё!

Ну понятно. Раз объёмных пакетов нет, значит, на сей раз ювелирные изделия.

Сегодня дежурила не старушка, имени которой

не помнила Мальцева, а простоватый парень Саша сильно среднего возраста. Он, как и все отечественные «дормены», считал крепкий сон на посту вариантом нормы. И потому сильно не любил дежурств в праздники.

– О! Здрасьте, Татьяна Георгиевна! Хорошо, что вы меня застали! Я уже собирался снова обратно в каптёрку спать ложиться. Никакого покоя сегодня. Ходят и ходят в гости! Делать им нечего! Уже бы напились наконец и спали! Вот меня тут как раз минут пятнадцать назад дёрнули, так я чайку решил выпить. С праздником вас, Татьяна Георгиевна. Тут вам какой-то мужик ещё вечером припёр веник и плюшевого медведя. Забирайте... И вам здрастьте! – слегка насмешливо кивнул он Панину, как умеют кивать простоватые парни сильно среднего возраста серьёзным умным дядям такого же возраста в случае особо подходящего повода.

– И кто это тебя плюшевыми медведями одаривает, как малолетнюю? – язвительно осведомился Семён Ильич, когда за ними закрылись двери лифта.

– Не знаю.

– Я, кстати, твоего интерна по телефону разыскивал. Хотел его на удаление септической матки взять, чтобы учился. Начмед интерна разыскивал, охуеть! Да не через санитарок, а через старшую акушерку от-

деления, к которому интерн приписан. И знаешь, что мне сказала Марго? Что он на часок отлучился! Охуеть два раза! Ты не находишь?

– Сёма, прекрати! – сказала Татьяна Георгиевна, тиская плюшевого медведя. Хорошо хоть Панин так увлечён своим раздражением по поводу своей же собственной ревности, что не замечает её слишком довольного выражения лица. – У нас впереди праздничная ночь. Давай потратим её не на выяснение отношений, а на что-то более конструктивное!

В квартире Панин, как обычно, стремительно снял ботинки и пальто, развернувшись задом к портрету Матвея, и пронёсся в кухню. Пока Татьяна Георгиевна устраивала в больших вазах цветы, он сварил кофе и налил им по порции виски в её любимые толстостенные стаканы. Затем вытащил из своего букета один лиловый ирис и воткнув его в тоненькую стеклянную высокую рюмку, поставил в центр стола.

– О, сегодня кофе повышенной торжественности? – старательно подавляя иронию, поинтересовалась Мальцева.

– Да. Ты сегодня особенно прекрасна! Кстати, откуда у тебя эта юбка, я такую не помню...

– Ты с большей частью моего гардероба не знаком. В последнее время мы видимся всё чаще в униформе.

– Вот именно. Я хочу познакомиться со всем твоим гардеробом. Я прошу тебя, не язви. Потому что я хочу сделать тебе предложение. Сядь, пожалуйста, и молча пей свой кофе и своё виски. А я буду... – Панин выскочил из кухни в коридор и тут же внёсся обратно. – Вот, в кармане пальто забыл... Таня, я прошу тебя стать моей женой!

Семён Ильич в лучших мелодраматических традициях припал перед Татьяной Георгиевной на одно колено и протянул ей раскрытую коробочку с колечком.

И как на такое реагировать? Заржать в голос, в очередной раз оскорбляя человека если не в лучших, то уж во всяком случае не в самых худших чувствах? Строго сказать: «Прекратите клоунаду, Семён Ильич!» Или ехидно: «А Варенька в курсе, что её законный супруг своей любовнице предложение делать изволят?»

– Ладно, – сказала Мальцева, пригубив виски, прикурив сигарету и приняв у Панина из рук коробочку.

– Что значит «ладно»? – Он сел напротив и тоже приложился к стакану. С тоской глянув на сигареты – попытка бросить номер триста тридцать три.

– «Ладно» означает «поладили». Я согласна, Семён, стать твоей женой.

– Правда?! – радостно воскликнул он.

– Правда! Рождение первой внучки – отличный по-

вод порвать с женщиной, которой ты всю жизнь изменял.

– Тань, ну при чём здесь!.. Если бы ты раньше согласилась, то... – Он кивнул головой в сторону коридора.

– Я согласилась сейчас, – сказала Мальцева и надела на безымянный палец правой руки изящное золотое колечко с вполне приличным бриллиантом. Из тех, что «Сумки Birkin» ласково именуют «каратничек». – Когда ко мне переезжаешь?

– Мы будем жить у тебя? – недоумённо спросил Панин.

– А ты предлагаешь нам жить у вас? У Вари, конечно же, широкая юбка. Всем места хватит, но как-то это немного неудобно, ты не находишь?

У Семёна Ильича стало такое лицо, как у того самого простоватого отечественного дормена Саши, ко- ему с какого-то перепугу предложили расшифровать абзац из учебника теоретической физики.

– Ну нет! – отмахнулся он спустя полминуты, и даже рассмеялся. – Мы сперва снимем квартиру, а потом и купим. Ещё лучше – построим дом. Наш дом.

– А чем тебя моя квартира не устраивает, пока суд да дело?

– Всем устраивает. Если ты снимешь со стены этот огромный портрет Матвея. Фотографии в рамках

можешь оставить.

– А чем тебе мешает этот портрет?

– Тань... Я всё прекрасно понимаю. Я уважал Матвея. Я уважал и уважаю твою любовь к нему. Но пока он тут, я буду чувствовать себя... Короче, трёхспальная кровать типа «Ленин с нами» – это, знаешь ли...

– Вы, Семён Ильич, порой кажетесь мне несколько непоследовательным. Вроде как уже давно должен был привыкнуть. Нас всё время трое. Ты, я и Варя. С той разницей, что Варя, в отличие от Матвея, вполне себе из плоти и крови, а вовсе не портрет. И супружеский долг ты пару раз в год наверняка исполняешь до сих пор... Как минимум из чувства, прости за тавтологию, долга. Я живу с живой Варей. Ты будешь жить с изображением давно покойного Матвея. В чём проблема-то?

– Ну что ты сравниваешь!

– Я не сравниваю, Панин. Я наглядно демонстрирую, насколько я уступчивее тебя. И что основное препятствие к нашему с тобой браку вовсе не портрет покойного Матвея или живая Варя, а то, Сёма, что ты так и не научился быть чуточку терпеливее, чуточку мудрее и любишь ты не столько меня, сколько свою любовь ко мне. Матвей любил меня. Я хочу выйти замуж за человека, который будет любить меня со всеми моими дермоидами! Со всеми моими портретами,

со всей моей язвительностью и со всей моей любовью к плюшевым медведям от малолеток и со всеми моими юбками! – последнее она чуть не прокричала и по щекам у неё покатались слёзы...

Панин подошёл к ней, присел на корточки и, взяв за щиколотки своими крепкими большими ручищами, тихо и нежно сказал:

– Именно на этом месте нас сегодня прервали... Кстати, о юбках. Тань, как ни прекрасна твоя юбка, может быть, ты сейчас не будешь за ней прятаться?

Кадр двадцать третий Осознание очищенного кишечника и выскакивающее тельце малыша

В понедельник в завершение пятиминутки Панин сказал собравшимся:

– Вы прекрасно знаете, коллеги, что в настоящий момент ратующие за право рожать без врачей, продвигают лицензирование деятельности домашних акушерок. Сегодня у них начинается конференция. Мне позвонили из Минсоцздрава рано утром и попросили, чтобы кто-то из врачей и акушерок нашего родильного дома присутствовал на этой конференции и написал некоторые... Ну, не знаю. Заключение. Что-нибудь вроде рекомендаций. На основании услышанного и увиденного. Положительных рекомендаций!

– Угу, а комсомольские значки не начистить? – буркнул про себя Ельский.

– У них что, конференция с демонстрацией будет?! – подал реплику Родин.

– Безусловно, Сергей Станиславович! – совершенно серьезно парировал Панин. – В видеозаписи. Же-

лаете участвовать, доктор Родин?

– Свят-свят-свят! У меня дел по горло!

– Очень хорошо. Вот ими и занимайтесь. От акушерской службы поедут Мальцева и Шрамко. От неонатологов – прошу Владимира Сергеевича командировать кого-нибудь.

– Сам поеду! – чуть громче пробурчал Ельский.

– Татьяна Георгиевна, перестаньте делать мне страшные глаза. Если вы с Маргаритой Андреевной пару часов проведёте на конференции, ваше отделение не развалится. Тем более я сегодня целый день на работе. Так что никаких возражений слышать не желаю. Поедете, послушаете, посмотрите и напишете. Вы – как врач. Маргарита Андреевна – как опытная высококвалифицированная акушерка. И напишете что-нибудь – подчёркиваю! – позитивное. Если Минсоцздрав лицензирует домашних акушеров – нам же с вами легче будет. Тогда за их ляпы будем отвечать не мы. Хотя, – Панин вздохнул, – с последствиями этих ляпов бороться, как и прежде, нам. Но в случае материнской и младенческой смертности в родах на дому, с нас уже не будут срывать погоны, отдавать под суд и ставить к стенке.

– Ага, хотелось бы верить! – саркастично усмехнулся Родин.

– За работу! Татьяна Георгиевна, зайдите прямо

сейчас ко мне, получите адрес и отправляйтесь. Маргарите Андреевне я ещё до пятиминутки позвонил, она вас ждёт уже одетая.

– А почему это ты без кольца? – спросил Панин, как только они оказались у него в кабинете.

– Потому что я на службе. Кто на нашей работе кольца носит? Я уже давно не ношу, если ты не заметил. Раньше всё на доверии было: акушерки и операционные сёстры найдут забытое в ящике стола – принесут. А теперь у нас тут кто только не бродит.

– Не ври, не поэтому!

– Сёма, ты же ко мне ещё не переехал с чемоданами, да? Так что кольцо пока очень условно считается обручальным.

Очень хотелось залепить: «А Варвара уже в курсе? Благословение получил? Нет? Вот и не хер, простите, выёбываться, Семён Ильич!» Но вслух Татьяна Георгиевна сказала только:

– Семён Ильич, давай отныне на работе – о работе, а с бабами – о бабах, ага? Давай адрес. И спасибо, что удружил! Вот уж действительно, больше послать было некого, как только меня и Марго. А если в следующий раз тебе прикажут отправить кого-нибудь на митинг «Оголи сиську против нечестных выборов»?

– Да я сам поеду! С тобой, разумеется...

– Ты-то что оголять будешь?!

– Ну всё, хватит. Кого я ещё пошлю? Ничего, развеешься. Понедельник день неоперационный. На эту конференцию ещё и Денисенко катится. А меня попросили кого-то всё-таки грамотного прислать.

– Они там, в Минсоцздраве, сами не сильно далеко от Денисенко ушли. Были бы грамотные – давно были бы в курсе, что на подобных конференциях несут. Ладно, ты прав, развеюсь... Развеюсь, разозлюсь, озверею...

– Когда ты звереешь, ты великолепно выглядишь! – игриво заметил начмед, протягивая заведующей отделением обсервации программку конференции «Роды без границ».

Через час Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна поднялись на этаж, где располагался большой конференц-зал одной из далеко не последних столичных гостиниц.

– Слушай, всегда удивляюсь, откуда они бабки на всё это берут? – достаточно громко сказала Марго, когда они подошли к регистрационным столам.

Любезная девочка выдала им бейджики и папочки с блокнотиками, ручками, отличного полиграфического исполнения раздаточные материалы и книгу какой-то Светланы Золотарь «Рождение в пространстве Любви».

– И на это?! – удивилась ещё раз Маргарита Андрее-

евна.

Первые минут сорок (полчаса из которых пришлись на отрицание врачебной помощи в родах) какая-то тётенька, обозначенная в программе как Евгения Лоу, несла текст о необходимости окончательного уестествления всего естественного, и о том, как это важно – любить любовь. И всё такое прочее. Маргарита Андреевна даже сладко прикорнула на плече подруги.

– Вставай, соня, кофе-брейк!

– Да-да, кофе и сигаретка не помешают!

– Без сигаретки. В коридоре гостиницы курить запрещено!

– Да чтобы я не нашла тут балкончик или лестницу?! Без никотина я вообще от этой чуши осатанею!

– Ты же спала!

– А подсознание?! Ментальный рефлекс на информационный поток?..

После короткого перерыва продемонстрировали парочку роликов. Схватки в домашних условиях. Муж любит жену, радуется и трёт поясницу. Старшие детки любят маму, радуются и трут поясницу. Жизнерадостный золотистый ретривер любит хозяйку, радуется. И трёт поясницу. Потужной в полумраке ванны откуда-то сверху любительской камерой. Роды в надутый бассейн где-то в московской квартире – в ос-

новном крупные планы домашней акушерки в розовых рюшечках. Роды в бассейн кафельный стационарный – любящие радостные лица роженицы и мужа крупным планом. После следующего кофе-брейка, во время которого Марго рвала и метала, образуя вокруг них с Мальцевой зону отчуждения и перешёптывания, снова вышла Евгения со странной фамилией Лоу (муж – работник не то американской общины христианской молодёжи, не то активный участник движения адвентистов «прямиком к седьмому дню») и представила какую-то синюшную девочку Леночку. Слащавым, экзальтированным на грани катарсиса, голосом она объявила:

– А сейчас Леночка расскажет нам, как она пришла к любви, и поделится собственным опытом! Просим, Леночка!

Раздались бурные долго несмолкающие аплодисменты. Профессор Елизавета Петровна Денисенко, сидящая в первом ряду, чуть ладоши себе не отбила. Спящий на заднем ряду Ельский, переменял позу и продолжил пребывать в объятиях Морфея. Во всяком случае глаза у него были закрыты и дыхание было глубоким и ровным. И только Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна сидели, переглядываясь, и чувствуя себя совершенно неуместными на этом празднике всеобщей оголтелой любви к праздникам.

Леночка горячо поблагодарила присутствующих за поддержку и одобрение и начала свой рассказ:

– Мне не раз задавали вопрос: «Как вы к этому пришли?» – немного смущаясь, произнесла она вводную. – Наверно, уместно начать именно с ответа на этот вопрос. Когда я была беременна и искала информацию, я глотала каждый рассказ о домашних родах как живительную влагу... Но, всё равно, мне было этого недостаточно... Теперь, когда наш малыш родился, я понимаю, что сколько бы я ни прочитала таких рассказов, всё равно, ни один из них не сравнится со своим собственным опытом. Ни один из них не спасёт от ошибок, собственной глупости и разочарования...

– О! Последняя фраза мне нравится! – шепнула Маргарита на ухо подруге. – Неужто она сейчас тут вывалит что-нибудь эдакое, мол, пришлось нестись в родильный дом.

– Не думаю! – шепнула Мальцева в ответ. – Фильтр выступающих на подобных сборищах участниц такого не допустит. Ей, поди, эта Лоу, сто раз текст правила и заставила наизусть вызубрить и отрепетировать.

Девочка-Леночка тем временем продолжала:

– Поэтому, сразу выделю главные моменты: это доверие и взаимопонимание между родителями... и, конечно же, отсутствие страха, но не осторожности, а также мужество и ответственность.

– А это кусок из другой части, просто она с перепугу перепутала, да? – Марго беззвучно захихикала.

Мальцева в ответ лишь отмахнулась.

– Материнский инстинкт во мне проснулся ещё в детстве по отношению к моему младшему братику Женьке. Родился он здоровым, но роды были тяжёлыми – маме делали кесарево из-за того, что он обвился пуповиной. Впоследствии это сказалось на его внутричерепном давлении и в шесть месяцев у него случился приступ судорог.

– А чё так поздно сказалось-то? – снова-здорово принялась комментировать неугомонная Марго и даже обернулась к Ельскому в поисках поддержки. Но тот крепко спал. На Маргариту Андреевну зашикали.

– Мне было восемь лет тогда, поэтому подробностей не помню. Но из-за неправильно оказанной врачебной помощи он оказался прикованным к постели на одиннадцать лет... – Леночка еле сдерживала слёзы. – Ему поставили капельницу, но это было совершенно неправильно... – Голосок выступавшей задрожал. – Жидкость попала ему в череп и нарушила функционирование мозга и центральной нервной системы... – Тут девочка-Леночка совсем сорвалась, а в зале повисла звенящая пониманием и сочащаяся сочувствием гробовая тишина.

– Интересно, факт врачебной ошибки доказан или

девица просто отсебятину несёт? – возмутилась Маргарита негромко и в никуда. Одна из женщин, сидящих в этом же ряду, кинула на Маргошу злобный взгляд и демонстративно пересела поближе к сцене.

– Потом, возможно, можно было помочь, – начала развивать после паузы девочка-Леночка «клинический разбор» случая брата Женьки, демонстрируя «клиническое мышление». – Но при наличии средств, а их не было. Вот, и поддерживали моего братика как могли. Ежедневно мама давала ему таблетки – по сути, успокоительное лекарство, даже наркотик. Чтобы спасти его от болезненных судорог. Передать в двух словах, насколько это всё запало в мою память и насколько повлияло на моё сознание, – невозможно! Я благодарна его душе за то, что он был с нами, ведь он научил меня самому главному – любить и замечать маленькие радости в каждом моменте. Теперь я понимаю, что всё было неспроста. И такие роды, и такая его и наша жизнь. Он пришёл как Учитель...

– Ну ёб твою мать! Как же она сразу-то не догадалась! – зашипела Маргарита Андреевна на ухо Татьяне Георгиевне.

– Маргоша, прекрати! – тихонько ответила Мальцева, еле сдерживая смех. Это ж надо было слышать, с какой интонацией акушерка прошипела свой не очень уместный текст.

– Простите, что я начала всё с такой грустной ноты, – извинилась перед аудиторией вполне себе уже так профессионально разговаривавшая девочка-Леночка. – Но, не зная этого, нельзя понять, насколько ещё с детства у меня зародилось очень настороженное отношение к медицине во всех её проявлениях...

– Господи, живыми хоть уйти! – снова брякнула, склонившись к Мальцевой, неутомимая Марго. – Как медработникам во всех их проявлениях.

– Взрослея, я всегда любила наблюдать за детьми. Я анализировала многое... И не понимала, почему к беременной женщине, да и к беременности относятся чуть ли не как к болезни? Когда я сама стала вынашивать наше чадо, то всё время раздумывала над тем, где же рожать? При мысли, что надо будет идти в роддом, меня всю выворачивало. По многим причинам. Во-первых, роддом – это больница. Во-вторых, там будет очень много всяких чужих людей, мне незнакомых и неизвестных. В-третьих, меня убивало, что ко мне там будут относиться как к одной из многих.

– Поняла, Маргарита Андреевна! – наконец и Мальцева обратилась к Марго тихим шёпотом. – А ты перед каждой своей роженицей выплясываешь, как коза с бубном!

Марго в ответ скривилась.

– Для них это работа, а значит, рутинность и обы-

денность. Я это очень хорошо прочувствовала в женской консультации на протяжении беременности. Я не виню работников роддомов или ЖК. Я понимаю, что сложно постоянно выражать только радость и счастье. Для этого надо прикладывать много усилий. Плюс всякие страхи и опасения – не мои, а врачей... Ведь, к сожалению, в этой сфере медицины врачи следуют не правилу «не навреди», а «сделать всё так, лишь бы чего не случилось», то есть думают не о тебе, а в первую очередь о себе. О своей мнимой ответственности за тебя и за ребёнка. Но и в этом я их не осуждаю. Ведь они просто люди.

– Ой, спасибо, спасибо! – снова зашлась в гневном шёпоте Маргарита Андреевна. – Действительно, мы же просто люди. Да и какие уж там, в задницу, усилия?! Вот вы, Татьяна Георгиевна, помнится вообще ни хрена усилий никогда не прикладываете. Взять случай хотя бы с попадъёй...

– Поэтому чем ближе был тот самый день, тем яснее во мне утверждалась идея о том, что мы будем рожать дома. Что я не хочу идти в роддом! – Голос девочки-Леночки срежиссированно окреп в драматургически верном месте. – Конечно же, мы готовились, – чуть смягчила она нарастающую мощь. – Я перечитала четыре книги по вопросу домашних родов и несколько статей. Мы готовились морально. Ведь

для того, чтобы на это решиться, необходимо взять на себя полную ответственность и не побояться этого. Необходимо проявить мужество отважиться на такое! – В этом месте девочка-Леночка снова включила крещендо. – Но и об осторожности не стоит забывать. – Снова на полтона ниже. – Поначалу я обдумывала вариант с духовной акушеркой, но такую ещё надо найти. К сожалению, в нашей стране домашние акушерки запрещены законом!.. – Мхатовская пауза. Президиум понимающе закачал головами. – Так что акушерку я не нашла и единственным человеком, присутствующим на моих родах был мой любимый муж, с пониманием и одобрением отнесшийся к моим желаниям. Мы никому из родных и друзей не говорили, что собираемся рожать дома, дабы избежать всяких нотаций, нравочений и страшных историй, могущих сбить меня с тонкого астрального настроения. – Девочка-Леночка снова недолго помолчала, наслаждаясь наступившей в зале тишиной: – Ну что ж, лирическое вступление заканчиваю и расскажу по существу. Как мы ни готовились, но глупых ошибок нам не удалось избежать. Буду о них докладывать по ходу событий. Итак, настал долгожданный момент. Началось всё утром в четверг – отошла слизистая пробка с кровянистыми прожилками – я вычитала в книге Золотарь⁴³, которая

⁴³ Фамилия выдумана автором. Любые совпадения – в том числе фо-

есть в ваших папках, что это признак наступления родов. Это и послужило для меня сигналом, что скоро всё свершится. День прошел как обычно – в заботах и занятиях по дому. Пообедали мы в три часа дня – это была моя последняя еда на сутки вперед. Схватки начали усиливаться к девяти часам вечера. Тогда же мне пришла в голову идея: а не поесть ли мне? И надо было прислушаться к своему внутреннему чутью, но мы решили, что уже поздно и зачем на ночь есть? Это правило работает всегда, но только не в день родов.

– Поняла, Мальцева? – ткнула Маргоша подругу локтём в бок. – Правило про «не жрать на ночь» работает всегда, кроме родов. У тебя чуть не каждый день роды. А ты, дура, фигуру бережешь, прячешься, когда я тебя в буфет тащу!

– Да, ещё и поспать мне надо было днём, пока сила и продолжительность схваток ещё позволяли, – продолжала девочка-Леночка. – Но я и этого не сделала. И это была моя вторая ошибка. Потому что когда я уже действительно хотела спать – схватки мне этого не позволили, это было уже под утро. Третьей моей ошибкой было то, что я пыталась форсировать события, что ли... Я думала, что малыш к утру уже родится. Но не тут-то было, к утру всё самое интересное только началось. А у меня уже не было сил ни на сон, ни

на еду. Тем более что я сделала клизму – тоже в книге Золотарь вычитала, что иногда это правильное действие, потому что когда идут потуги, то это как раз по ощущениям очень похоже на чувства во время хождения по-большому и можно перепутать.

– Обосраться без клизмы можно, а не перепутать! А «по-большому», что без клизмы, что с клизмой потянет, идиотка та Золотарь!

– Маргарита Андреевна! – строго прошептала Мальцева. – Давай дослушаем, наверняка будет дискуссия, и вы тогда выскажетесь, хорошо?!

– Бука! – вякнула Маргоша, но замолкла.

– Осознание очищенного кишечника успокаивало меня, хотя было ощущение, что вот-вот что-то появится. Простите за такие интимные подробности, но что может быть более интимным, чем роды и всё, что с ними связано?

– Только выступление на конференции! – сама не выдержав, хихикнула в сторону Марго Татьяна Георгиевна. Но та демонстративно делала вид, что внимательно слушает ораторшу.

– Что ж, в следующий раз, я уже не буду спешить, поем и выплусь. Ну а в этот раз мои ошибки довели организм до такого состояния, что, когда родилась плацента и малыш был на руках, я отключилась. Мой организм выполнил поставленную задачу и ска-

зал: «Всё, хватит – отдыхаем!» Хотя раньше я никогда не теряла сознание. Не знаю, как бы я провела эту ночь в роддоме – воображение даже не дает мне представить, блокирует.

– Тебя бы пытали акушерки-надзирательницы и шпыняли звероподобные санитарки, у-у-у!!! – низко прогудела Марго.

– Прекратите! – зашикали на неё сзади.

– Схватки усиливались постепенно, – продолжала свои несколько непоследовательные рассказы Леночка. – К утру я уже так вымоталась, что хотела спать, но не могла, как я уже сказала. Какие только позы я не принимала. Всё, чего я научилась у Золотарь и у других, конечно, пригодилось, но усталость давала о себе знать. В семь часов утра я перебралась в ванну, предварительно подготовленную мужем. И провела в ней всё время до обеда. Так долго я давно уже не принимала ванну. Забыла совет Светланы Золотарь про обливание низа живота во время схваток холодной водой.

– Ух ты! – сама себе прошептала Маргарита Андреевна. – Надо будет как-нибудь бабу в родах из ведра ледяной водой окатить и сказать, что это прогрессивное ноу-хау, и пусть вякнуть что-то попробует!

– Я, наоборот, старалась укрыть его тёплой водой, – продолжала тем временем Леночка своё повествова-

ние. – Наверное, это было моей очередной ошибкой, так как, возможно, эти действия, наоборот, ещё больше усиливали боль. Чай, который советует Золотарь, я сделала, но пить мне его совсем не хотелось. Только воду. Хорошо, что рядом был близкий человек. Ночью, когда схватки ещё не стали так сильны, было скучно сидеть и ждать. Если бы рядом были чужие люди, как в роддоме, которым ещё скорее всего всё со мной происходящее безразлично... – Леночка демонстративно сглотнула. – Морально меня бы это угнетало. А так рядом был любимый человек и под утро, когда он тоже устал, – я попросила его лечь поспать, потому что понимала, что пока ещё есть время.

Днём, когда я лежала в ванне, он, конечно же, постоянно был рядом. И массаж поясницы делал, и питьевую воду приносил, и просто сидел со мной. Вычитывал в нашем распечатанном руководстве по домашним родам из книжки Золотарь о том, какая у меня сейчас фаза схваток. И как же я цеплялась за фразу: «... когда вы понимаете, что больше уже не выдержите, то выдерживать уже нечего, поскольку роды перешли во второй период, в котором ваше эмоциональное состояние очень изменится...»

– Поняла, Татьяна Георгиевна, то есть когда каждая из наших орёт: «Больше не могу!!!» – так то она уже больше не может. Мы теперь не внутреннее акушер-

ское исследование делать будем, не на открытие ориентироваться, не на положение подлежащей части, а на вопль: «Больше не могу!» Во какая полезная конференция! – ехидно доложила уже непосредственно Мальцевой на ухо отходчивая Марго.

– Когда начались потуги – а это было часов в двенадцать дня, то я пыталась их сдерживать поначалу. Так как вычитала у Золотарь, что при появлении жжения в области промежности может быть разрыв. Я не хотела разрыва, естественно, поэтому старалась сдерживать потуги. Но через минут двадцать-тридцать я почувствовала, что околоплодный пузырь лопнул, поэтому решила больше не сдерживаться, а наоборот, помогать им. И будь что будет. В итоге малыш родился где-то часа в два дня. Родился он почти в воду, так как мужу было неудобно страховать промежность, как советует Золотарь. Да и мне было сподручней полустоя-полусидя, опираясь руками о бортики ванной. А не лёжа в кресле, как обычно. Ведь лежать на спине я в последние месяцы беременности вообще не могла – тяжело было. А рожать – и подавно. Не понимаю, как рожают лёжа? Плюс в вертикальном положении помогает сила тяжести. А горизонтальное положение удобно для врачей, а вовсе не для мамы и малыша. Это был тоже один из моментов, которым я руководствовалась при принятии решения рожать дома.

Довольно продолжительное время после прорыва пузыря я нащупывала волосики на головке малыша, и казалось, будто никуда он не продвигается.

– Сам себе акушер, блин! Это она лежала-полусидела-полустояла в ванной и волосики на головке малыша нащупывала? Господи, свят-свят-свят! – Маргоша размашисто перекрестилась.

– И вот долгожданный момент настал! – патетически воскликнула Леночка. И умиленно-трепетно продолжила: – Женя выключил свет, зажёл свечи, чтобы малышу глазки не слепило, и вылил заранее подготовленный раствор морской соли из трёхлитровой банки – про глазки и соль мы тоже в книжке Золотарь вычитали. Головка малыша так быстро проскользнула, что я лишь только почувствовала жжение, но не боль разрыва. Хотя разрыв всё-таки получился. Небольшой, около сантиметра. Муж мне говорит: «Он тёмненький!» – девочка-Леночка прибавила в голос сахара. – Только на кровати в комнате я обнаружила, что он, оказывается, рыженький, а не тёмненький, и что ручка к щеке прижата. Думаю, что из-за этого тоже мог быть разрыв. Сколько там той ручки? Как раз лишний сантиметр в диаметре – вот и получился разрыв. Муж проверил, что он пуповинкой не обвит, и вот, последняя потуга и выскочило тельце малыша! Муж его сразу в воду окунул. Хотели, чтобы малыш родил-

ся в воду, но так не получилось – поэтому он держал его в воде секунд тридцать, а для меня это было целой вечностью. Малыш после этого сразу заплакал. Меня даже это немного расстроило. Я понимала, что в этом и моя ответственность. Я недостаточно хорошо расслаблялась и не настолько прилагала усилия найти с ним эмоциональный внутренний контакт во время родов, да и во время беременности. Ничего, мы всё наверстали уже после рождения. Мы его сразу приложили к груди, но он не стал её сосать – это произошло уже позже, на кровати. Я сидела и рассматривала мою кровиночку, – голос девочки-Леночки стал приторнее сиропа. – И не могла наглядеться – какой же он красивый и интересный. Такие ушки, такие ручки, носик, глазки, ротик.

– Жопка, писька, аспирационная пневмония! – снова шепнула Марго, пока в зале многие утирали слёзы умиления.

– Всё такое прекрасное и идеальное. Думаю, мамы меня поймут... Плацента быстро отошла, несмотря на то что он не сосал грудь – а это, как я вычитала, стимулирует выработку гормона окситоцина, который помогает продвижению родов. Врачи порой могут его вводить, чтобы стимулировать роды – но это ужасная ошибка. Главное, на мой взгляд, что даже если вы рожаете в роддоме – не позволить им вмешиваться в

естественный ход родов.

– Ага, так и колем всем подряд окситоцин, выскакивая из-за угла! Чтобы роды... – Марго хмыкнула, – продвинуть!

– Есть такая идея, что гормон, который запускает роды, выделяет организм малыша. И вообще, в процессе родов гормоны мамы и малыша взаимодействуют и помогают друг другу, и любое вмешательство в виде инъекций искусственных гормонов – всю эту взаимосвязь могут нарушить.

– Слышала звон, но не знает, где он, – снова не удержалась от ремарки и Мальцева.

– И вот, сижу я в ванной, держу малыша – и отключаюсь. И только сквозь сознание слышу плач ребёнка и думаю: «Успокойте его кто-нибудь!» Я сидела в позе по-турецки и малыш упал мне на колени. Муж очень перепугался. А я никогда раньше в обморок не падала. Удивительно, насколько организм умный и сильный. Он решил, что свою миссию он выполнил и можно отключиться.

– Поняла, Татьяна Георгиевна, чтобы никого больше не смела выводить из коллапсов, спасать от эмболий! Потому что организм – он, сука, умный! Сам знает, когда ему нужен коллапс! Не, ну кто эту Леночку в цирк пустил, а?!

– Муж перенёс малыша на кровать. Он уже не пла-

кал и стал рассматривать всё вокруг. А потом муж и меня омыл прохладным душем и перенёс на кровать. Как только я приняла горизонтальное положение, сразу пришла в себя и голова перестала кружиться, а в глазах темнеть. Но только я принимала вертикальное положение – у меня сразу темнело в глазах. Так забавно было.

– Обхохочешься! – резюмировала Маргарита Андреевна.

– Сейчас нас выгонят! – шепнула ей Татьяна Георгиевна.

– Я никогда раньше не падала в обморок, – чёрт знает в какой раз повторила Леночка и развела руками-веточками. – Муж предлагал вызвать «Скорую», но я никого не хотела видеть. Это была уже пятница, и мы понимали, что обыкновенного участкового врача сможем вызвать только в понедельник. И самый главный момент, одна из основных причин, почему мы не пошли рожать в роддом. – Голос девочки-Леночки снова окреп и приобрёл идейно-кликушеские нотки. – Это перерезание пуповины. Мы перерезали её через двадцать часов, к тому моменту она настолько пересохла, что её надо было откусывать.

– Всё, Мальцева, у меня кончились не только слова, но и маты! – наклонилась к подруге Марго. – Теперь я нема, как рыба.

– Это не просто какая-то прихоть или баловство! – строго продолжала вещать девочка-Леночка. – Это очень важно как с физиологической, так и с психодуховной точки зрения. Во-первых, во время родов часть крови малыша перетекает в плаценту, чтобы он занимал меньший объём, поэтому очень важно не перерезать пуповину, пока в ней пульсирует кровь. Во-вторых, в последние секунды родов, организм матери собирает всё самое важное и ценное и спешит передать это малышу с последними каплями крови через пуповину. А её чаще всего именно в этот момент перерезают. И забирают плаценту на дорожные лекарства. В-третьих, энергетическая пульсация в пуповине присутствует и через несколько часов после родов. В-четвёртых, малыш получает кислород через плаценту, он не сразу начинает дышать лёгкими, и, если перерезать рано пуповину, он может недополучить очень важные капли кислорода, которые помогут ему плавно перейти на дыхание лёгкими. Вот, поэтому мы не хотели идти в роддом. Мы не надеялись, что нас там сразу поймут. Даже наш педиатр какой-то бред стала нести о том, что он чем-то мог заразиться из-за того, что мы не перерезали сразу пуповину. Не знаю, откуда у неё такие идеи возникли. В обществе почему-то устоялось мнение, что пуповину надо срочно перерезать, как только малыш появился на свет,

даже не дожидаясь, хотя бы, рождения плаценты. Не дай бог, получит всё самое полезное от мамы. – Голос девочки-Леночки преисполнился горького гнева. – Но это проблема в сознаниях людей. Надо расширять сознание... Это самое главное!

Леночка улыбнулась в зал, улыбнулась президиуму и особенно ласково – Евгении Лоу. Та подбодрила её кивком, мол, продолжайте, смелее! Мы вас любим так, что за ушами трещит! И синяя девочка-Леночка продолжила приторным-приторным голосочком:

– Но, вот, началась совсем другая жизнь. Честно признаюсь, что настолько я желала появления нашего малыша и настолько я этого ждала, что мне до последнего момента не верилось, что это произойдёт. По этой причине я упустила несколько важных моментов во время родов, которые пришлось навёрстывать потом по ночам. Моменты эти касались того, что делать с малышом. Молоко у меня появилось то ли на второй, то ли на третий день. Малышу необходимо получить первые капли молозива для правильного функционирования его кишечника. Я переживала, что молоко не появляется, но не поняла сразу, что прозрачная голубоватая жидкость – это и есть молоко. И неправильность моего питания – мне нельзя было есть хотя бы первые десять дней свежих овощей и фруктов, особенно огурцов. А первой моей едой по-

сле родов был салат из огурцов и редиски с укропом и варёная молодая картошка. Это было ошибкой, потому что мы обрекли наше чудо и себя на бессонную ночь. Его пучило, и он много плакал. Ещё – обработка пупка. Пока была культя – мы оставили два с половиной сантиметра, хотя можно было и один сантиметр, так как у нас она была уже засохшая и цеплялась, – я обрабатывала перекисью водорода. Смывала все корочки, а потом капала мёд. Когда культя отпала, надо было уже не смазывать перекисью – так я только мешала заживать ранке, по сути, каждый раз её вскрывая. Но вскоре до меня дошло, и я стала смазывать просто спиртом. Зелёнкой мне не нравилось. Я была вся в зелёнке и ничего не было видно у него в пупочке. В конце концов пупочек у нас зажил нормально. Зажил бы ещё быстрее, если бы не мамина глупость. Что касается одевания и пеленания: я его не одевала совершенно. Только укрывала простынкой. Это помогло ещё и с туалетом. Есть целая книга «Жизнь без подгузников» – я её так и не дочитала, но мне понравилось. А у Золотарь я вычитала, что можно высаживать малыша, начиная уже с седьмого-девятого дня. Вот мы и стали высаживаться. Лучше всего получалось после сна и после кормления. От промахов вообще мы практически избавились только к шести месяцам. Малыш спит с нами – это удобно во многих от-

ношениях и даже полезно для психического равновесия. Это важно для малыша. Я это чувствую. И это удобно для меня, особенно ночные кормления и сон. Вот, собственно, у меня всё!

Зал снова грохнул аплодисментами.

– Можете задавать вопросы, дамы и господа! – милостиво позволила в микрофон распорядительница Лоу.

Вверх вдруг взметнулась рука проспавшего всю речь девочки-Леночки Ельского. Евгения Лоу несколько насторожилась, но тут же, сделав соответствующее моменту лицо, обратилась к аудитории:

– На нашей конференции присутствуют представители официальной медицины. Они наши друзья и помогают нам в нелёгком деле преломления косности всех вра... – ведунья осеклась и тут же поправилась: – Недопонимания некоторых медицинских работников. Так что, Лена, если вы не против... Прошу вас. – Приветственно-разрешительный жест в сторону уже поднявшегося неонатолога.

– Владимир Сергеевич Ельский. Заведующий отделением неонатологии и детской реанимации, врач высшей квалификационной категории, кандидат медицинских наук, сертифицированный эксперт Всемирной организации здравоохранения по вопросам младенческой заболеваемости и смертности в стра-

нах Восточной Европы, – по всем регалиям представился Ельский, что было для него не то что нехарактерно, а просто из ряда вон. – Лена, я очень внимательно прослушал ваш рассказ. И у меня возник целый ряд вопросов. Я их даже записал. Итак, какой именно диагноз был у вашего братика Женьки? Какую именно капельницу и с чем и куда поставили вашему братику Женьке? Какой именно, как вы утверждаете, наркотик давала ваша мать вашему братику Женьке? Что конкретно вы имеете в виду, говоря «жидкость попала прямо ему в череп»? Фигурировала ли в изначальном диагнозе гидроцефалия? Если не было, то в результате чего она возникла и с чем проводилась дифференциальная диагностика? Вы реально полагаете, что ваши основные ошибки то, что вы не выпалились и не поели? Знаете ли вы, что сейчас в родильных домах можно рожать лёжа, стоя, сидя, раком, боком, с прискоком и даже в джакузи? Вы действительно полагаете, что рожать надо во мраке, потому что свет ребёнку «глазки слепит»? «Ручка прижата к щёчке» – не из-за асинклитического ли вставления? У вас действительно два часа длились потуги? Вы на самом деле держали новорождённого полминуты в солевом гипертоническом растворе? Вы и правда расстроились, что ваш ребёнок заплакал после того, как вы его из гипертонического раствора извлекли живым,

и причиной этого считаете плохо налаженный эмоциональный контакт с внутриутробным плодом? Лена, как вы представляете себе «каплю кислорода» и знакомы ли вам такие слова и словосочетания, как «физика», «перфузия» и «инфекции группы TORCH»?⁴⁴ В курсе ли вы, что педиатр только в институте учится шесть лет, а не читает «одну понравившуюся книжку» и ту «не до конца»? Известно ли вам, Лена, что неушитые разрывы промежности ведут к осложнениям в следующих родах, я уж и не говорю о неушитых разрывах шейки матки, ведущих к образованию рубцов? Вы осведомлены, что такое коллапс? Знаете ли вы, что молозиво – это не то голубое, а самое первое, что выделяется из ваших молочных желез и нужно не для работы кишечника, а для иммунитета? Сделали ли вы своему ребёнку прививки? Вы знаете, Лена, что у вас железодефицитная анемия и, судя по габитусу, туберкулёз? И последний и главный вопрос: хоть кто-нибудь известил вас о том, Леночка, что вы – клиническая идиотка? Спасибо. – Ельский, тихо, но чётко и внятно пробубнив вопросы так, что весь зал вынужден был напряжённо и внимательно

⁴⁴ Инфекции группы TORCH – аббревиатура от англ.:1. Т – токсоплазмоз (toxoplasmosis)2. О – другие инфекции (others)3. R – краснуха (rubella)4. С – цитомегаловирусная инфекция (cytomegalovirus)5. Н – герпес (herpes simplex virus)

вслушиваться, вразвалочку вышел вон, сопровождаемый недоумевающей тишиной.

– Ай да Ельский! Ай да сукин сын! Молодец! – во весь голос заорала Марго и захлопала в ладоши.

Весь зал по инерции подхватил. И Ельский сорвал нехилую овацию, пока собравшиеся не прочухали что к чему. Под их яростно-благородный гомон Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна незаметно покинули зал как раз в тот момент, когда Евгения Лоу тащила на сцену профессора Елизавету Петровну Денисенко. Её доклад: «Плюсы и минусы домашнего родовспоможения» был в программке как раз после девочки-Леночки. Хотя вряд ли ей удастся заполучить такие бурные аплодисменты, какие достались Ельскому.

– У вас в ресторане всё ещё можно курить? – уточнила Мальцева у придверного служителя в форменной курточке на первом этаже гостиницы.

– Конечно, дамы! Любой каприз! – радостно ответил тот, гостеприимно распахивая двери.

– Марго, пошли! Я угощаю! Хочешь салат из огурцов с редиской и отварного молодого картофеля с укропом? В это время года они отвратительно дороги в этом заведении! Но надо пожрать! Неизвестно, где, как и в какое место каким местом ночь застанет!

– Да! – радостно заверещала Маргарита Андреевна. – И по капле не повредит!

– По капле кислорода! У вас есть свежая капля кислорода для расширения утомлённого сознания? – строго уставилась Татьяна Георгиевна на подошедшего симпатичного официанта.

– О да! Какого именно кислорода накапать дамам? Виски, текила, водка, мартини...

– Тащите абсент! Именно эта разновидность кислородных капель расширяет сознание по понедельникам, как никакая другая! А мы пока изучим меню...

Кадр двадцать четвёртый

Меню

– С Сёмой, что ли, вчера была? – крикнула Марго после того, как они опрокинули по рюмке. – Боже, какая гадость!

– Ты про Сёму? – усмехнулась ни капельки не скривившаяся Мальцева.

– Да нет, я про это зелёное пойло!

– Прекрасное пойло! Уводящее от мутно-серой действительности в ярко-жёлтые ваноговские подсолнухи!

– Как ты это пьёшь?!

– Ртом, Маргарита Андреевна.

– Ты меня не забалтывай! Колись, что он тебе подарил на этот раз?

– Кольцо.

– Кольцо, – фыркнула подруга, опять алчно жаждущая подробностей. – Какое кольцо, с чем кольцо?

– Золотое кольцо. С бриллиантом. Обручальное! Это самая подробная подробность.

Старшая акушерка отделения наблюдения залилась хохотом на весь пустующий в это время дня зал ресторана.

– Это какое уже по счёту, третье?

– Четвёртое.

– Ты опять отказала?

– Нет, Марго. Я согласилась.

– Да ты что!!! Давай немедленно зелёного за это!

– Давай!

Подруги чокнулись и опрокинули.

– Ни фиги себе!.. Что-то меня рубануло не по-детски, – заключила Маргарита Андреевна. – Надо жратвы побольше себе заказать. Тем более – ты угощаешь!.. Ну а он что? Обрадовался?

– Разумеется, рубануло. Там же семьдесят градусов. А ты, дура, так и не научилась завтракать. Куда как лучше на ночь напихаться! Учю тебя всю жизнь, учю – всё без толку!.. Обрадовался. До потолка скакал, ага.

– Что-то у тебя тон какой-то странный, Танька, – Марго пропустила мимо ушей «диетическую» тираду. – Давай, выкладывай.

– Маргоша, ты же у нас баба умная. Могла бы и сама догадаться. Он настолько был ошарашен тем, что я согласилась, что... Ну, не знаю, как сказать. По-моему, тут же пожалел, что предложил. А то вот была у него такая красивая игра, где-то даже сказка: он предлагает мне замуж, я с язвительным хохотом отказы-

ваюсь. И он чист соблюдением формальностей, и сука – опять я, что и требуется ему пожизненно доказывать самому себе. А тут я ему говорю: «Ладно!» Он аж с лица спал! И продолжает лепетать про то, как мы снимем квартиру. Или купим. Или построим дом. Видимо, когда-нибудь. Когда-нибудь очень потом, когда нам с ним вполне хватит для счастья по отдельному небольшому боксу в доме сильно престарелых.

– Гондон! – яростно выпалила Марго. – Я не вам, – тут же улыбнулась она подошедшему официанту, уточнившему, готовы ли дамы сделать заказ и не повторить ли им по пятьдесят капель зелёного кислорода.

– Повторить! – сказала Мальцева. – Мне повторить. Те самые два по пятьдесят абсента, причём сразу. Ещё греческий салат и осетрину на гриле.

– А мне...

– А ей – жидкую овсяную кашку для начала. Пусть сперва свою язву покормит, свежезадублённую абсентом, а потом уже сама поест!

Официант унёсся исполнять.

– Он не гондон, Маргоша. Он обычный мужик, которому удобно всё так, как оно есть. Но у него присутствуют некие чувства, некий кодекс чести, всякие томления... И всё такое прочее. Шелуха. Ничего не выйдет. Я представляю себе, как Панин подходит к сво-

ей Варваре, приготовившей ужин из семи блюд, и говорит: «Варвара, мне надо с тобой серьёзно поговорить!» – Мальцева очень забавно копировала Семёна Ильича. – Варя ахает и, присаживаясь всей своей толстой жопенью на табуреточку, уточняет: «Что-нибудь случилось, Сенечка?» – «Нет-нет, ничего не случилось, просто я ухожу к Таньке Мальцевой, собери мне, пожалуйста, чемодан!»

– И курицу варёную в пакетик! Мало ли чего! – не удержавшись, хихикнула Марго.

– И Варвара отправляется укладывать Семин скарб, аккуратно складывая рубашки, брюки, майки, трусы, носки... и курицу. И при этом заботливо лепечет: «Ой, слава богу! Я подумала что-то с детьми! Передай Татьяночке Георгиевне, что вот эти брюки надо гладить только через салфеточку, а вот эту рубашечку стирать только вручную. Если ей нужен будет рецепт твоих любимых голубцов – пусть звонит, не стесняется! А лучше я сама приготовлю и привезу». Да у него в глотке застрянет своей Варваре сказать, что он уходит, подаёт на развод и всё такое. Он просто не сможет. Он всегда был очень техничным спортсменом, но у него никогда не хватало смелости и безумства на рывок. Потому во всех своих давным-давно прошедших соревнованиях-олимпиадах-спартакиадах он занимал вторые или третьи места. Я не к тому, что я

приз. Я о Сёмином характере. То, как человек ведёт себя в спорте, – очень показательно. Панин – техничен. Но не безумен. Он и на работе такой. Он прекрасный врач. Один из лучших акушеров-гинекологов в этом городе. Но именно благодаря своей методичности. Той самой техничности. Алгоритмичности, если угодно. У него никогда не хватит смелости принять какое-нибудь важное из ряда вон выходящее интраоперационное решение самостоятельно. В отличие от того же, к примеру, Матвеева. Никогда не хватит духа предпринять что-нибудь экстраординарное, что делать не принято, как это может Святогорский. По Панину – пусть лучше будет, как оно будет, мы сделаем всё, что можем, но в рамках дозволенного. Он никогда не пойдёт на откровенный риск, где или пан или пропал. Он втайне завидует неординарным элегантным решениям Матвеева и залихватской интеллектуальной смелости Святогорского. А сам он – всего лишь отличный технарь. Ремесленник. И это прекрасно. На работе. И, может быть, даже в спорте. Ибо стабильность – действительно признак класса. Но не в так называемой личной жизни. Короче, меня тут от абсента понесло что-то. Если коротко, Марго, то Панин – не безумец. Но очень хочет быть безумцем. Точнее – прочувствовать то безумие, что не безумие, а суть, нечто выше ума. И я у него что-то вроде возможности

перманентно и безопасно реализовывать это своё желание. Высунулся из окопа, пара пулек просвистело, и назад – в штабной блиндаж. Даже в своих попытках подражать безумию он техничен и алгоритмичен. Все эти подарки, разговоры, незыблемые Четыре Дня, жесты, любовь...

– В любви он тоже техничен? – хихикнула слегка таки поплывшая от абсента Марго.

– А то! – рассмеялась Татьяна Георгиевна. – Знаешь, в Панине есть некий мрачный сэксапил.

– Да, он всегда нравился и нравится бабам, я в курсе!

– Не потому что он красив и хорош фигурой. Не поэтому. Именно вот этот слегка надрывный безысходный сэксапил. Ни к малейшему пиздостраданию, как это ни странно, никакого отношения не имеющий. Где ты видела настолько организованного, как Панин, пиздострадальца? Именно эти его техничность вкупе с мрачной сексуальностью делают его очень хорошим любовником.

– Что, даже лучше молодого Денисова?

– Ну что ты сравниваешь! Александр наш Вячеславович по сравнению с Паниным – мороженое. Ну или торт. Яркий праздничный торт. Очень вкусный, но не будешь же ты постоянно жрать торты!

– Я бы очень даже жрала всё время только торты! –

утробно хохотнула Маргарита Андреевна.

– Кефиру спустя ровно сутки захотелось бы. Да я и не в том смысле, балда! Не о том, что Панин – основное блюдо, интерн – десерт, а Иван Спиридонович – кефир. Я за... за разнообразие меню! – Мальцева хлопнула одну из рюмок абсента, принесённых официантом.

– А мне? – возмутилась Марго.

– А ты ешь свои овсяные сопли! Нам ещё на работу возвращаться.

– Вот именно что нам. Не только мне!

– Я машину оставлю. Вот как раз Денисову доверенность напишу, и пусть мне под родильный дом подгоняет, – захихикала Мальцева. – Панин прекрасен, Маргарита! – Татьяна Георгиевна как-то даже мечтательно вздохнула. – Он давно знает меня и что именно мне нужно. Ну, в постели. Он может ровно столько, сколько мне необходимо и достаточно. И он давно изучил, как именно. Он не эгоистичен в койке, напротив. Он знает, когда и что мне сказать, а когда ничего не надо говорить. Когда, и как, и на какой бок перевернуть, а когда и... – Она махнула рукой. – А что интерн? Ну, отличный парень с отличным прибором. Первый раз даже минут пятнадцать продержался...

– Бля! – вырвалось у Марго. – Ну, может, он тебя сильно и давно хотел?

– Да нет, он быстро пришёл в форму. А что хотел – так он же молодой и всё такое... Всё хочет. Но к Панину я привыкла. А интерн меня пугает. В нём есть эдакая... Эдакая добрая постоянная ироничность. Такая, как у Матвея была. Только у Матвея за этой ироничностью всегда была тьма смыслов. Глубокий колодец оттенков. Бездна чувств. И я боюсь, что у этого молодого человека, красивого неглупого молодого человека, за этой доброй постоянной ироничностью не окажется ничего. Плоскость. Тупик. Простой деревянный забор, а на нём объява про дрова.

– Сколько было Матвею, когда вы познакомились?

– Мне восемнадцать – я с ним на пару месяцев позже, чем с Паниным познакомилась. Матвей на десять лет старше, значит, двадцать восемь...

– Ну, интерну недолго осталось.

– Но мне-то, мне-то, Марго, уже не восемнадцать!

– Ну а Матвей сразу был... со смыслами?

– Да!!! Матвей всегда был Матвей! – Татьяна Георгиевна хлопнула вторую рюмку абсента и, подперев рукой подбородок, стала мечтательно смотреть в стену.

– Тань, – Маргарита Андреевна отодвинула от себя миску с овсянкой и опасливо покосилась на подругу. – Вот ты сама говоришь, что с Паниным вам вместе не быть. Что Волков – кефир. А что интерн Денисов вро-

де как...

– Он мне букет и плюшевого мишку подарил! – не меняя мечтательного выражения лица, рассеянно перебила Мальцева подругу.

– Ну так попробуй. Что ты теряешь?

– Он что, осетрина с гриля, чтобы его пробовать? Он сам никаких действий не предпринимает.

– С тобой предпримешь, как же! Ты себя в зеркало видела, когда распоряжения в отделении отдаёшь?

– Ой, на себя бы посмотрела! – расхохоталась Татьяна Георгиевна. – К тому же если он меня боится, старуху, руководящую отделением, то как я могу попробовать?

– Пригласи его к себе.

– Ага, сейчас! «Саша, а не устроить ли нам небольшой перепихон на моей территории?»

– Фу, Татьяна Георгиевна! Вы же умная женщина, обставьте всё красиво!

– Не хочу быть умной, Марго. Ничего не хочу обставлять! На свете есть много прекрасного... Закаты, рассветы, океан, маленькие собачки, большие лошади...

– Крупные мужчины! – вставила Маргарита Андреевна.

– ...зелёные крокодилы, где-то правильный абсент, в Праге, думаю, например, всё ещё можно найти, и...

– И мужчины! – настойчиво повторила Марго.

– И вкусная еда, в конце концов! Ура, еда!

Подошедший официант поставил перед подругами заказанные блюда и, пожелав приятного аппетита, удалился.

Ровно через пятнадцать минут зазвонил Маргошин мобильник.

– Да?.. Ну и?!.. Прямо вот уже срочно сейчас?! Принимайте в родильный зал, – Маргарита Андреевна продолжила жевать ровно в тот момент, когда зазвонил мобильник Мальцевой.

– Да?.. Ну и?!.. Там стоит моя подпись. Принимайте в родильный зал!

Подруги посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Боже мой, какая же эта Маковенко дура, а! – сказала Маргарита Андреевна. – Сперва звонит мне: «Ой! Ой-ой-ой! Ваша девочка поступает, ну та, что с тазовым. Со схватками! Что делать?!» – И такая подобострастная. Хотя сначала должна тебе доложить.

– Она мне и доложила. Скорее наябедничала. «Татьяна Георгиевна, там женщина Маргариты Андреевны!» – эдак осуждающе. Сколько взаимоисключающих специй в одном блюде.

– И всё это в две минуты с одного и того же телефона! Отвратная эта Светлана Борисовна. Ты знаешь, почему она со мной подобострастничает?

– Со старшей акушеркой все подобострастничают. Даже я иногда! Ну а конкретно по этому поводу, видимо потому, что хочет, чтобы ты, если я внезапно куда-нибудь исчезну, позволила ей пособие по Цовьянову сделать, если это тазовое чисто ягодичным окажется.

– Ага, щаз! Разбежалась. Пусть сперва на резиновых тренируется и смотрит. Они же, понимаешь ли, смотреть не хотят! Они хотят сразу делать.

– Да уж, какое тут искусство рисунка, когда каждый мнит себя Леонардо, – горько усмехнулась Татьяна Георгиевна.

– Да я скорее твоему интерну дам это пособие по Цовьянову сделать. Добрая я сегодня. Ну и кроме того, Татьяна Георгиевна, хочешь верь, хочешь не верь, у Александра Вячеславовича руки талантливые, – Маргарита Андреевна хитро покосилась на подругу.

– Ладно, хорош о мужиках, пора на работу! Хмель, увы, как-то быстро выветрился. Попросим официанта вызвать нам такси. Вообще-то, Маргоша, я твоей этой тазовой говорила прийти за неделю до ПДР⁴⁵. А она уже пересидела.

– Да оставь ты свою букву, Татьяна Георгиевна!

– Оставь, оставь! – проворчала Мальцева. – Ты мне

⁴⁵ ПДР – предполагаемая дата родов.

волочёшь всё что ни попадя, а с эмболиями, кровотечениями, травмами и прочими осложнениями мне потом разгребаться. А там, знаешь ли, первый вопрос – он как раз про букву!

– Ну так на то ты и врач, а я – средний медицинский персонал!

Разумеется, что Маргарита Андреевна ничуть не хуже, если не лучше Татьяны Георгиевны знала, что клиника родов при тазовых предлежаниях несколько отличается от течения родов при предлежаниях головных. Ну, например период изгнания плода при тазовых предлежаниях может начаться и при неполном открытии маточного зева. Из-за меньшего размера тазового конца плода по сравнению с головкой. Особенно при ножных предлежаниях. А при неполном раскрытии при прохождении плечевого пояса и головки плода могут возникать разрывы или спастические сокращения шейки матки, задерживающие рождение последующей головки и приводящие к асфиксии плода. При прохождении головки по родовому каналу всегда имеет место прижатие пуповины к стенкам малого таза. И потому при задержке рождения головки в случае тазового предлежания может произойти не только асфиксия, но и интранатальная – «внутри родов» – смерть плода. Именно при тазовых предлежаниях частенько возникают запрокидывания ручек,

требующие определённых манипуляций. Так что при всей их нормальности беременные в тазовом предлежании требуют более пристального внимания накануне родов. Не говоря уже о самих родах. Потому что при родах в тазовом предлежании куда чаще возникают осложнения, неблагоприятные как для плода – интранатальная гипоксия, черепно-мозговая травма с кровоизлиянием в мозг; так и для матери – затяжные роды, травмы родовых путей, послеродовые септические заболевания.

– На то я и врач, да. Ещё есть один врач, кстати, который ненавидит Цовьянова. Он тут, часом, прежде вынесся с конференции на тему всеобщей любви к любви. Ельский его фамилия, слыхала? – саркастически уточнила Мальцева у подруги. – Если он до родов твоей тазовой задержится, то придёт заранее, будет смотреть пристально прямо в то самое место и бубнить, что нормальные люди в нормальных странах давно делают таким бабам кесарево. А ваш Цовьянов опасен, и мертворождения при нём достигают трех тире шести процентов, и что всё это даёт основание считать роды при тазовых предлежаниях патологическими, а мы со своей классической акушерской школой – дуры ничуть не менее дремучие, чем эти, резиновые, с бассейнами, самостоятельным прощупыванием непонятно чего в собственной пизде и ро-

дами в гипертонический раствор. Так что про интерна, оказывающего пособие по Цовьянову, – забудь!

– А если Ельского не будет?

– Тоже забудь! Жопу пороть мне потом будут. А не тебе и не интерну.

– Да чего ты завелась-то заранее? Может, она ещё в слабость влетит, и оперируй себе на здоровье.

– А ты не будешь тайком из-за угла набрасываться и втыкать в неё окситоцин, нарушающий тонкую астральную связь между рецепторами нижнего сегмента и тазовым концом плода? – насмешливо прищурилась Мальцева.

День прошёл в каких-то суматошных делах, метаниях между родильным залом, отделением и главным корпусом. Всех срочно озаботили какими-то экспертно-бумажными делами, отчётами, рекомендациями, заключениями и прочей конторской деятельностью. КРУ готовило большую справку, и все администраторы бегали в мыле, слегка раздражённые, и никому, разумеется, не было никакого дела, что они тут, вообще-то, ещё и немножечко врачи. Или, к примеру, акушерки. Впрочем, таких «играющих» администраторов от среднего медицинского персонала, как Маргарита Андреевна, практически не было. Старшая или главная медицинская сестра или акушерка – обычно именно что только старшая или главная. Кон-

троль, учёт, материальная ответственность и прочие радости жизни завхоза-распорядителя. Но Марго была профессионалом такого уровня, что стать старшей акушеркой наблюдационного отделения согласилась только при сохранении за ней основного вида деятельности. Иначе бы она ноги протянула. И кто бы удовлетворял потребности её «деточки» Светочки в кожаных куртках и меховых полушубках? Ну и говяжьих кости для старого пса, ветеринарные услуги, которые никто не оказывает даром. Прочие «мелочи», вроде обеспечения мамы-старушки и папы-алкоголика, еды, квартплаты, бензина для старой раздолбанной «бээмвэшечки», как любовно называла Маргарита Андреевна свой практически уже раритетный, давно снятый с производства хлам на четырёх колёсах цвета серебрянки, какой красят оградки на кладбищах. Тащили её Панин с Мальцевой в старшие акушерки отделения силком. Сопrotивлялась она страшно. Очень даже можно было понять её: «Оно мне надо?!» Потому что такой гембель действительно мало кому нужен. Но у Маргоши был безусловный организаторский талант, она была очень хозяйственна и ответственна и могла железной рукой взять за горло всегда несколько расхлябанный персонал. Что и сделала, едва начмед и заведующая уговорили её принять такую сомнительную привилегию, как власть над

средним и младшим персоналом, пилюлями и сте-нами, ампулами и туалетными бачками, а также ча-ем, прокладками, тряпками, винтиками, зажимами и швабрами, шприцами и спиральями и бог, и чёрт ещё знает чем, что составляет хозяйственно-медикамен-тозно-инструментально-людской организм под назва-нием «обсервационное отделение». Организм, нуж-дающийся, как и любой другой, – в заботе, в рас-порядке, в силе и воле. Да, Маргарите Андреевне позволено было многое. Но не за красивые глаза. А за тяжкий, порой на грани подвижничества, труд. За труд, за упорство, за характер, за талант. И за от-точенное до совершенства акушерское мастерство. Жаль вот только, что женщина таких выдающихся, без преувеличения, достоинств, как Маргарита Ан-дреевна Шрамко, была абсолютной неудачницей на личных фронтах. Муж номер раз – он же Светкин отец – был сер, вял, ленив и любил выпить. Он по-топтался в Маргаритиной жизни лет пять и ещё по-следующую пятилетку изредка появлялся то денег за-нять, то поныть на тему: «Пусти меня обратно!» В об-щем, известное блюдо. Мало у кого хватает аппети-та кушать такое всю жизнь. Муж номер два был чуть живее, даже приносил домой какую-то зарплату, но так раздражал Маргариту Андреевну своими вечны-ми «что на ужин?» да «что на обед?», что однажды,

разразившись тирадой о том, что нормальный мужик вполне способен приготовить и ужин, и обед, и даже завтрак не только себе, но и всей семье, она выгнала и его. Возможно, пережди он гневную тираду, забившись ненадолго в уголке и свари Маргарите Андреевне утром кофе, он бы задержался чуть дольше. Но в ответ он не промолчал, а напротив – заявил Маргарите, что она плохая жена, плохая хозяйка, а её дочурка – исчадие ада и постоянно докучает ему то расспросами, то плохим поведением, а то и вовсе откровенно пакостными выходками в его адрес вроде сшитого из его галстука платья для куколки. После такого он был выдворен из жизни Маргариты Андреевны, боготворившей свою дочь, быстрее, чем варится яйцо всмятку. Мужа номер три не было и не предвиделось. Частенько создавалось впечатление, что эта часть жизни Маргариту Андреевну нисколько не волнует. И лишь очень редко, очень-очень-очень редко – не чаще раза в пару лет, – плакалась Маргоша верной подруге, что телу скучно. И даже тошно. И очень хочется, чтобы кто-то обнял. Женщина она, в конце концов, или Дунька-агрегат? Мальцева горько шутила, что, похоже, уже Дунька-агрегат. Марго орала на подругу, что та – сука, и хорошо устроилась, и где она их только, случайных и перехожих, находит, если у неё ещё и Панин есть? В общем, всё как обычно у

девочек любого возраста. Пожаловались, покричали, поплакали, посмеялись – и дальше пошли. На работу.

Пока Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна металась туда-сюда, при «тазовой» роженице неотрывно сидел интерн. Слабости родовой деятельности у неё не возникло. Про «большенимагу!!!» она голосила не громче остальных. Ближе к полуночи захотела «по-большому». Татьяна Георгиевна распорядилась уложить даму на рахмановку и стала мыться.

– Так, Денисов, что такое пособие по Цовьянову знаешь? – спросила Маргарита Андреевна, намылившая руки у второго умывальника.

– Метод Цовьянова применяют при родах в чисто ягодичном предлежании. Цель – сохранение нормального членорасположения плода, что предупреждает развитие таких серьёзных осложнений, как запрокидывание ручек и разгибание головки. Нормальное членорасположение достигается тем, что ножки при рождении плода прижимают к туловищу, не давая тем самым им родиться раньше времени. Кроме того, ножки плода прижимают к грудке скрещенные ручки, чем предупреждается их запрокидывание. И, наконец, поскольку на уровне грудной клетки объём туловища вместе со скрещенными ручками и ножками больше, чем объём головки, последняя обычно рождается без затруднений. Техника выполнения

пособия по Цовьянову следующая: при прорезывании ягодиц их захватывают обеими руками так, чтобы большие пальцы располагались на прижатых к животу бёдрах плода, а остальные четыре пальца – на поверхностях крестца. Благодаря такому расположению рук удобно способствовать физиологическому течению биомеханизма родов – движению рождающегося туловища вверх, по продолжению оси родового канала. По мере того, как рождается туловище плода, врач, держа руки у вульварного кольца, постепенно пропускает через них рождающееся туловище плода, в то же время осторожно прижимая большими пальцами вытянутые ножки к животу, а остальные пальцы рук перемещает по спинке плода. При этом надо обязательно стремиться к тому, чтобы ножки плода не выпали раньше, чем родится плечевой пояс. Ближайшая потуга обычно приводит к быстрому рождению плода до пупочного кольца, а затем и до нижних углов лопаток. В это время поперечник плода переходит в один из косых размеров, а к моменту рождения плечевого пояса – в прямой размер выхода. Ягодицы плода необходимо направлять в этот момент несколько на себя, чтобы облегчить рождение передней ручки. Для рождения задней ручки плод приподнимают, и при этом рождается задняя ручка. Одновременно с рождением задней ручки выпадают ножки плода и из

половой щели прорезывается подбородок плода. Для последующего рождения головки по методу Цовьянова родившееся туловище плода поднимают вверх и постепенно укладывают на живот роженицы, – скороговоркой оттарабанил интерн.

– Учебник, я смотрю, вы знаете, Александр Вячеславович, – ехидно хмыкнула Марго, покосившись на Мальцеву, уже помытую и накрывающую стерильной салфеткой наружные половые органы роженицы. – Но с какого вас понесло про чисто ягодичные, если у нас какое?..

– Ножное, – коротко ответил интерн. – И нам сейчас надо, чтобы плод, что называется, присел на корточки. И перешёл в смешанное ягодичное.

– А вот это верно, Александр Вячеславович. Женщины вообще любят краткие и точные формулировки, – многозначительно резюмировала Марго. И, закрыв кран локотком, скомандовала: – Мойтесь! У вас правая рука поздравей, чем у Татьяны Георгиевны. Пособие она будет оказывать сама, потому как неонатолог придёт заранее и будет неусыпно бдить прямо в процесс. Но посоучаствовать заведующая вам, полагаю, позволит. И чтобы вы знали на будущее: Цовьянов – врачебная манипуляция. Акушеркам её не передоверяют. Разве что только эта акушерка – я. Или кто-нибудь ещё такого же уровня.

Первые пару потуг Мальцева сама «ладонной поверхностью правой руки противодействовала преждевременному выпадению ножек из влагалища, в результате чего ножное предлежание переходит в смешанное ягодичное, происходит сильное раздражение тазового сплетения, в результате чего усиливаются схватки и потуги». А проще говоря – рукой удерживала выпячивающуюся промежность. Через некоторое время она предложила то же самое сделать Александру Вячеславовичу, сопроводив несколько насмешливой ремаркой:

– Не думайте, что это так просто. Это будет неожиданно сильно. Но и не переборщите. Это женщина и ребёнок, а не снаряд в люльке. Акушерство, Александр Вячеславович, очень тактильно-интуитивная специальность. Нужно не только знать, но и чувствовать. Важно ещё следить за признаками полного открытия маточного зева. Потому что при полном открытии нам следует прекратить противодействие руки и начать оказывать пособие по Цовьянову. Так что как только вам покажется, что выпячивание промежности настолько сильное, что вы не можете – не потому что слабы, а потому что уже не нужно! – ему сопротивляться, то вы посмотрите куда?

– Посмотрю, зияет ли заднепроходное отверстие. И на состояние контракционного кольца.

– Вот и славно.

Дальше работали молча. Денисов действительно был несколько удивлён той неожиданной силой, с которой во время потуг упиралось ему в ладонь то, что под салфеткой... Надо же, такое крошечное, а какая мощь! С одной стороны матка по голове лупит, с другой – какой-то дядька вылезти не даёт...

– Вы будете хорошим акушером-гинекологом, – сказала ему Мальцева, когда плод мужского пола, доношенный, весом 3400, длиной 51 сантиметр родился с оценкой по Апгар 8–8 баллов. – В вас нет трусости, но есть разумная опаска. И есть тактильная чувствительность без склонности к гипертрофированной интерпретации. Это нечастые сочетания.

– Ну, пособие-то оказывали вы, Татьяна Георгиевна, – неожиданно зарделся этот, в принципе, взрослый уже мужчина двадцати пяти лет.

– А я и не говорю, что вы ещё что-то умеете. Я лишь говорю, что в вас нет трусости и есть чувствительность! – неожиданно зло бросила Татьяна Георгиевна, поймав мрачно-насмешливый взгляд Ельского, коршуном бросившегося осматривать младенца прямо на животе у счастливой матери. – Маргарита Андреевна, пусть интерн плаценту родит, пути осмотрит и разрывы ушьёт. Под вашим, разумеется, контролем и наблюдением! Я сейчас буду.

– Курить и без компании? – скрипуче уточнил Ельский. Скрипучесть в его случае означало некоторую шутливость.

– Поссать, Вова. В туалет я в основном без компании хожу!

Вот чего завелась, а? Зачем грубой была? Выдыхая дым в подвальный воздух, Татьяна Георгиевна затяжке к третьей уже вовсю сама с собой хохотала, вспоминая, как она помочилась в вазон Линькова. Финал, помнится, был при полном аншлаге. История эта Ельскому, разумеется, известна. Так что его скрип в ответ на её отнюдь не блестящую заключительную реплику, вполне объясним. Хорошие были времена. В хрусталь мочилась. Матвей был жив... Не грусти, Татьяна Георгиевна. Жизнь – она такая. Именно такая и никакая другая. Но всё-таки немного несправедливо, что Денисов так молод. Несправедливо, обидно и смешно. Вот как она может всерьёз размышлять о парне, который дарит плюшевых мишек даме окончательного бальзаковского возраста? Как она может хотеть быть в постели с тем, кого она учила держать руку на женской промежности? Смех, да и только! Прав Ельский, сумевший всё это передать без слов своим фирменным скрипом. Спасибо за ушат холодной воды, Владимир Сергеевич. У вас самого, что правда, жёнушка – молодуха. Но зрелый мужчина и молоденькая де-

вухка это не так нелепо, как наоборот, не правда ли? Зрелость рядом с юностью – это когда вариант нормы, а когда и вариация ненормальности. Смотря как буквы «мэ» и «жо» расположить.

В два часа ночи её вызвали в патологию. Потому что Мальцева Татьяна Георгиевна сегодня была ответственным дежурным врачом.

Беременная с сахарным диабетом под покровом темноты сожрала целый торт. Огромный кремовый торт. Она, эта горе-беременная, знала, чем ей это грозит. И сожрав в одну харю практически кило сахара, уколола себе «немножко больше» инсулина, чем «доктор прописал». Она же, мол, знает, что во время беременности ухудшается толерантность к углеводам и усиливается полиурия, полидипсия и повышается уровень гликемии. Она же, мол, не первый год с сахарным диабетом живёт. Она же знает, что необходимо увеличение дозы... Слава богу ещё, что сама всё это рассказала. Успели вовремя. А могла бы в кому влететь или прямиком до той бабы с косой. Зачем торт в два часа ночи да ещё в таком количестве? Убедительный аргумент: «очень хотелось!» Все тридцать шесть недель хотелось. Никто не давал. Ни муж, ни мама. Муж – тот ещё хоть иногда на работе, а мама всё время дома. Беременная только сегодня госпитализировалась, и когда все родственнички вечером

наконец разбрелись, оставив её в покое, вышла, до-топала до супермаркета, купила торт и... Когда весь персонал успокоился – села и съела. Съела огромный кремовый торт весь, без остатка. Когда «передозный» инсулин уколола – на всякий случай на кнопку вызова персонала нажала. Мало ли... Ой, какая молодец, надо же! Умничка просто! Действительно, перед несоблюдением положенного тебе меню стоит озаботиться вызовом неотложки.

Вернувшись на первый этаж, Татьяна Георгиевна заглянула в родильный зал. Интернет сидел за столом и что-то читал.

– Александр Вячеславович, – чуть громче шёпота обратилась к нему Мальцева, – не хотите выпить по глоточку абсента у меня в кабинете?

Кадр двадцать пятый

Морфин, сигара, два чемодана

На пятиминутке всё было на редкость прекрасно и даже Ельский надменно кинул со своих имеющих право на суд над акушерами неонатологических небес:

– Несмотря на оказание пособия по Цовьянову, у годовичного новорождённого нет никакой неврологической симптоматики. Что странно и даже подозрительно. Понаблюдаем ещё...

– Чего он гад-то такой? – шепнул на ухо Мальцевой рядом сидящий Родин.

– Да ты что! Такой доклад от Ельского – это практически похвала, все умерли от зависти. А что гад – таким уж уродился.

Панин постучал по столу ручкой. Дятел, блин!

После утренней врачебной конференции Татьяна Георгиевна тут же отправилась на обход. В принципе вменяемые заведующие устраивают полный обход два раза в неделю максимум. Но когда Мальцева приняла бразды правления обсервацией в свои руки, отделение было в таком запущенном состоянии, что она ввела моду ежедневных обходов заведующей, да так до сих пор и не могла с него соскочить. Вот зачем?

Об ответственных женщинах докладывают с утра дважды: на пятиминутке в отделении – акушерки и ещё раз в конференц-зале – врачи. Если что – к тебе тут же бегут с донесением. Но нет! Ходит и ходит, как заведённая... Обхаживает! Ещё и Маргариту Андреевну за собой тягает. Та, впрочем, не сопротивляется. Так и шастают, как барин с управляющим по имению. Чтобы ни одно гнилое яблочко даром не пропало. Чтобы ни одна крепостная девка на завалинке семечки в рабочий полдень не лузгала. Такие бы усилия да на собственную жизнь!.. А это что? Это и есть собственная жизнь. Другой не дано.

На первом этаже всё было в порядке. Не считая нытья «старой калоши», в одиночку вынужденной тянуть «непосильный груз» написания историй, пока её товарка на больничном, а Наезжин по распоряжению профессора на конференции. Но в первой же палате второго этажа, там, куда была переведена вчерашняя «тазовая», глазам всей свиты и, в первую очередь Татьяны Георгиевны, предстало странное: над детской кроваткой было устроено нечто вроде палантина из мужских брюк, сам новорождённый лежал на постели родильницы, завёрнутый в несвежие мужские трусы и такую же майку, а женщина выкрикивала над ним что-то вроде «Вася! Петя! Саша! Женя! Коля! Алёша!..»

– Доброе утро! Что здесь происходит?

– Ой, доброе утро, Татьяна Георгиевна! Доброе утро, Маргарита Андреевна! Доброе утро, Александр Вячеславович! Доброе утро все! – любезно залопотала родильница. – Вы разве не знаете, Татьяночка Георгиевна, что для ребёнка нет лучшей защиты от сглаза и порчи, как оказаться завёрнутым в отцовское ношеное белье? К тому же считается, что это гарантия крепкой любви между отцом и сыном!

– Кем считается? – опешила Мальцева.

– Нашими бабками считается. Считалось... Я ходила на занятия для беременных – недорого, полторы тысячи рублей за занятие, всего пять занятий. Так там нам читали и такой курс: «Бабушкин опыт подготовки к родам. Экзотика старины».

– Ни хрена себе «недорого»! – раздражённо прокомментировала слегка оторопевшая Маргарита Андреевна в пространство.

– А это что? – ткнула Мальцева подбородком в брюки.

– Это, Татьяночка Георгиевна, чтобы малыш лучше спал! Наши бабки всегда над колыбелькою вешали папины штаны, чтобы младенец не был беспокойным.

– А что это ты над ним голосишь? – уточнила Марго. – Ты его что, несколькими именами назвала? Это, конечно, сейчас модно, но более двух имён в связке

я пока не встречала.

– Не-е-ет, Маргарита Андреевна! – рассмеялась родильница и пояснила старшей акушерке, как опытная нянюшка неразумному дитяти: – Чтобы выбор имени не превращался в проблему, существует очень древний крестьянский обычай – «окликать новорождённого». Надо перечислять вслух предположительно выбранные имена до тех пор, пока малыш не заплачет. Как заплачет – значит, выбрал.

Старшая наклонилась к закрихтевшему новорождённому и зычно рявкнула:

– Кабыздох! Пафнутий! Акакий!

После «Акакия» младенец обиженно разорался – на повышенных оборотах голосочек у Марго был той ещё вибрации, не каждое среднее ухо сдюжит. Маргарита Андреевна, победоносно глянув на приверженку экзотике старины, констатировала:

– Имя готово! Можно бежать в ЗАГС, регистрировать Акакия?.. – Она вопросительно уставилась на молодую мамочку.

– Арамовича, – растерянно откликнулась родильница и обиженно захлопала ресницами.

– Теперь уж ничего не поделаешь, – ласково погладила её по плечу Маргарита. И тут же следом распорядилась: – И сними с Акакия Арамовича, бога ради, тряпье это занюханное, переодень в нормальное, чи-

стое. Своего нет – детские принесут. И заскорузные брюшнички эти тоже вон, пока я сама их отсюда не вышвырнула! И, кстати, я что-то сильно сомневаюсь, что твой Арам из древних крестьян. Разве что арамейских. Если у твоего Арама имеется какая-нибудь правильная еврейская бабушка, так быстрее тащи её сюда, чтобы она с тебя дурь повыбила.

Еле сдерживая хохот, Татьяна Георгиевна понаблюдала за тем, с каким умным видом Светлана Борисовна мнёт новоявленной горе-мамаше грудь и определяет высоту стояния дна матки.

– Соответствует суткам послеродового периода, – наконец изрекла Маковенко.

– У меня молока пока нет, – жалобно протянула родильница.

– «Хрусталь-камень растёрт и смешан с мёдом пресным, то мамкам молоко множится», – вдруг совершенно серьёзно подал реплику Александр Вячеславович.

– Как? – оживилась родильница. – Растереть, смешать и принимать внутрь или к груди прикладывать компрессы?

– О, нет-нет! Всего лишь надеть ожерелье из горного хрусталя. В русских народных травниках и лечебниках есть указание на то, что это способствует обилию молока.

– Я сейчас же позвоню мужу, чтобы он принёс мне ожерелье из горного хрусталя!

После того как все выметнулись из палаты, стараюсь не рассыпаться от смеха прямо там, Татьяна Георгиевна сказала интерну:

– Денисов, если эта дурища примет внутрь растёртый с мёдом горный хрусталь, то я из вас сделаю деревянную лошадку!

– Это ещё что! – сказала Маргарита Андреевна. – Помнишь ту, у которой ребёнок родился с сильно лохматой спинкой? Так ей свекровь наказала, что как только выпишутся – срочно ехать в деревню, чтобы там через ребёнка свинья перешагнула! А другая мамашка сказала, что будет купать свою дочку только в хозяйственном мыле. Потому что от любой косметики типа пены для ванн и всяких там прочих джонсонов и джонсонов – развивается бесплодие. И, кстати, о деревянных лошадках – одна мамочка мне тут плакалась, что её друзья подарили старшей трёхлетней дочурке лошадку-качалку, так она их с именин выставила, потому что эти злые и жестокие люди знали, что от лошадок-качалок случается оргазм, и хотели вернуть её малолетнюю дочурку! Вот так вот! А чтобы у младенца не было себореи, нельзя во время беременности сексом заниматься. Как избежать пупочной грыжи? Пожалуйста! Надо подгузник с какашками

бросить на проезжую часть, и чтобы по нему как можно больше машин проехалось. У меня таких перлов два чемодана, Татьяна Георгиевна.

– Вы всё-таки, следите чтобы эта тронутая хрусталь внутри не употребила! – сказала Мальцева Маковенко и акушеркам второго этажа.

Более никаких эксцессов на обходе не случилось.

Зато днём всех нехило встряхнуло. Молоденькая дурочка, только-только пришедшая на работу после училища акушерочка, уничтожила ампулу морфина. Обычную такую маленькую ампулу 1 мл 1 % раствора морфина гидрохлорида. У женщины после кесарева сечения был настолько выраженный болевой синдром, что больше ничто её не брало. Есть счастливицы, коим хватает обыкновенных анальгетиков. Увы, не все организмы так стойки. Женщина в первых сутках мученически страдала, и Татьяна Георгиевна, добрая душа – она же идиотка, – на свой страх и риск выписала ей морфин. В наше-то странное время, когда и трамадол считается чуть ли не криминалом. Но Мальцева из сострадания выписала, а Шрамко, громко отчитав заведующую, тем не менее выдала акушерке на пост ампулу морфина.

– Один укол, а бумаг надо заполнить больше, чем для министерской аттестации! – прошипела напоследок Марго, доставая из сейфа ампулу и набирая теле-

фон постовой акушерки. Та прилетела быстрее ветра, потому что всех пока боялась. А Маргариту Андреевну – так и пуще всех.

– Как только – так сразу пустую ампулу ко мне! – отчеканила приказным тоном старшая акушерка observationalного отделения, вызвав дрожь в коленках юной девы. Та от страха даже сказать ничего не смогла. Только преданно затрусилась головой, демонстрируя полное согласие и безоговорочное подчинение.

Но перед тем, как уколоть морфина гидрохлорид кесарской, она сделала пару-тройку уколов «обычного назначения». Потому что пока была из безотказных. Не научилась ещё расставлять приоритеты. Посмотрит беременная грозно – и у начинающей манипуляционной акушерки память отшибает. То Людочка из пятой палаты подошла, напоминая про фолликулин. То Леночка из третьей – про папаверин. А то и Александра Тимофеевна из двенадцатой пришла напомнить, что пора заряжать в капельницу токолитик. И все такие жаждущие, у всех всё такое неотложное и индивидуально-важное... Когда наконец молоденькая акушерка сломала голову пресловутой сакральной ампуле, набрала её содержимое в шприц и уложила в почечный лоток кроме него ещё и ватку, щедро сдобренную спиртом, то самую ампулу она на автомате отправила в мусорное ведро. Пока колола страда-

ющей от невыносимой боли кесарской пресловутый морфина гидрохлорид в переднюю поверхность бедра, потому что на её «повернитесь, пожалуйста, на бочок!» услышала такое, чего не слышала никогда даже в своём не слишком уютном и не слишком добропорядочном подъезде, пока неслась обратно коридором отделения – санитарка уже совершила очередной рейд по изъятию мусорных пакетов из соответствующих вёдер. Кошмар! Эту ампулу нужно же было положить отдельно и тут же отнести старшей акушерке! А она бросила её в мусорное ведро! В мусорное ведро, где что только не лежит, включая крепко проспиртованные ватки, напроць уничтожающие маленькие синенькие букочки – маркировку ампулы.

Все акушерки и санитарки рылись в тех контейнерах, куда принято сбрасывать «отделенческий» медицинский мусор. Спирт и прочие растворы оказались безжалостными к синим букочкам и циферкам. Маргарита Андреевна Шрамко трубила как раненый слон. Её всем отделением держали, чтобы она не придушила молоденькую акушерку собственноручно. Впрочем, та и так уже лежала на полу кабинета Марго в полном и окончательном обмороке.

– Это дура, что, беременная? – задумчиво сказала успокоенная внезапным падением девушки на пол Марго и немного пошевелила её кончиком моюще-

гося тапка. – Эй! Как там её?.. Настенька! Анастасия Полонская! Блядь, с такими именем-фамилией где-нибудь на Лазурном берегу сидеть в олигархических содержанках, а не ампулы с морфином уничтожать. – Всё, под суд пойдёшь! Каторга, ссылка, Сибирь!!! – Маргарита Андреевна щедро смочила ватку нашатырным спиртом и сунула малолетке под нос. Та раскрыла мутные непонимающие глаза. – Ну всё, девушка. Ты попала. И я попала. И Мальцева попала. И начмед наш попал. И даже главный врач попал. Все теперь пойдём, как наркоторговцы! А Панин так и во-все как наркобарон!

В этот момент в кабинет Маргариты Андреевны вошли Татьяна Георгиевна Мальцева и Аркадий Петрович Святогорский.

– Марго, знаете ли вы, моя дорогая, что морфин – от имени древнегреческого бога Морфея, то есть в переводе «того, кто формирует сны»; устаревший вариант названия «морфий» – один из главных алкалоидов опия и содержится в маке снотворном *Paraver somniferum*? Впервые морфин был выделен немецким фармакологом Фридрихом Сертюнером из опиума в 1804 году. Именно Сертюнер дал морфину его название по имени бога сновидений в греческой мифологии – Морфея, сына Гипноса, бога сна. Морфин был первым алкалоидом, полученным в очищенном

виде. Однако распространение морфин получил после изобретения инъекционной иглы в 1853 году. Он использовался – и продолжает использоваться под строгим контролем, коий вы, в данном случае, прохлопали, – для облегчения сильной боли. Кроме того, его применяли в качестве лечения, как это ни смешно, опиумной и алкогольной зависимости. Широкое применение морфина во время американской Гражданской войны между Севером и Югом, согласно предположениям, привело к возникновению так называемой «армейской болезни» более чем у четырёхсот тысяч человек. Так и представляю себе обдолбанных конфедератов, ах, какие были времена!

– Аркаша, мне только твоих образовательных лекции сейчас не хватает! – чуть не плача сказала Маргарита Андреевна, поднимая девицу-акушерку с пола и налаживая ей горячий сладкий чай.

– Морфин, моя человеколюбивейшая из старших акушеров, – на голубом глазу продолжал Святогорский, – повышает порог болевой чувствительности при стимулах различной модальности, тормозит условные рефлексы, обладает эйфоризирующим и умеренным снотворным действием, повышает тонус центра блуждающего нерва, возбуждает центр рвоты, угнетает дыхательный центр, вызывает сужение зрачка за счёт активации центра глазодвигательного

нерва, повышает тонус бронхов и гладкомышечных сфинктеров внутренних органов – кишечника, желчевыводящих путей, мочевого пузыря. Усиливает сократительную активность миометрия, ослабляет перистальтику кишечника, тормозит секреторную активность желез желудочно-кишечного тракта. Несколько снижает основной обмен и температуру тела, стимулирует выделение антидиуретического гормона. Вызывает расширение периферических кровеносных сосудов и высвобождение гистамина, что может привести к гипотензии, покраснению кожи, усилению потоотделения, покраснению белковой оболочки глаз. Усиливает влияние на центральную нервную систему средств для наркоза, снотворных, седативных, антигистаминных средств с центральным компонентом действия, анксиолитических, антипсихотических и антидепрессивных препаратов! – завершив, наконец, свою тираду, Аркадий Петрович жестом фокусника извлёк из кармана халата пустую ампулу из-под морфина гидрохлорида. – И не спрашивай меня, откуда я её взял! Да-да, возможно серия не та, но что-то – это куда больше чем ничего. Да и КРУ только-только минуло!

– Боже мой, Аркаша!!! – заорала Маргарита Андреевна, чуть не полив молоденькую дурочку горячим чаем. – С меня!.. С меня!.. С меня всё, что ты только захочешь!

– Смелое утверждение. Однако литровой бутылки хорошей водки будет более чем достаточно! – сурово-шутливо уклонился Святогорский от благодарных объятий Марго. – Ну и не сдавать меня наркоконтролю! А серию ты, Маргарита Андреевна, спиртиком затри. Главное, чтобы ключевая латынь с миллилитрами и процентами на ампуле осталась. А вот стёртость серии на эту малолетнюю и спиши. На вид ей поставь.

– Да я уволю её к чёртовой матери! Пусть ещё спасибо скажет, что не по статье!

Немного было отошедшая от стресса девица подавилась любезно приготовленными старшей чаем – она, грешным делом подумала, раз Маргарита Андреевна чай подаёт собственноручно, значит, пронесло, – и закашлялась до слёз.

– Я бы на вашем месте этого не делал! – веско сказал Святогорский.

– Что мне её теперь, жалеть, что ли? Она меня чуть под монастырь не подвела! Будет знать на будущее!

– Так в том-то и дело, о прекраснейшая из мудрейших! В том-то и дело, что эта девочка теперь именно что «будет знать на будущее», как вы справедливо изволили заметить. Испытав подобное и осознав всю его значимость, она ни в жизни теперь не выбросит пустую ампулу в ведро и даже бутылки из-под физраствора будет пересчитывать, как скупой рыцарь свои

сокровища! И морфин с обезболивающей целью будет колоть в первую очередь. Не так ли? – строго обратился он уже к юной акушерочке. Та в знак согласия затрусилась головой, как эпилептик в припадке. – Единожды поротая жопа, Маргарита Андреевна, стада непоротых стоит. Вам ли не знать! Эх, вспоминаю я, о девы, один показательно-поучительный случай. Году эдак в... В каком наша юная незадачливая коллега ещё на свет не родилась, а вы, Маргарита Андреевна и Татьяна Георгиевна, ещё только узнавали, чем поцелуи взасос отличаются от всего остального, работал я в онкогинекологии, в диспансере. Времена были не такие суровые, как нынче, но и уже далеко не те, когда каждый уважающий себя доктор с плюс-минус вменяемой практикой, а то и вообще без оной, а так – земский докторишко, – мог стать вполне себе морфинистом. И жить если не слишком долго, то хотя бы счастливо. То есть, увы, в те времена, когда я работал в онкологии, наркотики уже подлежали списанию. Процедура была ещё далека от нынешней, но всё-таки вызывала глухое раздражение. Ваш покорный слуга был молод, глуп и верил людям. Вера в людей, мои дорогие крошки, проистекает не из чего иного, как из самой обыкновенной человеческой лени. Мне было лень самолично списывать наркотики, кои в те времена в отделении онкогинеколо-

гии рекой лились, и я верил фельдшеру. Не глядя и не сверяя, подписывал всё, что он мне подсовывал. Длилась такая вакханалия веры человека в человека без малого год. А затем на предмет участвовавших жалоб пациенток на неэффективность всё чаще и чаще вводимого морфина нагрелась комиссия. И комар бы носа не подточил, если бы не было в той комиссии одного дотошного неленивого неверующего господина, изъявшего одну из доверительно выданной мною фельдшеру «наперёд» упаковок морфина. Оттащил дотошный неленивый господин – тогда ещё товарищ, – ампулы в лабораторию. Вскрыли там им бошки и что бы вы думаете там оказалось, дамы? Вода! Чистейшая дистиллированная вода! Фельдшер оказался форменный Левша. Он имеющиеся у него в наличии ампулы вскрывал, морфина гидрохлорид оттуда выкачивал, заливал по одному миллилитру аш два о и снова запаивал. Распространение ему припаять не удалось. А вот за должностное преступление, хранение и употребление, помнится, пять лет впаяли. С последующим запретом заниматься медицинской деятельностью. Впрочем, запрет на последующее его уже не сильно заботил, потому что через три года он в зоне скопытился, царствие ему небесное и да не соберутся скопом души тех тётенок, что гибли в страшных муках по его вине, да не отметелят они его с осо-

бой жестокостью под одной из райских кущ до состояния, несовместимого с загробной жизнью.

– Тварь какая! Я бы его убила! – горячо отозвалась Марго.

– Да, тварь. Согласен. Хотя как он те ампулки хрупкие стеклянные паял – для меня до сих пор загадка. Следствию он наверняка секрет раскрыл. А меня тот самый господин, то есть товарищ, под следствие не подвёл. Отмазал от казённого пайка. Пожалел молодого докторишку неразумного. Не стал анкету портить, спасибо ему. Сказал, мол, толку от тебя посаженного и надломленного не будет. Зато теперь вы, гражданин Аркадий Петрович Святогорский, верить будете только в бога, хотя и нет его, но не в людей – хотя их-то как раз хоть жопой жуй и о факте своего неоспоримого существования напоминают они вам ежеминутно. Вот такой был добрый господин. То есть тогда ещё товарищ. Поучительная история, гражданочки?

– Аркадий Петрович, а откуда у тебя всё-таки пустая ампула морфина, а? – не выдержала Маргарита Андреевна.

– А между тем я особо оговорил необходимость не задавать мне таких вопросов, – Святогорский скосился на молоденькую девушку.

– Марш на пост!!! – заорала Марго. – Чего тут рас-

селась, как на именинах?

Когда девчущку сдуло из кабинета, Святогорский, вздохнув, сказал:

– Помните реанимобиль наш, спешащий на помощь в какое-то очередное Кукуево-150 в ДТП угодил? Слава богу, без пациентки, а не то, когда нас с водилой и анестезисткой из больнички выписали, так мы бы ещё и под суд пошли. Во всяком случае, я.

Конечно, все прекрасно помнили эту страшную аварию, произошедшую пять лет назад. Святогорский и анестезистка отделались средней тяжестью, а вот водителя еле-еле из крайне тяжёлого вытащили. Много ещё в нашем любимом городе отморозков, которым звуковой сигнал и проблесковый маячок не писаны.

Татьяна Георгиевна и Маргарита Андреевна молча покивали.

– Ну так вот. Что у анестезистки моей верной в чемодане осталось в живых – я добросовестно притырил. Потому что моя ИОВ, при всей её гнусности и хабалистости, баба надёжная. И на место ДТП прибыла быстрее гайцов. Не иначе, на метле летела, – Святогорский усмехнулся, но с некоторой даже гордостью. – Вот, для таких примерно случаев сохранил, в том числе. Большая разница есть между хряснувшей в стеклянный лом при ДТП и пропавшей среди мирного белого стационарного дня ампулой морфина. И больше

никаких вопросов, девицы! Или вам мало, Маргарита Андреевна, что я ваш зад от порки уберёг? – нарочито-грозно нахмурился Аркадий Петрович. – Так что с вас бутылка!

– И не одна, не одна, золотце ты моё! – защебетала Марго.

Поздно вечером санитарка в изоляторе шлёпнулась головой об стеночку.

Попросили у Маргариты Андреевны разрешения собраться узким средне-младшим медицинским кругом, отпраздновать чей-то там день рождения. На полчасика. Конечно же, официально все гульки под запретом и уже давно. Но на людей давить без лишней надобности не стоит – только туже идут, как известно. Так отчего бы и не разрешить, если смена отличная, работники прекрасные, а в родильном зале никого? Ну посидят, перекусят. По бокалу вина выпьют. Друг дружку на этажах подменяют, чтобы здоровья пожелать виновнице торжества. Чего плохого-то? Обычно ничего. Но не на сей раз. На сей раз с девицами заседал заведующий гинекологического отделения. Уж непонятно, каким его ветром занесло. Впрочем, наверняка ухлёстывает за интерном Олечкой. Сколько у него жён, у того заведующего гинекологией уже было? Семь? Восемь? Вот есть же ж люди, которые так... А есть такие, которые всё время женят-

ся, мать их! В общем, интерн Олечка в компанию затесалась, потому как по графику дежурит в обсервации. А тут и заведующий гинекологией на Олечкин запах привалил. Это же изолятор, с улицы зайти можно. Заведующий прекрасно знает, что девочки, слегка выпив, становятся куда более на всё согласные, а кто ту интерницу на дежурстве в той обсервации будет искать, кому она тут упала? Тем более что в обсервации всё время Денисов торчит, Мальцева его везде за собой таскает, другим-то что делать? Из-под руки посмотреть и третьим надлобковое зеркало держать? А этот придурок, заведующий гинекологией, меры вообще ни в чём не знает и запретов никаких не имеет. Дядя у него, видите ли, министерская шишка. С тем заведующим ни язва Матвеев, ни администратор Панин ничего поделать не могут. Даже главный врач уже воеет от его выходок, а чуть что – звонок от министерского дяди. Вот ведь трепетная любовь к племяннику! Так отчего бы этой падле и не покурить в изоляторе? Ему же всё можно! И не просто покурить сигаретку. Хер бы с ним. Нет, он сигару должен распалить. Чтобы интернице Олечке лапшу по ушам развешивать в солидном антураже. А тут санитарка-дурочка. «Ой, Александр Викторович, это сигара, да? Я никогда сигар не курила!» А министерский племянник не как заведующий, а как какой-то злобный школьный двоеч-

ник – «пошутил». Дал сигару девке, никогда сигарой не пыхтевшей, и говорит: «Ты только глубже, глубже затягивайся!» Та дурища и давай стараться. Вот на первой затяжке глаза на лоб и полезли. И она на спину шлёпнулась. Хорошо сзади койка стояла. Но башкой об стену мощно приложилась. Александр Викторович однажды уже примерно так «пошутил». Был в гинекологии старый доктор с дурацкой привычкой. Забегал в ординаторскую и у кого что на столе стояло – кофе или чай – хлобысь! – и выпивал в один присест. Так Александр Викторович решил его «проучить»: настоял крепкого раствора табаку и на один из столов ординаторской поставил. Старенький доктор забежал и по своей, да, действительно дурацкой и всех раздражающей привычке и заглотнул. Не всё, конечно. Но ему хватило. Старенький же. В кардиореанимации еле откачали. Другого бы «шутника» сняли. А этому – хоть бы хны. Дядя позвонил главному и объяснил, мол, мальчик пошутил. Мальчик борется за дисциплину. И с вредными привычками вроде пить кофе в ординаторской и тырить напитки у коллег. А тут и вовсе какая-то санитарка. Кому она нужна? Учитывая то, что башкой приложилась, но быстро в себя пришла. Татьяна Георгиевна долго орала и на заведующего гинекологией, и на свой собственный персонал. На интерна Олечку и даже на пришедшую в себя дуру,

куращую сигары взятяг в изоляторе обсервационного отделения. Всё!!! Теперь любые празднования под строгим окончательным запретом. Навсегда!!! А там посмотрим...

Вслед за этим без паузы привезли отслойку. Ну а как иначе! Куда же без этого под занавес?! Пришлось звонить Ивану Спиридоновичу и отменять randevu. С извинениями. Человек из Голландии торопился, она обещала именно сегодня. Но именно сегодня передоверить оперировать такую отслойку нынешнему ответственному дежурному рука не поднялась. Если бы её уже на работе не было! Но с этими сигарными разборками... Задержалась? Пеняй на себя. Ну или на своё слишком гипертрофированное чувство ответственности. Прямо раковая опухоль какая-то, а не чувство ответственности! Не поддаётся уже ни радикальной, ни паллиативной терапии!

На ночь решила не оставаться. К чёрту! Домой, спать, телефоны отключить. Все! В конце концов, не такая уж она и незаменимая. Справятся прекрасно и без неё. Приехать домой, залечь в ванну со стаканом виски и сигаретами. И потом спать. Всё.

Как только она залегла в ванну – позвонили в дверь. Кто? К ней и не ходит никто почти никогда! Не открывать! Лежать и не открывать! Но звонили настойчиво. Минут пятнадцать с перерывами. Вам когда-нибудь

звонили в дверь по пятнадцать минут? Вы принимали во время такого звонка ванну? То ещё удовольствие, не правда ли? А если ваша работа связана с некоторой ответственностью... Ну не покойный же Вовка она, ей-богу, чтобы из поля зрения пропадать совсем. Она – живая Татьяна Георгиевна Мальцева. Дура, которая не может спокойно принимать ванну под перезвон во входную дверь. Набросив махровый халат, она протопала из ванной комнаты в коридор, оставляя мокрые следы. Посмотрела в глазок. Панин!

– Танька, это я, открывай!

– Панин, тебя каким бесом занесло?!

– Открывай, чёрт тебя дерит!

Открыла. И перед ней предстал Семён Ильич. С двумя чемоданами.

– Варвара, идиотка, затеяла какие-то масштабные крестины. С крестильной, прости господи, кашей. Это такая размазня, в которой запечена курица, а для мужа, то есть для отца, ну то есть для сына, который папаша – крестильная каша должна быть горькой... Господи, какая чушь! И она носится с этим, ёклмн, ивентом, а я уже совсем не могу, у меня крышу рвёт... Танька, ты же согласилась выйти за меня замуж, да?

– Сёма, тебе не кажется, что ты несёшь какую-то ахинею, а? – насмешливо посмотрела на него Мальцева.

– Ты меняпустишь или мне тут так и стоять изваянием с чемоданами?

– Ты отлично смотришься! Шикарное композиционное решение для статуи у трёх вокзалов. Назвать можно как-нибудь соответственно. Ну хотя бы... ммм... «Человек, который никак не мог определиться». Или нет, как-то коротко, как выстрел. «Ходок». Чисто в традиции передвижников. Бороды лопатой и лаптей только не хватает...

– Танька, хорош уже. Я вхожу! У тебя что, там кто-то есть? Мне всё равно. Я вхожу! – попёр Панин на дверь.

– Входи, входи. Отелло командированный. Никого там нет. Кроме отлично известного тебе портрета. Но он отсюда никуда, ты учти. Так что располагайся, а я пока ванну приму. Доприму, точнее.

– И это всё? «Располагайся»?

– А ты чего ждал? Праздничного ужина из семи блюд? Извини, крестильной каши нет. Кофе. Виски. Сигаретка.

– Я бросил, – мрачно напомнил Панин.

– А я – нет.

Мальцева отправилась в ванную комнату. С намерением лежать в лохани ровно столько, сколько потребуется Панину, чтобы раствориться в пространстве. Нет? Он ещё не исчез, проклятый глюк? Похоже,

нет. Похоже, он не глюк. Уже почти полночь, и он всё бродит по кухне, гремя посудой. Чёрт, всё равно уже никакого удовольствия от ванны не получишь. Пора вылезать навстречу неизбежному.

Как только она набросила халат, снова раздался звонок в дверь. Опять?! А это кто ещё? Залила соседей снизу? Даже в глазок глядеть не буду. Смотри не смотри, раз уж сегодня тут проходной двор – так тому и быть. Некоторая доля здорового фатализма никому не вредит. Наоборот – выручает в особенно безнадёжных случаях.

На пороге стоял Иван Спиридонович Волков. Без чемоданов. Зато с роскошным букетом и объёмными брендованными пакетами.

– Таня, прости, что я так поздно. Но я подъехал к тебе на работу, сказали, уже ушла. На телефонные звонки не отвечаешь. Да-да, я знаю, что ты, наверное, хотела отдохнуть, отменила наше сегодняшнее свидание, но я должен был тебя увидеть и сказать тебе...

В коридоре появился Панин.

– Здравствуйте! – несколько опешил Волков.

– Добрый вечер! – ответил не менее опешивший Панин.

– Иван Спиридонович, – представился Волков.

– Семён Ильич, – отрекомендовался Панин.

– Татьяна Георгиевна! – ляпнула Мальцева и захи-

хикала. Всё-таки виски и горячая вода сыграли свою роль по окончательной укатке организма. – Заходите, Иван Спиридонович. Семён Ильич, он мой... Мой... Мой... Он мой начмед, во! – наконец-то нашла она подходящее существительное уточнение к притяжательному местоимению «мой» и приняла у Волкова букет цветов. – Семён Ильич, будьте любезны, пригласите моего гостя в мою кухню и сварите ему мой кофе. На моей плите. Я, господа, пока приведу себя в порядок. А что тут в пакетах, Иван Спиридонович? Неужели какое-нибудь подходящее случаю платypiш-ко?

– Да... Наверное... – пробормотал немного растерянный Волков.

Татьяна Георгиевна, подхватив пакеты, скрылась в комнате. Мужчины остались топтаться в коридоре.

– Ну что... э-э-э... Иван Спиридонович. Пройдёмте в кухню? – наконец прокашлялся Панин.

– Да, пожалуй!

Мужчины прошли в кухню.

– Мы с Татьяной Георгиевной старые друзья! – зачем-то сказал Семён Ильич.

– Это очень хорошо, да... – неуверенно промямлил Иван Спиридонович. – Старые друзья – это всегда хорошо! – добавил он уже более осмысленно.

– Я знаю её с восемнадцати лет, – выдал реплику

Панин. – С её восемнадцать лет. – Зачем-то пояснил он дополнительно.

– А я знаю её совсем недавно. Но мне кажется, что знаю уже очень давно. Она моему сыну помогла. Раскрыв мне глаза на то, каким я был глупцом. Теперь я пацану решил помочь. Открою ему шоу-рум. Я когда сообщил о таком своём решении, он очень обрадовался. И даже уже картинок мне нарисовал. Хочет там всё решить в стиле... Ну, как в «Алисе в Стране чудес». Забавно. И странно немного. Но, по-моему, она права – у каждого свой талант. Не можешь помочь – не мешай. Можешь – помоги. Она очень красивая, Татьяна Георгиевна.

– Так это ваш сынишка у нас в подвале мёртвый плод прятал? Гм... А у меня недавно внучка родилась! – не совсем уместно похвастался Панин. – У меня сын – травматолог. – Добавил он. – Они, идиоты, на автобусной остановке родили. Она – студентка меда, а он – врач. А родили на автобусной остановке. Представляете, какой позор мне? Я же начмед. Это всё равно что ваш... Вы чем занимаетесь, Иван Спиридонович.

– Цветметом.

– ...Что ваш сын алюминий от меди не отличит.

– Так он и не отличит.

– Ну так он у вас и не травматолог!.. Тьфу ты! Не

металлург.

– Так и я не металлург. Я – химик. По образованию.

– Ну химик-то алюминий от меди легко отличит! – со вздохом облегчения произнёс Семён Ильич.

Иван Спиридонович смотрел на своего собеседника с недоумением.

– Странные у нас дети, да? – несколько даже заискивающе предположил Семён Ильич.

Волков несколько раз согласно кивнул.

– Да вы присаживайтесь, Иван Спиридонович! – внезапно опомнившись, пригласил Панин. – Может, выпьем?

– Давайте! – тут же ухватился за рациональное предложение Волков.

– А моя жена, дура, затевает какие-то idiotские крестины, – пожаловался Семён Ильич, разливая тёмно-коричневую сорокаградусную жидкость по стаканам. – Ничего, что до краёв?

– Нормально! – великодушно простил Волков, жадно глядя на стакан.

– Кому они нужны, эти крестины? С какими-то курицами, запечёнными в крестильные каши? Ну, давайте за детей, Иван Спиридонович! Татьяна Георгиевна не просто очень, а очень-очень красивая!

Мужчины чокнулись и как-то жадно и быстро опорожнили свои стаканы до дна. Повисла некоторая па-

уза.

– Курите? – спросил через несколько секунд неловкости Волков, доставая из кармана пиджака пачку сигарет.

– Бросил, – завистливо вздохнул Панин. – Надо бы закусить! У Таньки ничего нет, кроме сухофруктов. Она сушёную клубнику может тоннами жрать. Годами может жить на сушёной клубнике! Воин Александра Македонского, мать её! Так что еды у неё в доме не бывает, и не надейтесь! Но у меня с собой есть варёная курица. Минуточку! – Панин выскочил в коридор и через минуту вернулся с пакетом. В пакете из супермаркета была курица-гриль. – Ну, то есть она не варёная, а гриль! – торжествующе потряс шуршащим кульком Панин. – Просто я сюда пришёл с чемоданами, потому и сказал «варёная». У каждого, кто с чемоданами, должна быть в пакете варёная курица. А у меня вот курица-гриль.

– Подходит! – одобрил Волков, тоже слегка поплывший, как и Панин, от принятых залпом старых добрых двухсот. – Чай, не господа, харчем перебирать. Это наши детки – господа. Подавай им того, подавай им сего!

– И не говорите! – согласно по-бабьи закивал Панин, разрывая курицу на части руками. – Подрастили поколение, ничего не скажешь!

– Ещё по одной, если позволите? – уточнил Волков.

– Отчего же не позволю, очень даже позволю! – загоготал Панин, укладывая куриную расчленёнку на тарелку. – Отчего же и не позволить, если человек хороший? Давайте, Иван Спиридонович, ещё по одной! То есть – по одному. Потому как пьём мы не как девочки – рюмками, а как взрослые дяди – стаканами!

Выпили ещё по одному. И уставились друг на друга какими-то не очень понимающими взглядами.

– Мне надо бы руки помыть! – наконец изрёк Панин. – От курицы. Вот и стакан засалил.

В этот момент в кухню вышла наконец Татьяна Георгиевна. В одном из пакетов от Волкова действительно обнаружилось очень подходящее платьишко. С голой спиной.

– Ничего, что я без туфель, господа?

Господа издали хоровой стон одобрения.

– Это, надо полагать, было ваше «ничего-ничего, вы нам и босая нравитесь, Татьяна Георгиевна!»

Хоровой стон одобрения повторился.

– Ну тогда и мне, что ли, налейте...

Часов до трёх ночи в жопу пьяные господа и ничуть не отстающая от них дама, пили, курили, доедали застывшую курицу-гриль и говорили о чём угодно – от рейдерских наездов на бизнес до особенностей современных кровезаменителей. Обо всех тонкостях

аудита до мракобесия поедających сырьём плаценту. (Панин так хорошо принял, что вместо «мракобесие» сказал «сракобесие», и два мужика сильно хорошо под полтинник долго оглашали ночную московскую кухню жеребцовым конюшенным ржанием). Татьяна Георгиевна сидела на подоконнике с бутылкой и пачкой сигарет, но даже её оголённая спина и откровенно задранные одна на одну ноги не могли отвлечь Семёна Ильича и Ивана Спиридоновича от посиделок «мужского клуба». В половине четвёртого Татьяна Георгиевна вызвала обоим такси. В коридоре они, поддерживая друг друга за локотки, обменивались заверениям типа «какой ты классный мужик!», а Волков даже попросил Панина на правах старого друга благословить их с Мальцевой брак. Он тихо шепнул ему на ушко (так «тихо», что слышала, вероятно, консьержка на первом этаже), что, собственно, он сегодня сюда явился делать предложение, но это – тсс! секрет! не сегодня-завтра уже, факт! – а и славно, так классно посидели! Семён Ильич, чуть не прослезившись, перекрестил Ивана Спиридоновича.

В общем, еле вытолкав их за двери, Татьяна Георгиевна уповала лишь на то, что таксисты не перепутают клиентов и не привезут Варе Паниной тело Волкова, а оболочку Панина не высадят перед пугающим своей роскошью кондоминиумом.

Кадр двадцать шестой

Последнее предложение

На утренней врачебной конференции Панин был мрачнее Байрона и величественнее Цезаря. Так и просидел молча, сверля каждого докладывающего взглядом, полным немого укора. Когда все отчитались и ждали гневного разбора полётов, Семён Ильич только махнул рукой, мол, валите! Врачи отправились по рабочим местам, недоумённо переглядываясь и гадая, с чего это начмед внезапно утратил дар речи? Почему сегодня никто пистона не получил и главное – чем это грозит? Честно говоря, никому и в голову не пришло, что начини Сёма говорить – и в зале все окосеют, как рыбы, в аквариум которым щедро плеснули алкоголя. Он и дышал-то через раз и неглубоко. Чтобы стёкла не запотели. И мечтал только об одном – поскорее добраться до кабинета, сжевать ещё полпачки кофейных зёрен и запить их литром минеральной воды из холодильника. Или двумя литрами. Похмельный гидроцефально-ликворный синдром разрывал его буйную головушку. Что это вчера было? Он ушёл от Варвары. К Татьяне. А почему утром проснулся дома? Он же твёрдо, окончательно и бес-

поворотно решил! Взял только самое необходимое на первое время. Чемоданы-то ещё у Мальцевой! Всю пятиминутку насмешливо пялилась на него, мерзавка! И хоть бы хны ей! Тоже, чай, уже не девочка, вискарь по ночам, как водичку хлебать. А как майская роза свежа, гадюка!

– Зайдите ко мне! – бросила телефонная трубка голосом Панина, выждавшего положенную паузу на перекур и на дойти до кабинета. Вот не мог на пятиминутке сказать или в коридоре, а?!

– Я могу вам чем-нибудь помочь, Семён Ильич? – не удержалась от иронии Мальцева, входя в кабинет.

– Таня, что это вчера было?! – уставился он на неё, даже не предложив присесть.

Татьяна Георгиевна неспешно подошла к кофеварке.

– Это ты *меня* спрашиваешь, что вчера было? Или я ошибаюсь?

– Да-да! Я именно тебя спрашиваю, что это вчера было?!

– Вчера ты пришёл ко мне с двумя чемоданами и одной курицей, а потом благословил на законный брак с Волковым. Ты разве не помнишь?

– Не помню! – издал Панин судорожный вздох и вцепился руками в густую коротко остриженную шевелюру. – Помню, что я приехал к тебе, чтобы остаться.

Пришёл какой-то мужик, мы с ним выпили, а следующий кадр уже дома. Просыпаюсь утром в собственной постели. Умываюсь, выхожу на кухню, а там Варвара уже континентальный завтрак изображает. С горячим кофе и анальгином.

– У тебя замечательная жена, Сёма!

Татьяна Георгиевна налила кофе и присела на диванчик.

– А мне чего не налила? – уставился на неё Панин.

– Потому что я не Варвара Панина. Я – Татьяна Мальцева. Я не женщина, а воин Александра Македонского. Могу поделиться горстью сухих фиников, хочешь?

– Ну чего ты издеваешься, а?

– Я издеваюсь? – улыбнулась Мальцева. – Ты приходишь ко мне навеки поселиться, пьёшь с моим текущим ухажёром. С ухажёром, у которого, в отличие от тебя, не только серьёзные намерения, но и абсолютная свобода. Приходишь, пьёшь, а потом такой: «Ой, а сколько времени?! Что-то засиделся я!» К половине четвёртого, Панин, ты забыл, что пришёл навеки. – Татьяна Георгиевна рассмеялась. Впрочем, совсем не зло, как можно было бы ожидать. – За что я тебе очень благодарна. Потому что Волков, хотя далеко и не глуп, но может позволить себе «не заметить» визит старого друга к старой подруге. Мало ли! С кем не бывает. Се-

мья расстроила, жена подвела – почему бы и не зайти к тётке, которую знаешь с восемнадцати лет, на огонёк? Посидеть, поплакаться... Отчего же и не зайти к старому боевому товарищу по такому случаю? С двумя чемоданами, ага. Волков – он дядька умный. Пока я ему нравлюсь, пока нужна и пока есть возможность «не заметить» – он не будет замечать. Он мне с утра уже позвонил, принёс свои извинения и за поздний визит и за дальнейшее развитие событий. Объяснил, что очень скучал, что никак не мог дождаться встречи, что у него ко мне серьёзное предложение, а тут – виски. Он не знал, что у меня в гостях старый друг, просто очень хотел видеть. И надеется на скорейшую встречу, где всё будет как положено. Вот так-то, Панин! – Татьяна Георгиевна недолго помолчала. – Так что это ты мне, Сёма, скажи – что это вчера было?

– Дьявол! Сам не знаю. Моторная реакция. Я же шёл к тебе... Навсегда! А тут такой – раз! – утром дома.

– Ага. Ты же не меньше, чем я, любишь «Меня зовут Троица». Сколько раз вместе смотрели! Сказал лошади «В Калифорнию!» – она и потопала в Калифорнию... Ты Варваре-то вчера сказал, куда и зачем идёшь?

– Ну да... Сказал, что ухожу к Мальцевой.

– И всё?

– А что тут непонятного?! – выверился Семён Ильич.

– Ты на меня-то не ори, ладно? К Мальцевой он уходит! Ты сколько раз Варваре такое говорил, а? Мы же с тобой вместе работаем. Фраза: «Ухожу к Мальцевой», равно как и вербальные конструкции: «Иду к Мальцевой» или «Еду к Мальцевой!» – для неё ничего не значат. Не у тебя одного, знаешь ли, моторные реакции работают. И если не ума, то житейской хитрости у неё ничуть не меньше, чем у Волкова. Так что то, что можно «не заметить», она предпочтёт «не заметить».

– Но ты же будешь со мной, да? – умоляюще посмотрел на неё Панин.

– Ну ты же начмед, а я – заведующая отделением. Куда я от тебя денусь?

Татьяна Георгиевна встала, сполоснула чашку из-под кофе, поставила её на поднос.

– Одежды у тебя куда больше, чем два чемодана. Так что они мне не мешают. Заберёшь, когда будет удобно.

– Таня, постой!.. – Но Мальцева уже вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собою дверь.

Через час поступила роженица. Свидетельница Иеговы, мать её. С кучей бумажек формата А4 о том, что ни органы, ни кровь, ни какие-нибудь её, крови, тьфу-тьфу-тьфу, компоненты-элементы-фрак-

ции... В общем, приравнивается к людоедству. А чтобы врачам «ничего не было», они такие вот бумажки несут. Как будто летальные комиссии и Минсоцздрав волнует вероисповедание или то, праздновала покойная День космонавтики или приравнивала при жизни хороводы вокруг новогодней ёлки к идолопоклонничеству.

– Да кому ты на одно место упала, кровь тебе переливать, а? – пробормотала себе под нос Татьяна Георгиевна, разглядывая обменную карту.

– Что вы сказали? – вежливо уточнила у неё тихо охающая роженица.

– Говорю, что у вас пятые роды. Всякое может быть. И на всё, разумеется, воля божья. Переводите в родзал! – наказала она акушерке приёма.

Вот, что называется, не каркай, даже про себя! Сразу после отделения последа началось гипотоническое кровотечение. Проводимые мероприятия без эффекта. Ну что, Татьяна Георгиевна, разворачиваемся?

Матку удалили. И что? ДВС – вот он уже, канонический. Тут хоть все запасы «голубой крови»⁴⁶ перелей – эффекта ноль!

– Член-корреспондент Российской академии медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, директор научно-исследовательского института

⁴⁶ Перфторан, синтетический кровезаменитель.

реаниматологии, профессор Виктор Мороз утверждает, что полный отказ от крови невозможен. «С кровью пока ничто не сравнится. Слишком уж много у неё «обязанностей», заменить которые невозможно!» Конец цитаты, – раздался голос Святогорского. – Потому, Татьяна Георгиевна, такое у меня к вам предложение: лейте кровь.

– Ага, а она выживет – и в суд на меня подаст.

– Если не выживет – родственники подадут. Мы ей кровь перельём, а в истории не запишем.

– Ну да... Тогда меня обвинят в должностном преступлении. Куда я флаконы спишу, а?

– Бригада! Закройте уши! – крикнул Аркадий Петрович. – Тань, пока ты тут, жопа в мыле, стоишь, я уже тихохонько все пробы сделал. Моя кровь и кровь этой тётки – просто близнецы-братья, – шепнул он. – Мне тут Маргарита Андреевна пол-литра уже скачала. Свежак, должно сработать! Обидно будет, если мой подвиг пропадёт втуне.

– Ну ты шантажист! Лаборантка, ну что там?

Стоящая тут же лаборантка, размазывающая кровь пациентки по стеклу, покачала головой, мол... В общем-то лаборантка с её «cito!» тут уже и ни к чему. Потому что из влагалища уже подтекает кровь, именуемая «лаковой». И ни один кровезаменитель, ни одна плазма, ни один из компонентов не восполнят, не ис-

правят, не спасут... Только тёплая донорская кровь.

– Ставьте! – распорядилась Мальцева.

Нет ничего чудодейственнее тёплой донорской крови! Ни-че-го! Бог наверняка в курсе. А «свидетели», как обычно, слегка путаются в показаниях.

– Всё, как обычно! – спустя пару часов язвил Святогорский в кабинете заведующей обсервации. – Состояние больной стабилизировано, имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен! Бедный, бедный мой престарелый костный мозг! Татьяна Георгиевна, с вас бутылка коллекционного портвейна. Он канает за красное вино? Я, кстати, Панина поставил в известность. Не поставил бы я – донёс бы кто-то из бригады. Хотя операционные у нас проверенные. Но когда Маргоша мне кровопускание делала, мимо Маковенко пробежала... Сама понимаешь.

– И что Панин?

– Панин сказал, что Татьяна Георгиевна знает, что делает. То есть опять Святогорский со своими подвигами в пролёте.

– Бедный ты наш разнесчастный Аркадий Петрович. А не завалиться ли нам сегодня вечером в нашу любимую едальню?⁴⁷ Ты, я, Марго. Интерна возьмём. Он сегодня ловко со всем справлялся. Классный он,

⁴⁷ Место излюбленных встреч «для своих». – См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

этот Александр Вячеславович. Будет из него хирургический толк. Интерны – они обычно начинают суесться, когда в ране «водопровод прорывает», всегда кого-то более опытного звать приходится. А этот – ничего. Пойдёмте сегодня тёплой дружеской компанией, а? Мне теперь даже дома небезопасно. Реально – совершенно негде спрятаться! И в жилетку поплакаться некому...

– Ну, когда же я был против сборища патрициев у Капитолия? А сегодня – так и вообще! Моя ИОВ к мамаше умотала, та в очередной раз при смерти.

– А помните ли вы, о девы?! – вещал Святогорский поздним вечером в любимой кафешке, давно уже сменившей статус на ресторанный, в том самом отдельном уютном зальчике, который всегда был к услугам сотрудников этой недалеко расположенной больницы. – Помните ли вы, сколько этих Свидетелей Иеговы было в девяностых? О-о-о!!! Да они просто косяками валяли. Я тогда даже грешным делом их историю взаимоотношений с кровью и органами изучил. В таком-то году им было можно вот это-то, а в 1950-м – строгий запрет на всё! Затем снова послабление. Позже – снова здорово, ничего нельзя! Я даже как-то, помнится, спросил одного из них, целуются ли они со своими жёнами. И как же быть тогда со слюной? Тоже, поди, жидкость и среда организма. Ну, не говоря уже

о сперме, которой они щедро одаривают своих спутниц жизни.

– И что тебе ответили? – живо поинтересовалась Маргарита Андреевна.

– Целую лекцию прочли. Очень много слов. Я ничего не понял. Но самой лекцией был очарован. Даже я не смогу звиздеть столь долго сколь же и беспредметно. Они, все эти толкователи Слова Божьего и Воли Божьей – всегда были для меня одной из самых непонятных форм жизни. А какая у них полиграфия была, помните? Таковую бы бумагу, да на добрые дела! Гоголя б лучше переиздали, или Маргарет Юрсенар, или Алешковского, или... Эх! – Святогорский махнул рукой.

– Да-да! Меня это тоже всегда сильно удивляло. Вот откуда у них на всё это деньги?!

– Ох уж мне эти материально ответственные личности! Мир бездуховен не из-за денег, Марго. Хотя местами и с их помощью. Спорить не буду! – рассмеялся Аркадий Петрович.

– Не, ну я правда понять хочу! Прекрасно помню, как в середине тех самых девяностых приезжали эти Свидетели целыми микроавтобусами и рассказывали, что семья их многодетная живёт в огромной квартире, переделанной из всех четырёх клетушек этажа. Кто им это всё спонсировал? Какие такие организа-

ции?

– Эх, Марго, Марго. Если б не праздничные застолья – перманентный атрибут нашей грустной жизнедеятельности, – ты бы уж на целый доходный дом на собирала! – важно задрав вверх указательный палец, ответил Святогорский.

– Да уж... – смешно скосив глаза, задумалась Маргарита Андреевна. Но тут же, опомнившись, заголосила: – Всё равно! Несчастливы их дети! Жить, не зная салютов на Новый год и День Победы! Аркаша, а где Танька и интерн?!

– Оставь их, пуцай поговорят! Я сейчас Фирсову⁴⁸ позвоню для оживления компании! Вы тоже молодцы – придумали собраться не в пятницу! И этих ещё приволокли, – он кивнул на Поцелуеву и Родина, сидящих рядышком. Поцелуева уже была близка к тому, чтобы оправдать своё громкое прозвище, и смотрела на непрерывно что-то тараторящего заведующего патологией, как кот на сметану.

Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович разговаривали за соседним столиком, куда отсели несколько минут назад. Точнее, интерн что-то говорил заведующей, а та внимательно слушала, не переби-

⁴⁸ Старый друг Святогорского, заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии главного корпуса. – См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

вая. Но заметно становилась всё веселее и веселее. И, наконец, не выдержав, расхохоталась:

– Вы всё это мне всерьёз несли, Денисов? – и, встав, продекламировала на весь небольшой зал, явно рассчитывая на то, что будет услышана: – «Я лично против безобразия в половой сфере... Любишь мужика, давай поехали, если деньги есть»⁴⁹. У вас деньги есть, Александр Вячеславович?

Александр Вячеславович тоже встал. Поцеловал руку Татьяне Георгиевне и сказал куда тише, нежели она:

– Мы уже давно разобрались, что литературные пристрастия наши совпадают. Я тоже люблю Ваксона. Местами... Но вас я люблю куда больше, Татьяна Георгиевна. Я подожду. – И, удерживая всё за ту же руку, отвёл к столику, где заседали её друзья и коллеги. – Всем приятного вечера. Я, пожалуй, уже пойду.

– Куда вы, Денисов?! – удивлённо воскликнула Марго.

– На работу, Маргарита Андреевна.

– Так мы все недавно с неё!

– На другую работу.

– На другую?! – не поняла Марго. – На какую это такую *другую*? – Но тот слегка поклонившись, уже отошёл.

⁴⁹ Цитата из романа Василия Аксёнова «Ожог».

– Ну неделька задалась. – Мальцева проводила взглядом интерна и повернулась к друзьям. – Урожайная, нечего сказать!

– Ты что ему такое брякнула?! – напустилась Марго на подругу.

– Я?! Это не я ему, а он мне брякнул.

– И что же такого мог брякнуть тебе юный рыцарь, что тебя так развеселило? – наклонился к ним Святогорский.

– Предложение мне сделал.

– Рационализаторское?

– Да не то слово! И прям сразу с заявлением на оформление патента. Предложение руки и сердца сделал мне этот чудесный малыш. Жениться он на мне хочет, честь по чести. Умора!

– А чего такого?! – удивился Святогорский. – Я на его месте тоже сделал бы тебе предложение. Баба ты видная, опять же – заведующая. Предложение бы я тебе сделал, но жениться – хрен бы я на тебе женился! Кто ж на блядях-трудоголиках женится? – дружелюбно загоготал Аркадий Петрович.

– Что ты чушь несёшь! – махнула на Святогорского Маргарита Андреевна. – А ты тоже! – укоризненно зыркнула она на Татьяну Георгиевну. – Ни тот тебе, ни этот! Ни двадцать пятый! Дура! Хочешь – с Паниным живи, расплётся он в конце концов со своей

Варварой-стряпухой. Если почувствует, что ты его хочешь, разумеется. Его! Всего! Навсегда! Хочешь – за Волкова замуж выходи, тоже дядька ничего. Небеден и свободен. И чем тебе Александр Вячеславович не угодил? От него дети красивые и здоровые будут, пока ты можешь, а он молодой. Что, так и будешь с хлеба на воду перебиваться, а? Противно смотреть, сил уже нет! Или в монастырь собралась? Это сейчас не модно! Ты куда?..

Мальцева вскочила, надела шубку, залихватски обмоталась шарфом и, перед тем как выскочить из зала, яростно рявкнула:

– На работу я собралась! Чтоб от моды не отставать!

Продолжение следует...

